

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра конституционного права
Кафедра экологического права
Центр устойчивого развития юридического факультета

Правовые гарантии целей устойчивого развития государства и общества

Материалы
научного семинара
Минск, 17 декабря 2020 г.

Минск,
2021

УДК 34(06)
П 685

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
16 февраля 2021 г., протокол № 6

Под ред. Шавцовой А. В.

Рецензенты:

Е.В. Семашко, заместитель директора – руководитель Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

А.А. Пухов, заместитель декана по научно-исследовательской и научно-образовательной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Правовые гарантии целей устойчивого развития государства и общества : сборник материалов научного семинара, Минск, 17 декабря 2020 г., / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права, Каф. экологического права, Центр устойчивого развития юридического факультета ; [под ред. А. В. Шавцовой]. – Минск : БГУ, 2021. – 132 с. – Библиогр. в конце статей.

В сборнике содержатся научные материалы участников научного семинара «Правовые гарантии целей устойчивого развития государства и общества», который состоялся в г. Минске 17 декабря 2020 г. на базе юридического факультета Белорусского государственного университета.

В сборнике представлены научные исследования правовых гарантий Целей устойчивого развития государства и общества, посвященные основным аспектам практики реализации Национальной платформы представления отчетности по показателям Целей устойчивого развития, а также совершенствованию национального законодательства и правоприменения.

Сборник адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам, магистрантам и аспирантам юридических факультетов, а также всем, кто интересуется вопросами белорусского конституционализма.

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Андрияшко М.В.,

*доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления
Барановичского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
ул. Войкова, 21, 225404, г. Барановичи, Беларусь,
marynaandryashka@gmail.com*

Общепринятого в научном обороте определения понятия «социальная политика» нет. Собственно, и само понятие имеет относительно недавнее происхождение, а в аспекте социальной защиты (в привычном нам значении) и вовсе насчитывает немногим более века мировой истории. Социальная политика тесным образом связана с одной из ключевых функций государства – социальной. В общем смысле реализация социальной функции состоит в осознании и принятии государством ответственности и обязательств по удовлетворению социальных потребностей граждан. Указанное становится возможным при условии построения и обеспечения эффективной работы механизмов и создания институциональной среды (системы социальной защиты; внебюджетных фондов; профильных министерств и их территориальных органов; алгоритмов, позволяющих субъекту реализовать его субъективное право на тот или иной вид социального обеспечения дистанционно; и др.).

Субъектом социальной политики в Республике Беларусь является государство в лице республиканских органов государственного управления, действующих в рамках отдельных ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), а также органы местного самоуправления. Объектом социальной политики выступает население государства, в лице как отдельных граждан, так и этих же граждан, включенных в какие-либо социальные группы (несовершеннолетние; пенсионеры; инвалиды; и др.) [1].

Статья 2 Конституции Республики Беларусь провозгласила высшей ценностью и целью общества и государства человека, его права, свободы и гарантии их реализации [2]. В силу того, что человек является объектом социальной политики государства, гарантии прав человека в социальной сфере столь же разнообразны, как и классические гарантии прав и свобод человека.

Условно гарантии прав и свобод человека могут быть подразделены на две большие группы: общие (экономические; социальные; духовные или идеологические; политические; информационные; институциональные) и специальные (юридические). К особой группе юридических гарантий прав человека относятся гарантии реализации, «...по-иному, косвенные гарантии и гарантии охраны или непосредственные гарантии...» [3]. Гарантии реализации прав и свобод образуют ту благоприятную среду, которая является предпосылкой осуществления человеком своих прав и свобод. К гарантиям реализации прав и свобод относятся пределы прав и свобод; единичные

юридические факты или более объемные юридические составы, обладание которыми может приблизить наступление желаемых правовых последствий в виде назначения и предоставления того или иного вида социального обеспечения; процедурные и процессуальные формы реализации; и другие. В действующей Конституции Республики Беларусь, например, «...только во втором разделе «Личность, общество, государство» практически все нормы, в которых присутствуют слова «каждый», «каждому», являются правовыми основами для реализации права человека и гражданина по удовлетворению различных потребностей – в жилище, неприкосновенности, свободе слова, собственности и т.д., а следовательно, являются гарантиями прав граждан, так как создают благоприятные условия для реализации потребностей граждан в каком-нибудь благе» [3].

Принятая Организацией Объединенных Наций 25 сентября 2015 года Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (далее – Повестка-2030) является беспрецедентным документом. «Она принята всеми странами и применима ко всем с учетом разных национальных реалий, возможностей и уровней развития и с соблюдением национальных стратегий и приоритетов» (п. 5) [4, с. 3]. Повестка-2030 предусматривает 17 Целей в области устойчивого развития, «это — универсальные цели и задачи, которые охватывают весь мир: как развитые, так и развивающиеся страны. Они носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития» (п. 5) [4, с. 3].

Устойчивое развитие обусловлено развитием трех компонентов (измерений): экономического, социального и экологического. Эти компоненты взаимосвязаны, а преломление через призму социальной политики демонстрирует и их взаимообусловленность.

В наибольшей степени прямое воздействие на формирование и реализацию социальной политики оказывают следующие четыре Цели в области устойчивого развития:

Цель 1 (Ликвидация нищеты) – по данным ООН, в 2016 году лишь 45 процентов мирового населения имели по крайней мере одну льготу социального обеспечения [5]. К 2030 году ожидается ликвидирование крайней нищеты для всех людей во всем мире (в настоящее время крайняя нищета определяется как проживание на сумму менее чем 1,25 долл. США в день) [6];

Цель 2 (Ликвидация голода) – по данным ООН, если бы женщины-фермеры имели равный с мужчинами доступ к ресурсам, число голодающих в мире сократилось бы до 150 млн. [7];

Цель 3 (Хорошее здоровье и благополучие) – по данным ООН, в 2017 году от СПИДа погибли 940 тысяч человек; в целом с момента начала эпидемии ВИЧ заразились 77,3 миллиона человек, а от СПИДа погибли 35,4 миллиона; ВИЧ является ведущей причиной смерти женщин репродуктивного возраста всего мира [8];

Цель 8 (Достойная работа и экономический рост) – по данным ООН, в 2017 году общемировой уровень безработицы составлял 5,6 процента, а в 2000 — 6,4 процента; по данным на 2016 год, по всему миру 61 процент всех

работающих заняты в неформальном секторе экономики (за исключением сельскохозяйственного сектора, где этот показатель составляет 51 процент); в глобальном масштабе заработная плата женщин на 23 процента меньше заработной платы мужчин. Потребуется 68 лет для того, чтобы устранить этот разрыв; женщины продолжают заниматься неоплачиваемым домашним трудом в 2,6 раза чаще, чем мужчины; в период с 2016 по 2030 годы для новых участников мирового рынка труда потребуется 470 миллионов рабочих мест [9].

При этом, отдельные Цели носят общий утилитарный характер и в равной степени применимы к каждому из трех компонентов устойчивого развития. Например, Цель 4 (Качественное образование), Цель 5 (Гендерное равенство), Цель 6 (Чистая вода и санитария).

Республика Беларусь предпринимает важные шаги для практической реализации на национальном уровне Повестки-2030. Во-первых, сформирован национальный координационный механизм для достижения Целей устойчивого развития, то есть приведены в действие институциональные гарантии реализации. В частности, Президентом Республики Беларусь учрежден пост Национального координатора по вопросам достижения Целей устойчивого развития Р, под руководством которого формируется национальный совет по устойчивому развитию [10]. Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 181 «О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития» [11] Национальным координатором была назначена заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Щеткина Марианна Акиндиновна. Разработано и этим же Указом утверждено Положение о Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития. С 13 февраля 2020 г. Национальным координатором по достижению Целей устойчивого развития назначен Исаченко Анатолия Михайловича, заместителя Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь.

В контексте каждой из четырех Целей устойчивого развития, оказывающих влияние на формирование и реализацию социальной политики достигнуты следующие результаты.

Цель 1 (Ликвидация нищеты) – по данным Министерства труда и социальной защиты, по состоянию на 1 декабря 2020 г. для многодетных семей открыт 92 231 депозитный счет «Семейный капитал», из них 82 253 депозитных счета на сумму 822,5 млн. долларов США и 9 978 депозитных счетов на сумму 224,5 млн. рублей. По состоянию на 1 декабря 2020 г. на досрочное распоряжение средствами семейного капитала подано 27 172 заявления. Из них на цели улучшения жилищных условий – 24 405 (90 %), на получение образования – 1 558 (6 %), на получение медицинских услуг – 1 209 заявления (4 %). Принято 25 745 решений о досрочном распоряжении средствами семейного капитала [12].

Цель 2 (Ликвидация голода) – средний доход мелких производителей продовольственной продукции в 2018 году составил 734 рубля, в 2019 году – 855 рублей [13].

Цель 3 (Хорошее здоровье и благополучие) – по данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, в 2016 году Беларусь стала первой и единственной страной в Европе, получившей удостоверение ВОЗ, официально подтвердившее полное предотвращение передачи от матери к ребенку ВИЧ-инфекции и сифилиса. Реальными стали достижение к 2020 году увеличения ожидаемой продолжительности жизни до 75,3 года, снижение детской смертности до уровня не более 40,5 случая на 100 тыс. детского населения и снижение смертности трудоспособного населения до 3,8 случая на 1 тыс. человек, что по прогнозам позволит обеспечить повышение суммарного коэффициента рождаемости с 1,72 в 2015 году до 1,75 в 2020 году [14].

Цель 8 (Достойная работа и экономический рост) – доля неформальной занятости в несельскохозяйственных секторах в разбивке по полу составляла: в 2018 году – в целом по республике 8,2 процента (мужчины – 9,9 процента; женщины – 6,6 процента); в 2019 году – в целом по республике 8,2 процента (мужчины – 10,1 процента; женщины – 6,5 процента) [15].

Статистические данные о результатах реализации в течение пяти лет действий Республики Беларусь по достижению Целей устойчивого развития в социальной сфере внушают оптимизм и свидетельствуют об исполнении государством принятых на себя обязательств.

Список использованных источников:

1. Гражданин. Общество. Государство: Россия в XXI в. [Электронный ресурс] / М. Г. Абрамова [и др.] ; отв. ред. В. М. Капицын. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – Режим доступа : http://www.umo.msu.ru/russia_xxi_new/book.html. – Дата доступа : 16.12.2020.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

3. Крысь, Е. Г. Система гарантий в сфере прав и свобод человека в конституционном законодательстве Республики Беларусь / Е. Г. Крысь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://core.ac.uk/download/pdf/323975013.pdf>. – Дата доступа : 16.12.2020.

4. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [Electronic resource] : Resolution adopted by the General Assembly, 25 September 2015, № 70/1, 70th session. – Access mode : https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf/. – Access date : 16.12.2020.

5. Цель 1: Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах [Электронный ресурс] : Официальный сайт ООН / Устойчивое развитие, Департамент по экономическим и социальным вопросам. – Режим доступа : <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/poverty/>. – Дата доступа : 16.12.2020.

6. Цель 1: Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах [Электронный ресурс] : Официальный сайт Нац. статистич. комитета Респ.

Беларусь. – Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/SDG/Naz_perechen_pokas_SDG/tse1-1/. – Дата доступа : 16.12.2020.

7. Цель 2: Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства [Электронный ресурс] : Официальный сайт ООН / Устойчивое развитие, Департамент по экономическим и социальным вопросам. – Режим доступа : <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/hunger/>. – Дата доступа : 16.12.2020.

8. Цель 3: Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте [Электронный ресурс] : Официальный сайт ООН / Устойчивое развитие, Департамент по экономическим и социальным вопросам. – Режим доступа : <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/health/>. – Дата доступа : 16.12.2020.

9. Цель 8: Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех [Электронный ресурс] : Официальный сайт ООН / Устойчивое развитие, Департамент по экономическим и социальным вопросам. – Режим доступа : <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/>. – Дата доступа : 16.12.2020.

10. Национальный доклад Республики Беларусь об осуществлении повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Официальный сайт ООН / Устойчивое развитие, Департамент по экономическим и социальным вопросам. – Режим доступа : <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16357Belarus.pdf>. – Дата доступа : 16.12.2020.

11. О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 мая 2017 г., № 181 ; ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 13.02.2020 г., № 52 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 15.02.2020. – 1/18850.

12. Семейный капитал для многодетных семей [Электронный ресурс] : Официальный сайт М-ва здравоохранения Респ. Беларусь. – Режим доступа : http://mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/semeynyj-kapital-dlja-mnogodetnyx-semey_3794/. – Дата доступа : 16.12.2020.

13. Средний доход мелких производителей продовольственной продукции [Электронный ресурс] : Официальный сайт Нац. статистич. комитета Респ. Беларусь. – Режим доступа : <http://sdgplatform.belstat.gov.by/sites/belstatfront/index-info.html?indicator=2.3.2.1>. – Дата доступа : 16.12.2020.

14. Что такое цели устойчивого развития? [Электронный ресурс] : Официальный сайт М-ва здравоохранения Респ. Беларусь. – Режим доступа : <http://minzdrav.gov.by/dlya-belorusskikh-grazhdan/Chto%20takoye%20TSUR.php>. – Дата доступа : 16.12.2020.

15. Доля неформальной занятости от общей занятости в разбивке по сектору и полу (процент) [Электронный ресурс] : Официальный сайт Нац. статистич. комитета Респ. Беларусь. – Режим доступа :

ОЦЕНКА ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

*Антанович Н.А.,
заведующий кафедрой политологии
Белорусского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
ninaant@rambler.ru*

Глобальные проблемы человечества охватывают круг вопросов, касающихся взаимодействия общества и природы, взаимодействия между отдельными государствами и блоками государств, а также взаимодействия человека и общества. Глобальные проблемы имеют общемировой, планетарный охват, связаны с существованием человеческой цивилизации. По мере осознания человечеством этих проблем шла выработка механизмов, способных, по крайней мере, снизить напряженность угроз ухудшения окружающей среды и даже уничтожения человечества. В этом плане поворотным пунктом признана Международная конференция по окружающей среде и развитию, организованная ООН в 1992 г. и прошедшая в Рио-де-Жанейро. Декларация, принятая по итогам указанной конференции, закрепила принцип устойчивого развития. Данный принцип закрепляет идею сбалансированного развития населения и производства без разрушения природы. Устойчивое развитие должно обеспечить достижение высокого уровня экономического достатка, социального обеспечения при сохранении окружающей природной среды.

25 сентября 2015 г. ООН принята Повестка в области устойчивого развития до 2030 г. ООН сформулированы 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР). ЦУР охватывают ключевые проблемы по ликвидации нищеты и голода, обеспечению здоровья и образования, гендерному равенству, доступу к чистой воде и энергии, обеспечению экономического роста, индустриализации и инноваций, достойной работы и уменьшения неравенства, развития городов и других населенных пунктов, ответственного потребления, борьбы с изменениями климата, сохранения экосистем морей и суши. ЦУР также включают обеспечение мира, правосудия и эффективных институтов, а также партнёрство государств в интересах устойчивого развития.

В 2017 г. в нашей стране учрежден институт Национального координатора по достижению ЦУР [1]. Национальным координатором по достижению ЦУР является заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь А. Исаченко. С мая 2017 по февраль 2020 г. пост Национального координатора по достижению ЦУР занимала М. Щёткина [2]. Национальный статистический комитет Беларуси занимается разработкой показателей для оценки достижения ЦУР на страновом

уровне. Созданы Национальная платформа представления отчетности по показателям ЦУР и Дорожная карта по разработке статистики по ЦУР [3].

Статистический отдел Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам разрабатывает доклады о целях в области устойчивого развития. Существует Глобальная база данных по показателям достижения ЦУР (<https://unstats.un.org/sdgs/indicators/database>), которая охватывает 194 страны. В докладе ООН за 2020 г. по достижению ЦУР отмечается, что есть дефицит информации по ряду целей, наблюдается опоздание в предоставлении данных. И «даже в тех странах, которые располагают необходимыми данными, за все время было проведено лишь небольшое число наблюдений, что затрудняет отслеживание прогресса и выявление тенденций» [4].

Для сбора эмпирических данных по достижению целей в области устойчивого развития каждая из 17-ти целей разбита на задачи, а далее выделены показатели, подлежащие измерению. Рассмотрим пример с целью № 16 – «развитие мирных инклюзивных обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию, создание эффективных, подотчетных и инклюзивных институтов на всех уровнях». Указанная цель разделена на следующие задачи: сократить все формы насилия и связанные с ними показатели смертности во всем мире; прекратить жестокое обращение, эксплуатацию и торговлю детьми; содействовать верховенству права на национальном и международном уровнях; к 2030 г. сократить незаконные финансовые потоки от торговли оружием; сократить коррупцию и взяточничество во всех формах; создать эффективные управленческие институты; расширить участие развивающихся стран в институтах глобального управления; обеспечить доступ общественности к информации и защиту основных свобод; укрепить правозащитные институты и принятие недискриминационных законов. На глобальном уровне определено 23 показателя для оценки цели № 16. Остановимся лишь на показателях для измерения прогресса в достижении задачи «создание эффективных управленческих институтов». Используется два измеряемых индикатора: 1) доля государственных расходов по основным секторам; 2) доля населения, удовлетворённого оказанием государственных услуг [5]. Обращаем внимание, что каждая из перечисленных выше задач делится на измеряемые индикаторы. Источники информации для метаданных ООН: официальная статистика государств, данные НГО и различных аналитических центров.

Измерением показателей достижения ЦУР и составление рейтингов 166 государств занимаются специалисты Кембриджского университета. В Отчете 2020 г. по устойчивому развитию отмечается, что он не отражает взгляды ООН или каких-либо отдельных организаций. Данные берутся из широкого круга источников: международных организаций, организаций гражданского общества и исследовательских центров. В Отчете 2020 приводятся данные за 2019 г., согласно которым ведущие места в мире по реализации ЦУР заняли: первое место – Швеция с индексом 84,7 из 100, второе – Дания (84,6), третье – Финляндия (83,8), четвертое – Франция (81,1), пятое – Германия (80,8), шестое – Норвегия (80,8), седьмое – Австрия (80,7), восьмое – Чехия (80,6).

Беларусь на 18-м месте с индексом 78,8, Россия – на 57-м, Украина – на 47-м. Замыкают рейтинг Сомали, Южный Судан, Центрально-Африканская Республика [6]. Так, в Отчете Кембриджского университета по реализации ЦУР 16 «Мир, справедливость и эффективные институты» для Беларуси дана следующая статистика (согласно стандартным показателям расчета): убийства (на 100 000 населения) – 3,6 (2014 г.); заключенные без приговора (% от заключенных) 9,4 (2018 г.); доля населения, которое чувствует себя в безопасности, гуляя ночью в одиночестве по городу или району своего проживания – 61,5 % (2019 г.); соблюдение прав собственности (худшие 1–7 лучших) – нет данных; регистрация рождений в органах власти (% детей до 5 лет) – 100,0 (2018 г.); индекс восприятия коррупции (худшие 0–100 лучшие) – 45 (2019 г.); дети, вовлеченные в детский труд (% населения в возрасте от 5 до 14 лет) – 1,4 (2016 г.); экспорт основных видов обычных вооружений (млн долларов США на 100 000 населения) – 1,1 (2019 г.); индекс свободы прессы (лучшие 0–100 худшие) – 51,7 (2019 г.) [7]. Отметим, что приведенные данные по детскому труду удивляют.

Итак, ЦУР – комплексный инструмент координации действий государств на глобальном уровне. Принятие обязательств по реализации ЦУР – ответственное решение государств, поскольку оно требует мер как экологического, экономического, социального, так и политического характера.

Координации достижения ЦУР на национальных и международном уровнях служит оценка достижения каждой из 17 провозглашенных целей. Оценка достижения целей устойчивого развития – процедура, подробно разработанная Статистическим отделом Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам. Однако специалисты ООН пока признают недостаток данных для составления полной картины реализации ЦУР. Хотя методология измерения четко проработана: каждая из 17 целей делится на задачи, а они, в свою очередь, подразделяются на измеримые показатели. Ученые Кембриджского университета реализовали проект измерения достижения ЦУР для 166 стран мира.

Список использованных источников:

1. О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития [Электронный ресурс] Указ Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 181 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Цели устойчивого развития [Электронный ресурс] : Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.sovrep.gov.by/ru/tsur-ru/>– Дата доступа: 14.12.2020.

3. Национальная платформа представления отчетности по показателям ЦУР. [Электронный ресурс] Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://sdgplatform.belstat.gov.by/sites/belstatfront/home.html>– Дата доступа: 14.12.2020.

4. Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2020. [Электронный ресурс] ООН. – Режим доступа: https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf – Дата доступа: 14.12.2020.

5. SDG Indicators. Metadata repository. [Electronic resource] UN. – Mode of access: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/> – Date of access: 14.12.2020.

6. Sustainable Development Report 2020. [Electronic resource] Cambridge University – Mode of access: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2020/2020_sustainable_development_report.pdf – Date of access: 14.12.2020.

7. Belarus. Eastern Europe and Central Asia. [Electronic resource] Sustainable Development Report 2020. – Mode of access: <https://dashboards.sdgindex.org/profiles/blr> – Date of access: 14.12.2020.

СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Анциферова Э.Ю.,

аспирант кафедры конституционного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр юридических наук

Научный руководитель: Бакун А.С.,

заместитель декана по учебно-воспитательной работе юридического факультета Белорусского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент,

ул. Толбухина, 2, 220012, г. Минск, Беларусь,

edita.antsiferova@yandex.ru

Одним из актуальных и перспективных научно-исследовательских направлений в области права является разработка проблемы сущности основных прав и свобод личности, которые служат базой для определения содержания и применения закона. Права человека являются не только общечеловеческой ценностью, но и правовым идеалом для всей правовой системы.

Обеспечение максимально возможной реализации прав и свобод человека также не теряет своей актуальности на протяжении всего существования независимого белорусского государства. В соответствии с ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Беларусь «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [1, ст. 2]. Анализ основ современного правопорядка позволяет вычленить одно из основополагающих прав человека и основ всех гражданских свобод, такое как свобода мнений, убеждений и их свободное выражение.

Современное общество живет в эру цифровых технологий, его уже невозможно представить без существующей сегодня скорости обмена информацией. Мир сегодня характеризуется стремительным развитием научно-технического прогресса, оказавшим существенное влияние на все сферы

общества. Он привел к развитию информационной грамотности пользователей Сети и общества в целом, которые на данный момент создают огромную часть контента в Интернете. Центральное место в содержании основ правового положения пользователя в сети Интернет отводится конституционным правам, свободам и обязанностям. В связи с этим особую важность приобретает регулирование свободы мнений, убеждений и их свободного выражения в сети Интернет. Вместе с тем, теоретические основы свободы мнений, убеждений в сети Интернет все еще продолжают оставаться одной из недостаточно разработанных областей современной юриспруденции в связи с достаточно новым характером отношений. При этом, от состояния развития и регулирования данного направления зависят многие общественные и политические процессы в любой стране.

В Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется свободу мнений, убеждений и их свободное выражение. Так, в соответствии со ст. 33 Конституции Республики Беларусь, «никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них. Монополизация средств массовой информации государством, общественными объединениями или отдельными гражданами, а также цензура не допускаются» [1, ст. 33]. Соответственно, Основной закон страны указывает на важность свободного выражения мнения в сети Интернет и невозможность цензуры со стороны государства.

В 1950 году Совет Европы указал на важный характер свободы выражения мнений и информации, провозгласив ее в статье 10 Европейской конвенции о правах человека основным правом. Так, в соответствии со ст. 10 «каждый имеет право свободно выражать свое мнение без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ» [2, ст. 10]. Соответственно, свобода мнений и выражений как одно из основополагающих прав в европейской теории прав человека.

Ряд международных актов также указывает на право беспрепятственно придерживаться своих мнений. Так, в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах указывается, что «каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору» [3, ст. 19].

Сегодня интернет называют основным элементом распространения колоссального объема информации различного вида (аудиовизуальная, текстовая, графическая и т.д.). Первоначальным документом, закрепившим право искать и передавать информацию является резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О созыве международной конференции по вопросу о свободе информации» от 14 декабря 1946 г. № 59 (I) [4]. В соответствии с вышеуказанной резолюцией «свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы» [4].

Согласно данному документу:

- свобода информации подразумевает право повсеместно и беспрепятственно собирать, передавать и опубликовывать информационные сведения;
- свобода информации требует не злоупотреблять информацией тех, кто пользуется ее привилегиями;
- моральная обязанность любой личности стремиться к выявлению объективных фактов, а также к распространению информации без злостных намерений;
- от бдительного и здорового мирового общественного мнения, зависит взаимопонимание и сотрудничество между народами [4].

Согласно Резолюции «Объединяя усилия: варианты будущих действий» существуют принципы «универсальности сети Интернет»: права человека, открытость интернета, доступность, многостороннее участие [5, с. 3]. Соблюдение данных принципов является необходимым условием обеспечения открытой, прозрачной и инклюзивной сети Интернет во всем мире.

Все чаще государства принимают акты, регулирующие деятельность в сети Интернет с целью создания благоприятных условий для обеспечения свободы выражения мнений и конфиденциальности. Например, в Основном Законе государств обычно четко регламентируется возможности ограничения реализации того или иного права или свободы. Так, в соответствии со ст. 23 Конституции Республики Беларусь «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [1, ст. 23]. Полагаем, что указанные критерии имеют достаточно общий характер и дают чрезмерную свободу действий.

Согласно Европейской конвенции о правах человека «осуществление свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» [2, ст. 10]. Соответственно, ограничение свободного выражения мнения невозможно, кроме случаев, предусмотренных в законодательных актах и необходимых в демократическом обществе.

Однако, существуют и чрезмерно строгие меры правового регулирования свободы выражения мнений в Сети Интернет. Подобная специфика может привести к последствиям негативного характера. Например, в Узбекистане обеспечивается тотальный контроль за поданной информации посредством регистрации веб-сайта в органах власти.

Информация, представленная в различной форме, может быть воспринята неограниченным кругом пользователей в любое время, а также любым членом общества. Имеющие открытый доступ мнения и комментарии, ранее преобразованные в цифровую форму и загруженные в Интернет, становятся достаточно легкой добычей для нарушителей основных прав и свобод личности. В условиях отсутствия эффективных механизмов контроля распространения подавляющего количества информации, возникает угроза массового нарушения прав соответствующих субъектов. Поэтому необходимо не только контролировать деятельность провайдеров и иных пользователей сети Интернет, но и изыскивать дополнительные способы защиты законных интересов правообладателей.

Список использованных источников::

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г. : с изм. и доп., принят. на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, 04 ноября 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf. – Дата доступа : 12.12.2020.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах, Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа : 13.11.2020.

4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 14 декабря 1946 г., № 59 (I) «О созыве международной конференции по вопросу о свободе информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medialaw.asia/document/-430>. – Дата доступа : 15.09.2020.

5. Резолюция ЮНЕСКО, 3 ноября 2015 г. «Объединяя усилия: варианты будущих действий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000234090_rus. – Дата доступа : 14.12.2020.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Валевко А.С.,

*старший преподаватель кафедры конституционного права и
государственного управления Полоцкого государственного университета,
ул. Мирная 4а-1, 211440, г. Новополоцк, Беларусь, a.nuzhdina@pdu.by*

Ряд ограничительных мер направленных на стабилизацию эпидемиологической обстановки во многих странах вызвал такие неблагоприятные явления в сфере экономики как завышение цен на основные социально значимые товары, публичные заявления о ценах, размещение недостоверной информации о продукции, иные спекуляции на теме коронавирусной инфекции недобросовестными хозяйствующими субъектами.

Следует отметить, что, как на национальном уровне, так и в рамках интеграционных объединений особое внимание на протяжении 2020 года уделялось режиму работы антимонопольных органов в условиях пандемии COVID-19 (далее – пандемия). Участие Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) также предусматривает проведение согласованной конкурентной политики в соответствии с Договором о ЕАЭС [1]. Как заявлял экс-руководитель Федеральной антимонопольной службы России (далее – ФАС России) И. Ю. Артемьев *«антимонопольные органы ЕАЭС должны не только защищать экономику в тех условиях, в которых мы оказались в период пандемии, но и непрерывно разрабатывать меры, которые позволят более безболезненно восстановить ее после кризиса, ведь конкуренция – это фундамент успешного экономического развития»* [2] .

Примечательным является то, что в Республике Беларусь пандемия существенно не оказала своё влияние на количество выявленных правонарушений, являющихся недобросовестной конкуренцией, т.к. на 3 декабря 2020 года выявлено 8 фактов недобросовестной конкуренции за 2020 год [3], в то время как ФАС России заявила о росте количества нарушений антимонопольного законодательства в связи с пандемией [4].

4 июня 2020 года в формате видеоконференции состоялось 1-е заседание Межгосударственного совета по антимонопольной политике государств – участников СНГ (далее – МСАП) [5]. Одним из ключевых вопросов повестки заседания МСАП явился подготовленный Республикой Беларусь доклад «О состоянии конкуренции на товарных рынках медицинских изделий государств – участников СНГ». Внимание было акцентировано на проблемах государственного регулирования рынков медицинских изделий государств – участников СНГ и предложениях по развитию конкуренции на товарных рынках медицинских изделий, регулирования рынка лекарственных средств.

В Российской Федерации на рынке медицинских изделий и лекарственных средств уже были выявлены факты недобросовестной конкуренции. К примеру ФАС рассмотрело заявление гражданина, в результате чего в действиях ООО «Медтехно.ру» были выявлены признаки недобросовестной конкуренции [6].

Данным хозяйствующим субъектом была указана информация об исключительной эффективности товара как средства защиты от различных опасных вирусов, в том числе нового коронавируса COVID-19, которое не предусматривает наличие каких-либо аналогов, как на территории России, так и за рубежом. Продавец также в качестве достоинств «уникальной маски» указывал на долговечность, износостойкость и легкий уход и называл ее «самой эффективной защитной маской». Информация полностью

противоречила действительности, так как, во-первых, многоразовые маски не являются медицинским изделием, а во-вторых, любая многоразовая маска требует тщательной обработки для повторного использования, которая предусматривает влажную обработку с моющими средствами, а также паровую и тепловую обработку.

В результате изучения материалов антимонопольным органом было установлено, что действия общества содержали признаки нарушения путем введения в заблуждение (статья 14.2 Федерального Закона «О защите конкуренции» (далее – Закон), а также некорректного сравнения (статья 14.3 Закона) [7].

В связи с этим ООО «Медтехно.ру» было выдано предупреждение о необходимости прекращения действий по намеренному введению неопределенного круга лиц в заблуждение относительно характеристик предлагаемых к продаже многоразовых масок и иной недостоверной информации о данном товаре, в том числе о его эффективности при защите отдельных заболеваний, в частности коронавирусной инфекции [6].

Еще одним примером недобросовестной конкуренции в Российской Федерации явилось не приостановление деятельности хозяйствующих субъектов офлайн в период действия ограничительных мер в Москве и Московской области до 1 мая 2020 года.

Как полагает автор Ю.А. Папикян, «такое поведение хозяйствующего субъекта может быть квалифицировано в качестве недобросовестной конкуренции на определенном товарном рынке ввиду нарушения положений статьи 14.8 Закона, поскольку оно направлено на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречит законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, а также причинило или может причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам» [8].

Рассматривая статистику Российской Федерации по привлечению к административной ответственности недобросовестных хозяйствующих субъектов, ФАС в период пандемии активно использовала превентивные инструменты – антимонопольное предупреждение и предостережение. Аналоги таких мер существуют и в Республике Беларусь [9].

Несмотря на то, что такие меры как антимонопольное предупреждение и предостережение и являются эффективным инструментом для устранения фактов недобросовестной конкуренции, но как отмечает начальник Правового управления ФАС России А.В. Молчанов «нужно донастраивать предупреждение в отношении злостного нарушителя, в частности, оно должно иметь конечное числовое значение, нельзя бесконечно предупреждать. В некоторых случаях есть оконченное правонарушение, поэтому предупреждение уже не особо эффективно. Мы будем обсуждать возможности его расширения» [10].

В заключении можно отметить, что в условиях пандемии подход к выявлению фактов недобросовестной конкуренции существенно не изменился:

антимонопольные органы Республики Беларусь и Российской Федерации в своей деятельности реализовывают такие формы противодействия недобросовестной конкуренции как проверки по фактам обращений хозяйствующих субъектов и превентивные меры реагирования на возможные нарушения в виде предостережения и предупреждения.

Список использованных источников::

1. Договор о ЕАЭС [Электронный ресурс]// КонсультантПлюс. Республика Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018)

2. Игорь Артемьев: Антимонопольные органы призваны защищать экономику в условиях пандемии и разрабатывать меры для ее восстановления. [Электронный ресурс] / Сайт Федеральной антимонопольной службы России. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru/news/29877>. – Дата доступа: 16.12.2020

3. Решения Комиссии по установлению факта (наличия) отсутствия нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] / Сайт Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mart.gov.by/sites/mart/home/activities/komission/nedobrosovestnaya_konkurenciya.html. – Дата доступа: 16.12.2020

4. Московское областное УФАС России отмечает рост количества нарушений антимонопольного законодательства в связи с пандемией COVID-19 [Электронный ресурс] / Сайт Федеральной антимонопольной службы России. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru/news/30537>. – Дата доступа: 16.12.2020

5. О проведении 51 заседания Межгосударственного совета по антимонопольной политике [Электронный ресурс] / Сайт Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mart.gov.by/news/MSAP_June_2020. – Дата доступа: 16.12.2020

6. Коронавирус не повод для обмана [Электронный ресурс] / Сайт Управления Федеральной антимонопольной службы России по г. Москве. – Режим доступа: <https://moscow.fas.gov.ru/news/17768>. – Дата доступа: 16.12.2020

7. Федеральный Закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. N 135-ФЗ : в ред. Закона от 08.12.2020 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020

8. Новая форма недобросовестной конкуренции в условиях пандемии [Электронный ресурс] / Сайт журнала «Юрист компании». – Режим доступа: <https://www.law.ru/blog/22308-novaya-forma-nedobrosovestnoy-konkurentsii-v-usloviyah-pandemii>. – Дата доступа: 16.12.2020

9. Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 08.01.2018 №98-З// КонсультантПлюс. Республика Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020

10. Антимонопольное право: новые вызовы пандемии [Электронный ресурс] / Сайт «Право.ru». – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/223072/>. – Дата доступа: 16.12.2020

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Василевич Г.А.,

*заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета
Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gregory_1@tut.by*

В современном мире одной из угроз устойчивому развитию человеческой цивилизации является экстремизм. Угроза экстремизма имеет универсальный характер: причиняется вред здоровью и жизни людей, их мироощущению, подрываются основы демократии, нарушается гражданский мир и согласие в обществе, отвергаются идеи толерантности, мультикультурализма, возрастает опасность коррупционных проявлений [1] и др. В литературе вполне справедливо подчеркивается, что идеология экстремизма является первым шагом к политике терроризма [2, с. 90–104].

Меры противодействия экстремизму – политические (идеологические), экономические, социальные, юридические. Остановимся на правовых мерах, которые предусматриваются в белорусском законодательстве.

Правовую основу деятельности по противодействию экстремизму составляют Конституция Республики Беларусь, иные акты законодательства, а также международные договоры Республики Беларусь. Надо иметь в виду верховенство международных договоров Республики Беларусь по отношению к актам текущего законодательства: если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законе, то применяются правила международного договора.

Прежде всего, обратим внимание на то, что Конституция Беларуси определяет развитие белорусского государства и общества в условиях гражданского мира и согласия, обеспечивает равенство всех перед законом и судом независимо от национальной принадлежности, пола, языка и других обстоятельств, которые в международном праве расцениваются как дискриминационные. Согласно ст. 3 Конституции любые действия по изменению конституционного строя и достижению государственной власти насильственными методами, а также путем иного нарушения законов Республики Беларусь наказываются согласно закону. В соответствии с частью третьей ст. 5 запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды.

Противодействие экстремизму основывается на принципах:
законности;
признания, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов организаций;
сочетания гласных и негласных методов противодействия экстремизму;
приоритета обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь;
сотрудничества государства с организациями и гражданами;
приоритета профилактических мер;
неотвратимости наказания за экстремистскую деятельность.

Основополагающее значение имеет Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 N 203-З (ред. от 18.07.2019) "О противодействии экстремизму" [3]. В нем дано определение экстремизма – это деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства (далее, если не указано иное, - граждане) либо политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций (далее - организации) по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

насильственное изменение конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь;

захват или удержание государственной власти неконституционным путем;

создание организации для осуществления экстремистской деятельности, экстремистской организации, экстремистской группы (далее - экстремистские формирования);

создание незаконного вооруженного формирования;

осуществление террористической деятельности;

разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни;

организацию и осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды;

пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

реабилитацию нацизма, пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, а равно хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения;

распространение экстремистских материалов, а равно на изготовление, издание, хранение или перевозку в целях распространения таких материалов;

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, в том числе Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательных комиссий,

комиссий по референдуму или комиссий по проведению голосования об отзыве депутата, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов или комиссий, совершенное с применением насилия, угрозы его применения, обмана, подкупа, а равно на применение насилия либо угрозу насилием в отношении близких названных должностных лиц в целях воспрепятствования их законной деятельности или принуждения к изменению характера такой деятельности либо из мести за выполнение ими служебных обязанностей;

финансирование экстремистской деятельности, иное содействие в ее осуществлении, в том числе путем предоставления недвижимого имущества, средств электросвязи, учебных, полиграфических, других материально-технических средств или информационных услуг;

публичные призывы к указанной выше деятельности.

В качестве основных направлений противодействия экстремизму белорусское законодательство определяет: 1) принятия профилактических мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремистской деятельности; 2) предупреждения, выявления и пресечения экстремистской деятельности.

Общее руководство деятельностью по противодействию экстремизму осуществляет Президент Республики Беларусь, а также Совет Министров Республики Беларусь в пределах его полномочий.

Государственными органами, осуществляющими противодействие экстремизму в пределах их компетенции, являются:

органы государственной безопасности;

органы внутренних дел;

органы прокуратуры;

органы пограничной службы;

таможенные органы;

орган государственной охраны;

Следственный комитет;

республиканский орган государственного управления в сфере массовой информации.

Органы государственной безопасности, внутренних дел, пограничной службы, таможенные органы, орган государственной охраны в области противодействия экстремизму в пределах своей компетенции принимают профилактические меры, направленные на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих экстремистской деятельности, а также осуществляют уголовное преследование лиц, совершивших преступления, связанные с экстремизмом, и иные полномочия в соответствии с законодательством.

Органы прокуратуры при выявлении фактов нарушения законодательства в области противодействия экстремизму, а равно при получении сведений о таких фактах реализуют полномочия по противодействию экстремизму в соответствии с настоящим Законом и иными актами законодательства, а также осуществляют уголовное преследование лиц, совершивших преступления,

связанные с экстремизмом, и иные полномочия в соответствии с законодательством.

Следственный комитет осуществляет уголовное преследование лиц, совершивших преступления, связанные с экстремизмом, в соответствии с законодательными актами.

Республиканский орган государственного управления в сфере массовой информации реализует полномочия в области противодействия экстремизму в соответствии с настоящим Законом и иными актами законодательства.

В гл. 3 Закона о противодействии экстремизму определены меры, с помощью которых решаются задачи в рассматриваемой сфере. Так, в соответствии с ч. 1 - 2 ст. 9 Закона о противодействии экстремизму учредителю (участнику), руководителю (руководящему органу) организации, индивидуальному предпринимателю, учредителю средства массовой информации при выявлении в деятельности этих организации, индивидуального предпринимателя, средства массовой информации действий, предусмотренных ч. 1 ст. 1 Закона о противодействии экстремизму, не являющихся достаточным основанием для признания таких организации, деятельности индивидуального предпринимателя экстремистскими, продукции средства массовой информации экстремистскими материалами, выносятся предписание об устранении выявленных нарушений.

Предписание выносится прокурором на основании материалов государственного органа, осуществляющего противодействие экстремизму, и не позднее чем в трехдневный срок после его вынесения выдается (направляется) учредителю (участнику), руководителю (руководящему органу) организации, индивидуальному предпринимателю, учредителю средства массовой информации.

В предписании указываются основания для его вынесения, перечисляются допущенные организацией, индивидуальным предпринимателем, средством массовой информации нарушения и устанавливается срок для их устранения.

Учредитель (участник), руководитель (руководящий орган) организации, индивидуальный предприниматель, учредитель средства массовой информации обязаны принять меры, необходимые для устранения выявленных нарушений, и письменно сообщить прокурору, вынесшему предписание, об их устранении и (или) представить ему документы, подтверждающие устранение нарушений, в установленный в предписании срок.

При несогласии с предписанием учредитель (участник), руководитель (руководящий орган) организации, индивидуальный предприниматель, учредитель средства массовой информации, которым вынесено предписание, вправе обжаловать его вышестоящему прокурору или в суд. Обжалование не приостанавливает исполнения предписания.

В ст. 10 Закона о противодействии экстремизму закреплены основания и порядок объявления официального предупреждения учредителю (участнику), руководителю, иному должностному лицу руководящего органа организации, индивидуальному предпринимателю, учредителю средства массовой

информации, иному гражданину при выявлении признаков подготовки к совершению ими действий, предусмотренных ч. 1 ст. 1 Закона о противодействии экстремизму

Официальное предупреждение объявляется уполномоченным должностным лицом государственного органа, осуществляющего противодействие экстремизму, в пределах его компетенции. Форма официального предупреждения утверждается Советом Министров Республики Беларусь.

При несогласии с официальным предупреждением лицо, которому оно объявлено, вправе обжаловать его вышестоящему должностному лицу соответствующего государственного органа, осуществляющего противодействие экстремизму, или в суд.

Предусмотрена и такая действенная мера как приостановление деятельности организации, представительства иностранной или международной организации, индивидуального предпринимателя.

Согласно ст. 11 названного Закона деятельность организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, индивидуального предпринимателя приостанавливается постановлением Генерального прокурора в месячный срок со дня выявления фактов (получения сведений о фактах), свидетельствующих о наличии в их деятельности экстремизма (экстремистских действий). Одновременно с вынесением такого постановления Генеральным прокурором подается в Верховный Суд Республики Беларусь заявление о признании такой организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь и ее ликвидации, либо о прекращении деятельности такого представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, признании этой иностранной или международной организации, зарегистрированной за пределами Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, либо о признании такой деятельности индивидуального предпринимателя экстремистской и прекращении его деятельности. В заявлении Генерального прокурора может содержаться предложение о наложении ареста на находящееся на территории Республики Беларусь имущество, принадлежащее такой организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, такому представительству иностранной или международной организации, расположенному на территории Республики Беларусь, этой иностранной или международной организации, зарегистрированной за пределами Республики Беларусь, до рассмотрения заявления судом.

Постановление о приостановлении деятельности организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, индивидуального предпринимателя не позднее чем на

следующий день после его вынесения выдается (направляется) руководителю (руководящему органу) организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, руководителю представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, индивидуальному предпринимателю.

В связи с такими мерами организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, представительству иностранной или международной организации, расположенному на территории Республики Беларусь, индивидуальному предпринимателю, деятельность которых приостановлена, запрещается:

использовать текущие (расчетные) банковские счета, за исключением уплаты платежей в бюджет, государственные целевые бюджетные и внебюджетные фонды, по гражданско-правовым и трудовым договорам с гражданами, а также расчетов, связанных с возмещением причиненного ими вреда;

организовывать и проводить собрания, митинги, уличные шествия, демонстрации, пикетирование и иные массовые мероприятия (далее - массовые мероприятия);

проводить реорганизацию или ликвидацию, образовывать структурные подразделения;

осуществлять рекламную, издательскую и полиграфическую деятельность;

производить, выпускать средство массовой информации, распространять продукцию средства массовой информации;

передавать функции юридического лица, на которое возложены функции редакции средства массовой информации, другому юридическому лицу;

передавать права учредителя средства массовой информации другим физическим и юридическим лицам.

Деятельность организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, индивидуального предпринимателя, приостановленная в порядке, определенном настоящей статьей, возобновляется со дня вступления в законную силу решения Верховного Суда Республики Беларусь об отказе в признании организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, либо деятельности индивидуального предпринимателя экстремистскими, прекращении деятельности представительства иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь.

Организация, зарегистрированная на территории Республики Беларусь, признается экстремистской, ее деятельность на территории Республики Беларусь запрещается и такая организация ликвидируется на основании решения Верховного Суда Республики Беларусь. Как видим, законодатель решение данного вопроса отнес на самый высокий уровень судебной власти.

Заявление о признании организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь и ее ликвидации подается в Верховный Суд Республики Беларусь Генеральным прокурором.

В случае принятия Верховным Судом Республики Беларусь решения о признании организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь и ее ликвидации принадлежащее ей имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов (при условии их непричастности к экстремистской деятельности), конфискуется.

Аналогичный подход к прекращению деятельности установлен и по отношению индивидуального предпринимателя (деятельность признается экстремистской и прекращается на основании решения Верховного Суда Республики Беларусь). Отличие заключается в том, что этим Законом не предусмотрена конфискация имущества. Полагаем, что это возможно в рамках административной или уголовной ответственности.

Экстремистские взгляды и идеи часто воплощаются либо в киберпространстве либо в печатных материалах. В этой связи важна их экспертиза, чтобы подтвердить либо опровергнуть наличие соответствующие обвинения в экстремистской деятельности.

Законом предусмотрено изъятие информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности, пропагандирующей такую деятельность. Это осуществляется уполномоченными должностными лицами органов государственной безопасности, внутренних дел, прокуратуры, органа государственной охраны, Следственного комитета, либо на нее налагается арест органами государственной безопасности, внутренних дел, пограничной службы, таможенными органами, Следственным комитетом, прокурором или судом в соответствии с законодательством.

Информационная продукция признается экстремистскими материалами по решению суда на основании заявления государственного органа, осуществляющего противодействие экстремизму, по месту нахождения организации, ее изготовившей и (или) распространяющей (распространившей), либо по месту жительства гражданина, ее изготовившего и (или) распространяющего (распространившего), либо по месту ее обнаружения.

Обычно проводится экспертиза указанных материалов. Советом Министров Республики Беларусь 21 августа 2014 г. Принято постановление № 810 «Об экспертных комиссиях по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма» [4].

Положением о Республиканской экспертной комиссии по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков экстремизма определен порядок ее деятельности и состав.

Экспертиза представляет собой систему действий по анализу и оценке информационной продукции и подготовке заключений о наличии (отсутствии) в исследуемых материалах признаков проявлений экстремизма.

Решение о проведении экспертизы принимается правоохранительными органами, в сферу деятельности которых входит предупреждение и пресечение подобных правонарушений, а также государственными органами и организациями, общественными объединениями. Не остаются равнодушными и бдительные граждане, которые могут обратиться в соответствующие структуры.

Информационная продукция направляется на исследование в комиссию, если в ходе оперативных мероприятий, таможенного досмотра, мониторинга сети Интернет, рассмотрения обращений граждан в ее содержании усматривается экстремистская направленность. На основании положительного заключения комиссии компетентными органами определяется дальнейшая судьба таких материалов. По решению суда они могут быть признаны экстремистскими и, соответственно, включены в республиканский список экстремистских материалов, а их владелец привлечен к административной или даже уголовной ответственности, например, за разжигание расовой, национальной или религиозной вражды и розни.

Вступившее в законную силу решение суда о признании информационной продукции экстремистскими материалами является основанием для ее уничтожения.

Решение суда о признании информационной продукции экстремистскими материалами может быть обжаловано в соответствии с законодательством.

Копия вступившего в законную силу решения суда о признании информационной продукции экстремистскими материалами направляется в республиканский орган государственного управления в сфере массовой информации для включения такой информационной продукции в республиканский список экстремистских материалов, который подлежит размещению на сайте республиканского органа государственного управления в сфере массовой информации в глобальной компьютерной сети Интернет, а также опубликованию в средствах массовой информации. Содержание информационной продукции, включенной в республиканский список экстремистских материалов, разглашению не подлежит. Ведение республиканского списка экстремистских материалов, а также его размещение в глобальной компьютерной сети Интернет, опубликование в средствах массовой информации осуществляются в порядке, определяемом Советом Министров Республики Беларусь.

В настоящее время в таком списке содержится более 400 информационных объектов, включая книги, статьи, интернет-ресурсы, символику, которые признаны экстремистскими материалами на основании судебных решений. Объектом экспертизы могут быть тексты, аудиовизуальные документы, изображения, размещенные как на традиционных печатных носителях, так и в электронном виде, и даже в виде рукописного документа. Встречаются случаи, когда правоохранительные органы направляют на исследование в комиссию одежду, головные уборы и даже посуду. В большинстве случаев это предметы, которые содержали разного рода изображения, тексты или символику - чаще всего нацистскую или

неонацистскую. Экспертизы проводятся даже в отношении надписей, которые могут размещаться на стенах городских зданий и в закодированной форме транслируют фашистское приветствие.

Ведение республиканского списка экстремистских материалов по установленной Правительством форме осуществляется Министерством информации [5].

За осуществление экстремистской деятельности граждане несут ответственность в соответствии с законодательными актами (например, согласно ч. 2 ст. 23.24 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (в дальнейшем – КоАП) и ст. 369-2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (в дальнейшем – УК). Статьей 17.11 КоАП предусматривается ответственность за изготовление и (или) распространение, а равно хранение с целью распространения экстремистских материалов, если в этих деяниях нет состава преступления.

В соответствии со ст. 17.11 КоАП распространение информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность, а равно изготовление, хранение или перевозка с целью распространения такой информационной продукции, если в этих деяниях нет состава преступления, влечет наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, на индивидуального предпринимателя - от двадцати до пятидесяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а на юридическое лицо - от пятидесяти до двухсот базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения.

Распространение информационной продукции, включенной в республиканский список экстремистских материалов, а равно изготовление, издание, хранение или перевозка с целью распространения такой информационной продукции, если в этих деяниях нет состава преступления, влечет наложение штрафа в размере от десяти до пятидесяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения или без конфискации таких орудий и средств или административный арест с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения или без конфискации таких орудий и средств, на индивидуального предпринимателя - от пятидесяти до ста базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения или без конфискации таких орудий и средств, а на юридическое лицо - от ста до пятисот базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения или без конфискации таких орудий и средств.

Предусмотрена также административная ответственность за нарушение законодательства об иностранной безвозмездной помощи (ст. 23. 24 КоАП) : в частности, получение, а равно хранение, перемещение иностранной безвозмездной помощи для осуществления экстремистской деятельности или

других деяний, запрещенных законодательством, организации или проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования, забастовок, изготовления или распространения агитационных материалов, проведения семинаров или других форм политической и агитационно-массовой работы среди населения, если в этих деяниях нет состава преступления, влечет наложение штрафа в размере от пятидесяти до двухсот базовых величин с конфискацией этой помощи, а на юридическое лицо - до ста процентов стоимости иностранной безвозмездной помощи с конфискацией этой помощи.

За наиболее опасные деяния экстремистского характера предусмотрена уголовная ответственность. Так, в соответствии со ст. 361 Уголовного кодекса Республики Беларусь публичные призывы к захвату государственной власти, или насильственному изменению конституционного строя Республики Беларусь, или измене государству, или совершению акта терроризма или диверсии, или совершению иных действий, направленных на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь, либо распространение материалов, содержащих такие призывы, наказываются арестом или лишением свободы на срок до трех лет. Призывы, обращенные к иностранному государству, иностранной или международной организации, совершить действия, направленные на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь, либо распространение материалов, содержащих такие призывы, при отсутствии признаков более тяжкого преступления наказываются арестом или лишением свободы на срок до трех лет. Указанные действия, совершенные с использованием средств массовой информации или глобальной компьютерной сети Интернет, наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

Еще более строго наказывается создание экстремистского формирования (ст. 361-1 УК): создание экстремистского формирования либо руководство таким формированием или входящим в него структурным подразделением наказываются ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок от трех до семи лет. Те же деяния, совершенные повторно либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, наказываются ограничением свободы на срок от трех до пяти лет или лишением свободы на срок от шести до десяти лет. Однако лицо освобождается от уголовной ответственности по ст. 361-1 и статье 361-2 УК, если оно своевременным сообщением государственным органам или иным образом способствовало выявлению, предотвращению либо пресечению деяний, отнесенных законодательством к экстремистской деятельности.

Согласно ст. 361-2 УК предоставление или сбор денежных средств, ценных бумаг либо иного имущества, в том числе имущественных прав и исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, любым способом для заведомого обеспечения деятельности экстремистского формирования наказываются арестом, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на срок от трех до шести лет.

Динамичное развитие государства может быть обеспечено при условии социальной солидарности, сплоченности людей и в то же время их

возможности разрешать споры и конфликты цивилизованным путем в рамках Конституции и закона.

Список использованных источников::

1. Василевич Г.А. Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе = Important Directions of Countering Corruption in the Republic of Belarus at the Present Stage / Г. А. Василевич ; Нац. акад. наук Беларуси, Отд-ние гуманитар. наук и искусств. — 2-е изд., доп. — Минск : Беларус. навука, 2020. — 225 с.

2. Экстремизм в современном мире: монография / под общ. Ред. А.И. Бастрыкина, В.П. Кириленко, В.А. Шамахова. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. – 444 с.

3. О противодействии экстремизму: [Электронный ресурс] – Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 N 203-З (ред. от 18.07.2019).: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Об экспертных комиссиях по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма" (вместе с "Положением о Республиканской экспертной комиссии по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21.08.2014 N 810 (ред. от 28.08.2019) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. О порядке ведения и опубликования республиканского списка экстремистских материалов: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23.04.2007 N 513 (ред. от 27.07.2016) [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Василевич С.Г.,

*доцент кафедры конституционного права юридического факультета
Белорусского государственного университета,*

кандидат юридических наук, доцент,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gregory_1@tut.by

Под административной ответственностью в юридической литературе принято понимать «применение в установленном порядке уполномоченными на то органами и должностными лицами административных взысканий, сформулированных в санкциях административно-правовых норм, к виновным в совершении административных проступков, содержащее государственное и

общественное осуждение, порицание их личности и противоправного деяния, выражающееся в отрицательных для них последствиях, которые они обязаны исполнить, и преследующие цели их наказания, исправления и перевоспитания, а также охраны общественных отношений в сфере государственного управления». Для административной ответственности источником является КоАП, а также указы и декреты Президента, иные акты законодательства. То есть в КоАП содержится много бланкетных норм, отсылающих к иным нормативным правовым актам.

Некоторые авторы, по сути, отождествляют административную ответственность и административные взыскания. В этом отношении отличается позиция В.А. Круглова, который определяет административную ответственность как «один из видов юридической ответственности, представляющий собой правоотношение между лицом, совершившим деяние, нарушающее установленный Кодексом об административных правонарушениях запрет, и государством, связанное с применением или отказом от применения к указанному лицу санкций, выражающих оценку его поведения и с исполнением принятого решения».

Удачным, на наш взгляд, является предложенное Д.Н. Бахрахом определение административной ответственности как «официального признания деяния административным правонарушением, осуждения виновного и применения к нему уполномоченными субъектами административной власти административных наказаний в урегулированном КоАП порядке» [3, с. 2-5]. Актуальность имеет вопрос неотвратимости ответственности. А.П. Ключниченко отмечал, что при всей универсальности принципа неотвратимости наказания «наступление административной ответственности далеко не всегда фатально неизбежно и, несомненно, не так часто неизбежно, как в уголовном праве [4, с. 35].

Вместе с тем обратим внимание на то, насколько обязательно привлечение к административной ответственности. В свое время П.А. Фефелов утверждал, что, кроме уголовного права, неотвратимость ответственности в административном и иных отраслях права не находит своего закрепления. С этим мнением отчасти можно согласиться. С одной стороны, есть факты привлечения к дисциплинарной и иной ответственности должностных лиц, не принявших мер к лицу, совершившему административное правонарушение, а с другой – во многих случаях, несмотря на явное нарушение закона, уполномоченные лица ограничиваются устным замечанием, которое в отличие от предупреждения не является взысканием [5, с. 69].

В КоАП предусмотрен широкий перечень административных правонарушений так или иначе связанных с информационными правоотношениями. Прежде всего обратим внимание на главу 22 «Административные правонарушения в области связи и информации». В ней содержится 14 действующих статей. Так, предусмотрена ответственность за нарушение порядка регистрации, ввоза на территорию Республики Беларусь радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств (ст. 22.2); несоблюдение порядка использования радиочастотного спектра (ст. 22.3);

нарушение правил охраны линий и сооружений связи (ст. 22.4); самовольное использование сетей электросвязи (ст. 22.5); несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 22.6); нарушение правил защиты информации (ст. 22.7); незаконная деятельность в области защиты информации (ст. 22.8); нарушение законодательства о средствах массовой информации (ст. 22.9); незаконный отказ в доступе к архивному документу (ст. 22.10); нарушение законодательства в сфере архивного дела и делопроизводства (ст. 22.11); разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны либо персональных данных (ст. 22.13); нарушение установленного порядка рассылки обязательных бесплатных экземпляров документов (ст. 22.14); разглашение служебной тайны по неосторожности (ст. 22.15); нарушение требований по использованию национального сегмента сети Интернет (ст. 22.16).

Помимо составов правонарушений, указанных в главе 22 КоАП, в иных главах КоАП также имеются статьи, касающиеся ответственности за противоправные деяния в информационной сфере. Например, в главе 9 КоАП содержатся нормы об ответственности за клевету (ст. 9.2), за оскорбление (ст. 9.3.), за отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 9.6); умышленное уничтожение или повреждение печатных материалов, относящихся к выборам, референдуму (ст. 9.11); нарушение законодательства об обращениях граждан и юридических лиц (ст. 9.13); в главе 12 КоАП – за нарушение законодательства о рекламе (ст. 12.15); за обман потребителей (ст. 12.16); в главе 23 предусмотрена ответственность за распространение средствами массовой информации заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство Президента Республики Беларусь (ст. 23.33); нарушение законодательства в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций (ст. 23.58); нарушение законодательства Республики Беларусь о чрезвычайном или военном положении (ст. 23.59) и др.

Информационные правонарушения характеризуются своим составом, т.е. наличием определенных признаков. Состав правонарушения – это совокупность объективных и субъективных признаков, которые характеризуют деяние как административное правонарушение. Именно состав правонарушения позволяет квалифицировать деяние и отнести его к конкретному виду правонарушения.

Для состава правонарушения характерно наличие объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны.

Все составы правонарушений можно условно подразделить на:

- формальные;
- материальные.

Для *формальных* составов административных правонарушений, например предусмотренных статьями 22.10 «Незаконный отказ в доступе к архивному документу», 22.14 «Нарушение установленного порядка рассылки обязательных бесплатных экземпляров документов» и др., достаточно совершения деяния (действия или бездействия), указанного в статье, независимо от того, какие в результате этого наступили последствия.

Форма вины при совершении таких правонарушений устанавливается по отношению физического лица к противоправному деянию. Это означает, что умышленная форма вины будет тогда, когда лицо сознает противоправный характер своего действия (или бездействия), а неосторожная – когда лицо не сознает его противоправности, хотя должно было и могло это сознавать.

В *материальных* составах умышленная вина предполагает также отношение правонарушителя к наступившим вредным последствиям. Как отмечается в юридической литературе рядом авторов «предвидение вредных последствий выражает интеллектуальный момент умысла, а желание, сознательное допущение их наступления или безразличное к этому отношение – волевой». Необходимо, чтобы наступили последствия и между деянием и последствиями существовала причинная связь. К материальным составам административных правонарушений в информационной сфере можно отнести составы правонарушений, предусмотренных частью второй статьи 22.4 «Нарушение правил охраны линий и сооружений связи», выразившееся в повреждении по неосторожности линий и сооружений связи, телевидения и радиовещания, повлекшее перерыв связи, теле- и радиовещания, если в этом деянии нет состава преступления, статьей 22.6. «Несанкционированный доступ к компьютерной информации».

Для привлечения лица к ответственности необходимо установить, что в совершенных им действиях имеется состав административного правонарушения. Лицо может быть признано виновным и подлежащим ответственности только при наличии в его действиях всех необходимых субъективных и объективных признаков состава административного правонарушения.

Признаки административного правонарушения, будучи закрепленными нормами права, образуют сложный юридический состав, являющийся единственным основанием административной ответственности для правонарушителя.

Объектом информационного правонарушения является то, на что направлено, на что посягает правонарушение, совершенное конкретным лицом. Всякое правонарушение прямо или косвенно посягает на общественные отношения, которые охраняются законодательством. Поэтому посягательство на конкретный объект всегда связано с нарушением правовой нормы. В результате информационного правонарушения имеет место посягательство на отношения, например, в области порядка распространения информации и доступа к ней, соблюдения режима государственной или иной охраняемой законом тайны и др.

Для правильной квалификации совершенного информационного правонарушения в отдельных случаях необходимо от непосредственного объекта посягательства отличать предмет правонарушения. Таким предметом может быть информация, содержащаяся в компьютерной технике, на съемных носителях либо в облачных хранилищах информации.

Объективная сторона информационного правонарушения характеризует внешнюю сторону поведения нарушителя правовой нормы и

выражается в действии или бездействии, наступивших последствиях и причинной связи между деянием и наступившим результатом. Так, деяния, за совершение которых может наступить ответственность по статье 22.7 КоАП, выражаются в нарушении условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией), дающим право на осуществление деятельности в области защиты информации (за исключением сведений, составляющих государственные секреты). Лицензирование деятельности по технической и (или) криптографической защите информации предусмотрено Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Субъектом состава информационного правонарушения является лицо, обладающее деликтоспособностью, т.е. лицо, которое в соответствии с законодательством может быть привлечено за правонарушение к ответственности. *Субъектом* информационного правонарушения являются вменяемые физические лица, достигшие ко времени совершения деликтоспособного возраста. В административном праве он наступает, как правило, с 16 лет, в уголовном – за некоторые виды преступлений допустимо привлечение к ответственности и с 14 лет.

Для квалификации деяния, в том числе определения, к какому виду юридической ответственности следует привлечь виновное лицо, необходимо установить соответствие между признаками совершенного деяния и признаками конкретного состава правонарушения.

Конкретная юридическая ответственность (вид, мера взыскания, наказания) наступает лишь тогда, когда имеется указанное совпадение. Поэтому необходимо установить все фактические обстоятельства совершенного деяния и сопоставить их с теми признаками правонарушения, которые названы в соответствующей статье КоАП.

Неправильная квалификация – основание для отмены решения о привлечении к ответственности.

Перечень и составы административных правонарушений определяются законодательством с учетом экономических и социальных потребностей, сложившихся традиций и других обстоятельств. В нашей республике административная ответственность направлена на защиту экономических основ государства, защиту прав и свобод граждан, обеспечение надлежащего выполнения ими своих обязанностей.

Административная ответственность наступает только за те деяния, которые определены в соответствии с административно-деликтным законом.

Согласно КоАП субъектами административной ответственности могут быть физические лица, юридические лица, индивидуальные предприниматели. Отметим, что ответственность одной из этих категорий субъектов, либо всех указанных возможна, если об этом прямо указано в санкции статьи КоАП. Например, в соответствии со статьей 22.7 КоАП за нарушения условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией), дающим право на осуществление деятельности в области защиты информации (за исключением сведений, составляющих государственные секреты), наступает ответственность

в виде штрафа в размере от двух до десяти базовых величин, а на индивидуального предпринимателя – от десяти до тридцати базовых величин, на юридическое лицо – от пятидесяти до ста базовых величин.

Обычно выделяют три цели административной ответственности: воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение; предупреждение совершения этим лицом новых правонарушений; предупреждение совершения правонарушений другими лицами. В отношении юридического лица выделяют лишь одну цель – предупреждение совершения новых административных правонарушений.

Именно указанные цели административного взыскания и закреплены в настоящее время в статье 6.1 КоАП.

В соответствии с частью 8 статьи 4.2 КоАП физическому лицу, совершившему административное правонарушение, должно быть назначено административное взыскание, необходимое и достаточное для его воспитания. Административное взыскание не имеет целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий.

При этом согласно части 9 статьи 4.2 КоАП административное взыскание, налагаемое на юридическое лицо и индивидуального предпринимателя, не имеет целью причинение вреда их деловой репутации.

С формулировкой приведенной нормы о том, что взыскание не имеет цели причинить вред деловой репутации субъекта хозяйствования, можно согласиться. Не возражая против «цели», отметим, что обычно в цивилизованных странах уровень деловой репутации уменьшается, если субъект является правонарушителем.

Для административной ответственности юридических лиц характерно преобладание мер материального взыскания, направленных на ограничение деятельности юридических лиц. В случае совершения административного правонарушения организация рассматривается как самостоятельный правонарушитель. С данным подходом можно поспорить, поскольку организация (юридическое лицо) сама по себе не совершает правонарушение. Все юридически значимые действия (бездействия), в том числе правонарушения совершают должностные лица юридического лица, иными словами – физические лица. Любая ответственность, в том числе в виде штрафа, должна быть распределена между должностными лицами, принявшими решение, повлекшее совершение правонарушения и, как следствие, привлечение юридического лица к административной ответственности.

В четырнадцати действующих статьях главы 22 КоАП лишь в пяти в качестве альтернативы взыскания предусмотрено предупреждение (ст. ст. 22.2 – 22.5, 22.11).

Среди совокупности целей административного взыскания обратим внимание на еще одну, так называемую восстановительную цель, характерную для таких видов административных взысканий, как штраф, взыскание стоимости, конфискация. Сущность восстановительной цели заключается в

том, что за счет правонарушителя государство восстанавливает средства, потраченные на его изобличение и доказывание вины в совершенном административном правонарушении. Можно привести также слова Ч. Беккария о том, что цель наказания заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносимых вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному деянию, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей.

Реализация принципа неотвратимости ответственности в административно-деликтном праве, на наш взгляд, зависит не столько от «научно обоснованной системы административных взысканий, стабильно закреплённой законом», сколько от того, в какой мере оптимален выбор административных взысканий, органично их соотношение с уголовной и гражданско-правовой ответственностью, адекватны меры административной ответственности тяжести проступка, соответствуют правовой и общей культуре населения, уровню разъяснительной работы.

По своему содержанию есть виды взысканий, которые в определенной степени схожи с уголовными мерами (штраф, арест, исправительные работы). Однако по своей суровости меры уголовной ответственности более существенны. Административные взыскания в значительной степени носят имущественный характер (штрафы, конфискация), а в трудовом – моральный, здесь штрафы запрещены, можно лишь в связи с проступком не премировать (но премия не обязательно выплачивается, то есть ее не лишают, а не выплачивают).

В административно-деликтном праве размеры штрафов по некоторым составам являются весьма существенными. Например, за использование не прошедших подтверждение соответствия требованиям технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации средств, предназначенных для защиты сведений, составляющих государственные секреты, предусмотрен штраф в размере от тридцати до сорока базовых величин с конфискацией этих средств или без конфискации, на индивидуального предпринимателя - от ста до ста пятидесяти базовых величин с конфискацией этих средств или без конфискации, а на юридическое лицо - от двухсот до трехсот базовых величин с конфискацией этих средств или без конфискации (часть четвертая статьи 22.7 КоАП).

Сроки давности, как правило, от двух до шести месяцев, есть более длительные сроки (см. статью 7.6 КоАП). Применительно к правонарушениям, предусмотренным главой 22 КоАП, действует общий срок – виновное лицо может быть привлечено к ответственности не позднее двух месяцев со дня совершения правонарушения.

Что касается иных сроков привлечения к ответственности за правонарушения, имеющие отношение к информационной сфере, то следует исходить из требований статьи 7.6 КоАП.

Административная ответственность не влечет судимости. Однако, может быть поводом для увольнения с некоторых должностей, например, государственных служащих. Например, в статье 40 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» одним из оснований для прекращения государственной службы является разглашение сведений, составляющих государственные секреты.

В настоящее время в статье 6.2 КоАП предусмотрены следующие виды административных взысканий: 1) предупреждение; 2) штраф; 3) исправительные работы; 4) административный арест; 5) лишение специального права; 6) лишение права заниматься определенной деятельностью; 7) конфискация; 8) депортация; 9) взыскание стоимости; 10) административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

В указанной статье содержится исчерпывающий перечень административных взысканий, отличающихся тяжестью наказания и наступающими для лица последствиями. Однако все десять административных взысканий, расположенных в перечне в определенной последовательности, имеют общую цель, они дополняют друг друга, и в этом смысле можно утверждать об определенной системе взысканий.

Таким образом, в административно-деликтном законодательстве охватывается достаточно широкий круг отношений, которые охраняются мерами административной ответственности за правонарушения в информационной сфере.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Денисенко Н.В.,

*магистрант 1 курса специальности «Юриспруденция» Гомельского
государственного университета имени Франциска Скорины*

*Научный руководитель: **Набатова А.Э.**,*

доцент кафедры теории и истории государства и права

Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,

кандидат юридических наук, доцент,

ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь,

nadyusha.denisenko2016@tut.by

Стремительное развитие медицины, биологии и генетики в последнее время привело к появлению такого метода лечения с бесплодием, как суррогатное материнство.

Согласно статье 1 Закона Республики Беларусь о вспомогательных репродуктивных технологиях суррогатное материнство – это вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитию образовавшегося в

результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка [1]. Для оформления процедуры суррогатного материнства заключается соответствующий договор.

Для науки гражданского права, трудового права, иных связанных с проблемой суррогатного материнства отраслей права проблемным остается вопрос о правовой природе происхождения договора о суррогатном материнстве. Следовательно, исходя из этого будет решаться вопрос о применении к такому договору норм гражданского или трудового законодательства

Некоторые ученые-правоведы, признавая гражданско-правовую природу договора суррогатного материнства, указывают на его сходство с различными видами договоров: договором аренды [2, с. 63]; договором купли-продажи [2, с. 72]; договором подряда [2, с. 73]; договором возмездного оказания услуг [3, с. 46; 2, с. 74; 4]; смешанным договором, который содержит в себе элементы поименованных договоров (договора купли-продажи и договора оказания услуг) и непоименованного договора (договора о вынашивании детей) [5, с. 55]; либо предлагают его отнести к самостоятельному виду договора [6, с. 8; 7, с. 30]. Н. С. Анцух считает неприемлемым выделять в договоре суррогатного материнства элементы договора аренды, купли-продажи и подряда, поскольку данный договор отличается своим предметом от всех вышеперечисленных договоров [8, с. 54].

По мнению В. И. Самарина, «договор суррогатного материнства – это самостоятельный тип группы гражданско-правовых договоров об оказании услуг. Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) позволяет классифицировать договоры об оказании услуг по 4 направлениям: 1) услуги нематериального характера (например, договор возмездного оказания услуг); 2) денежные услуги (например, договор факторинга); 3) фактические услуги (например, договор хранения); 4) юридические услуги (например, договор поручения). По его мнению, представляется единственно верным включить в приведенную классификацию и 5-е направление – «услуги условно нематериального характера», где единственным договорным типом будет договор суррогатного материнства. Следует отметить, что предметом такого договора является не сам ребенок, а сам процесс его вынашивания и рождения, то есть услуга, которая оказывается суррогатной матерью» [9].

Данная услуга имеет ряд особенностей:

а) она неотделима от источника. Состояние здоровья суррогатной матери, ее возраст и иные личностные данные являются неотъемлемыми от конкретного исполнителя. Услуга будет уже не той, если вместо ожидаемой суррогатной матери данную услугу будет выполнять иная женщина;

б) непостоянство качества. Качество услуги суррогатной матери колеблется в широких пределах в зависимости от некоторых условий: от времени и места вынашивания ребенка, а также от физиологических особенностей организма самой суррогатной матери и так далее;

в) неосвязаемость. Нематериальный характер услуг суррогатной матери означает, что их нельзя потрогать;

г) прибегая к услугам суррогатных матерей, мгновенно получить результат невозможно, для этого требуется время. Генетические родители не могут знать заранее результатов услуги по вынашиванию и рождению ребенка;

д) изменчивость услуги. Довольно сильно зависит изменчивость услуги от того, кто ее предоставляет, а также от того, где и когда она предоставляется. Даже один и тот же исполнитель в течение различного времени однородную услугу оказывает по-разному;

е) индивидуальный характер риска при использовании услуги суррогатной матери складывается из неосвязаемости такой услуги, изменчивости, сочетания социальных и экономических аспектов и невозможности получения полной гарантии при использовании этой услуги [10, с. 62].

На наш взгляд, договор суррогатного материнства, наряду с договорами о донорстве органов и тканей, донорстве крови, по которым оказываются услуги, связанные с живыми компонентами и направленные на лечение, является договором оказания услуг медицинского характера, поскольку заключается с целью борьбы с бесплодием.

Договор суррогатного материнства заключается между суррогатной матерью и генетической матерью или женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению [1]. Нотариальное удостоверение договора суррогатного материнства обеспечивает дополнительную защиту прав и интересов детей, рожденных суррогатной матерью [11, с. 198].

Лица, состоящие в браке, заключают договор суррогатного материнства с письменного согласия своих супругов.

Таким образом, договор суррогатного материнства может быть заключен как замужней женщиной, так и женщиной, не состоящей в браке. В данном случае нужно понимать, что данной услугой может воспользоваться и гомосексуальная женщина.

Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 декабря 2019 года № 124 «О вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий» утверждена Инструкция о порядке проведения медицинского осмотра пациента, в отношении которого предполагается применение вспомогательных репродуктивных технологий, в соответствии с которой по результатам проведенного медицинского обследования в отношении пациентки врачом-терапевтом выносится заключение: применение вспомогательных репродуктивных технологий и вынашивание беременности не противопоказано, либо противопоказано [12].

Однако необходимо отметить, что отсутствие данного заключения не является препятствием к заключению договора суррогатного материнства. В данном случае применяется норма статьи 158 ГК [13], в соответствии с которой договор заключается под отлагательным условием, то есть вступает в силу с момента получения заключений соответствующей организации

здравоохранения о наличии медицинских показаний к суррогатному материнству для одной стороны договора и отсутствии медицинских противопоказаний к суррогатному материнству для другой стороны договора [14].

Статья 21 Закона о ВРТ определяет существенные условия договора суррогатного материнства:

- оказание одной женщиной (суррогатной матерью) другой женщине (генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой) услуги по вынашиванию и рождению ребенка (детей), зачатого (зачатых) с участием яйцеклетки (яйцеклеток), изъятый (изъятых) из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки (яйцеклеток);

- количество эмбрионов, которые будут перенесены в матку суррогатной матери;

- указание организации (организаций) здравоохранения, в которой (которых) будут происходить соединение сперматозоида (сперматозоидов) и яйцеклетки (яйцеклеток), изъятый (изъятых) из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки (яйцеклеток), перенос данного эмбриона (эмбрионов) в матку суррогатной матери, наблюдение за течением ее беременности и роды и т. д. [1].

Согласимся с мнением С. Н. Кунишниковой, которая считает, что в целях недопущения разногласий между генетическими родителями и суррогатной матерью, заключение на территории Республики Беларусь договора суррогатного материнства требует включения в него не только обязательных условий, предусмотренных статьей 21 Закона о ВРТ, но и таких положений, как информированность сторон договора, например, об увеличении риска рождения ребенка с пороками. С целью исключения случая рождения ребенка, генетически связанного с суррогатной матерью, рекомендуется указать в договоре срок, в течение которого суррогатная мать обязуется не производить действий, связанных с зачатием ребенка естественным путем, а также предусмотреть расходы на проведение процедуры по установлению материнства (отцовства), которые могут быть возложены на суррогатную мать [15].

Статья 23 Закона о ВРТ устанавливает, в свою очередь, права и обязанности суррогатной матери. Одной из таких обязанностей является сохранение в тайне сведений о заключении договора суррогатного материнства и о лицах, заключивших такой договор. В случае, если женщина не работает, сохранить такие сведения не представляется проблематичным. Для этого достаточно смены места жительства на время беременности. Однако если женщина работает, то выполнение обязанности по сохранению тайны заключения договора суррогатного материнства практически невозможно, поскольку ей предоставляется отпуск по беременности и родам, но в отпуск по уходу за ребёнком до достижения им возраста трёх лет она не выходит, в связи с чем на работе могут возникнуть недопонимания вплоть до заявления в правоохранительные органы об отсутствии родившегося ребёнка. На наш взгляд, необходимо установить исключение в виде разрешения сообщения о

заключенном договоре нанимателю. Для этого абзац шестой части второй статьи 23 Закона о ВРТ необходимо изложить в следующей редакции:

«хранить в тайне сведения о заключении договора суррогатного материнства (за исключением раскрытия тайны нанимателю по месту работы суррогатной матери) и о лицах, заключивших такой договор;».

Таким образом, рассмотрев некоторые вопросы правового регулирования договора суррогатного материнства, мы выявили его правовую природу, проанализировали условия его заключения, закрепленные в законодательстве, обнаружили проблему сохранения нотариальной тайны суррогатной матерью, которая может возникнуть на практике. С целью совершенствования правового регулирования суррогатного материнства, считаем необходимым внести в законодательство Республики Беларусь указанные в статье изменения.

Список использованных источников:

1. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Респ. Беларусь, 07 янв. 2012 г. № 341-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 06.12.2020.

2. Митрякова, Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. С. Митрякова. – Тюмень, 2006. – 175 л.

3. Дронова, Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве / Ю. А. Дронова. – М.: Городец, 2007. – 112 с.

4. Свитнев, К. Н. Право на жизнь (ВРТ, суррогатное материнство и демография) [Электронный ресурс] / К. Н. Свитнев // Росюрконсалтинг. – Режим доступа: http://www.jurconsult.ru/publications/pravo_na_zhizn/. – Дата доступа: 17.03.2020.

5. Огородов, Д. В. К вопросу о видах смешанных договоров в частном праве / Д. В. Огородов, М. Ю. Чельшев // Законодательство и экономика. – 2006. – № 2. – С. 53–59.

6. Борисова, Т. Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики / Т. Е. Борисова // Российская юстиция. – 2009. – № 4. – С. 7–10.

7. Григорович, Е. В. Некоторые аспекты правового регулирования искусственных методов репродукции / Е. В. Григорович // Юрист. – 1999. – № 2. – С. 29–30.

8. Анцух, Н. С. Трансграничные проблемы правового регулирования суррогатного материнства: монография / Н. С. Анцух. – Минск: Четыре четверти, 2015. – 156 с.

9. Самарин, В. И. Правовое регулирование суррогатного материнства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / В.И. Самарин // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

10. Антоненко, Ю. В. Понятие договора суррогатного материнства / Ю. В. Антоненко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 4, Правазнаўства. – 2015. – № 4. – С. 60–65.

11. Цыганкова, Л. И. Обеспечение репродуктивных прав человека и вспомогательные репродуктивные технологии /Л.И. Цыганкова // Белорусская политология: многообразие в единстве. Республика Беларусь в глобализирующемся мире. В 2 ч. Ч. 2 : тезисы докладов IV международной научно-практической конференции (Гродно, 13-14 мая 2010 г.) / Учреждение образования "Гродненский гос. ун-т им. Я.Купалы"; отв. ред. В.Н. Ватыль; ред.кол.: Н.Н. Гончаров, О.В. Лапа, В.Н. Ватыль. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С.195–198.

12. О вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий: постановление Мин-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 24 дек. 2019 г. № 124 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 06.12.2020.

13. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 декабря 1998 г. № 218-З: [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 06.12.2020.

14. Стрех, В. Н. Суррогатное материнство [Электронный ресурс] / Белорусская нотариальная палата. – Режим доступа: <http://belnotary.by/press-tsentr/avtorskaya-kolonka/valentina-strekh/surrogatnoe-materinstvo/>. – Дата доступа: 06.12.2020.

15. Кунишникова, С. Н. Договор суррогатного материнства [Электронный ресурс] / С.Н. Кунишникова // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Ивашкевич Е.Ф.,

заведующий кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова,

кандидат педагогических наук, доцент,

Московский пр., 33, 210033, г. Витебск, Беларусь,

elena.ivashkevich@bk.ru

В последнее время соматическое право на рождение непосредственно связано с развитием репродуктивных технологий. Многие государства на законодательном уровне осуществляют правовое регулирование суррогатного материнства, оказывают государственную финансовую поддержку семьям,

которые имеют проблемы репродуктивного характера. Согласно ВОЗ Беларусь имеет самую низкую материнскую смертность в мире: всего 1 случай на 100 тыс. рожденных младенцев. Только 19 стран заблаговременно достигли этой планки и Беларусь возглавляет список: у нас показатель снизился на 96 %. ВОЗ ставит нашу страну на одно из первых мест по наименьшей младенческой смертности, Беларусь включена в топ-50 стран по ведению квалифицированным медперсоналом беременности и организации родов, в 2016 г. она стала первой и единственной в Европе, получившей сертификат, подтверждающий полное искоренение передачи ВИЧ-инфекции от матери к ребёнку, внедрен 100-процентный генетический скрининг по раннему выявлению заболеваний плода и др.

Вместе с тем, существует и иная актуальная проблема – до 17 % пар в браке не могут завести ребёнка без помощи современных медицинских технологий. Одним из вариантов решения данной проблемы бесплодия является суррогатное материнство. Метод искусственного оплодотворения впервые был применен в 1978 году в Великобритании, первый младенец, выношенный суррогатной матерью, родился в 1986 году в США. В отличие от процесса усыновления, не существует международного акта, регулирующего правоотношение, связанное с суррогатным материнством, так как различные государства придерживаются разной позиции по этому вопросу.

Важно, что в законодательстве зарубежных государств отношение к институту суррогатного материнства весьма неоднозначно (от полного запрета до легализации), что обусловлено культурными традициями, а также морально – этическими, правовыми и религиозными аспектами. В одних государствах, таких как Франция, ФРГ, Австрия, Норвегия, Швеция, некоторые штаты США (Аризона, Мичиган, Нью-Джерси), оно запрещено полностью [1, с. 14]. Для жителей Франции, например, суррогатное материнство незаконно как противоречащее законодательству об усыновлении. Не разрешено оно и в других странах, где традиционно сильна католическая церковь. В Германии же преступлением считается любая попытка осуществить искусственное оплодотворение или имплантацию человеческого эмбриона женщине (суррогатной матери), готовой отказаться от своего ребенка после его рождения. Здесь преступно быть как врачом, осуществляющим процедуру, так и собственно суррогатной матерью. Предполагаемые родители от ответственности освобождены.

В других – разрешено лишь некоммерческое суррогатное материнство. Это Австралия (штат Виктория), Великобритания (допускается оплата текущих расходов суррогатной матери), Дания (с серьезными ограничениями), Канада, Израиль, некоторые штаты США (Нью-Гемпшир, Виргиния). В Израиле в 1996 г. был принят Закон, разрешающий суррогатное материнство, который явился результатом длительных обсуждений. Несколько лет вопрос дебатировался в религиозных кругах, и после долгих споров заинтересованные стороны пришли к соглашению: суррогатная мать обязательно должна быть не замужем (рождение замужней женщиной ребенка не от мужа делает младенца мамзером – оскверненным) и являться галахической еврейкой. Подобные ограничения

были введены в связи с религиозными особенностями еврейского государства, но и этот шаг можно считать весьма прогрессивным, в результате чего многие бездетные семьи, мечтающие о ребенке, получили возможность прибегнуть к услугам института суррогатного материнства, не преступая закон.

В Бельгии, Греции, Ирландии, Финляндии суррогатное материнство не регулируется законодательством, но фактически имеет место. В то же время использование услуг суррогатного материнства, в том числе на коммерческой основе, законодательно разрешено в большинстве штатов США, в Южно-Африканской Республике, Казахстане, Молдове, Узбекистане и Грузии.

В Республике Беларусь суррогатное материнство регулируется Законом «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 января 2012 г., КоБС. «Суррогатной матерью считается женщина, которая по договору суррогатного материнства вынашивает и рождает ребёнка, не являющегося носителем ее генотипа» (ст.1 Закона) [2], Белорусские нотариусы руководствуются данными положениями при заверении договоров между генетическими родителями, с одной стороны, и суррогатными матерями и их супругами – с другой. Однако, одного только желания воспользоваться услугами суррогатной матери для рождения ребёнка в Республике Беларусь недостаточно. У женщины могут быть разные мотивы – боязнь родов, направленность на карьеру и др. Врач должен подтвердить, что для данной женщины биологическое материнство физиологически невозможно или связано с риском для ее жизни и жизни плода. К суррогатным матерям перечень формальных требований более обширный. Суррогатной матерью может стать женщина, находящаяся в браке, в возрасте от 20 до 35 лет, имеющая собственного ребёнка, не имеющая медицинских противопоказаний к новой беременности, проблем с законом.

В последнее время в Закон в связи с настоящими демографическими условиями (диспропорция женского и мужского населения, ухудшение состояния здоровья, повышение брачного возраста, «старение» населения в Республике Беларусь – более 21 % пенсионного возраста) вносятся новеллы: экстракорпоральное оплодотворение и искусственная инсеминация не применяются только в отношении пациентки, достигшей 50 лет, с 2019 г. разрешена криоконсервация половых клеток для женщин 18-50 лет, в мае 2020 г. поступило законопредложение о возможности бесплатного первичного ЭКО для замужних женщин до 40 лет и др. Вместе с тем, мы считаем, что в последнем случае для предупреждения дискриминация по возрасту и семейному положению необходимо увеличить возраст до 45 лет и разрешить бесплатное ЭКО для одиноких женщин.

Наряду с медиками, определяющими возможность вынашивания и рождения ребёнка суррогатной матерью, особое место занимает и нотариус, так как договоры суррогатного материнства подлежат обязательному нотариальному удостоверению. От нотариусов требуется объяснять гражданам степень ответственности, которую они берут на себя, подписывая такого рода документы. Договор является дополнительной защитой как для генетических родителей, которые могут быть уверены, что получают своего ребёнка, так и для суррогатной матери, которая имеет гарантии соблюдения своих прав в процессе

зачатия, беременности и рождения ребёнка. В стране наиболее обширная практика заверения соглашений о суррогатном материнстве наработана в 1-й Минской городской нотариальной конторе [3].

Национальное законодательство Республики Беларусь закрепляет и защищает права законных родителей, заключивших зарегистрированный нотариусом договор суррогатного материнства. Все участники договора, включая супругов, давшие согласие в установленном порядке, не вправе оспаривать материнство и отцовство ребёнка, рожденного суррогатной матерью. В стране могут заключаться и «коммерческие», и безвозмездные договоры суррогатного материнства между родственниками, к которым относят людей, находящихся в кровном родстве и имеющих общих предков до прадеда и прабабки включительно. Если соглашение носит возмездный характер, в договоре прописывается стоимость услуги, расходы, связанные с зачатием, беременностью и родами, которые оплачиваются будущими родителями. Важным пунктом договора является срок, в течение которого суррогатная мать должна передать генетической матери родившегося ребёнка. Внимание на этом обстоятельстве заострено после сопоставления белорусской и российской практики заключения и исполнения договоров суррогатного материнства. В Российской Федерации суррогатная мать не может быть понуждена к передаче младенца генетическим родителям, что иногда порождает проблемы с исполнением обязательств.

Одной из обязанностей суррогатной матери в Республике Беларусь является соблюдение конфиденциальности. Нотариус разъясняет, что родителями ребёнка, рожденного суррогатной матерью, признаются супруги, заключившие с ней матерью договор. Это влечет для них такие же юридические последствия, как и при рождении ребёнка без применения вспомогательных репродуктивных технологий. Обе стороны договора должны понимать, что добровольно принимают на себя обязательства. Суррогатная мать должна полно осознавать, что обязана в установленный в договоре срок передать ребёнка, то есть не сохраняет никаких прав и обязанностей по отношению к рожденному ею ребёнку. Женщина, заключившая договор с суррогатной матерью, обязана принять ребёнка, каким бы он ни родился, оплатить услуги, если договор на возмездной основе. В отличие от Беларуси в Российской Федерации нотариально удостоверить договор о суррогатном материнстве необязательно, что создает проблемы с его исполнением.

Анализируя опыт зарубежных стран по поводу применения репродуктивных технологий, необходимо отметить Королевство Дании, где около 10 % рожденных детей появляются на свет благодаря репродуктивным технологиям. В 2007 г. был принят Закон об искусственном оплодотворении, гарантирующий доступ к финансируемым программам ЭКО женщинам вне зависимости от их сексуальной ориентации, наличия мужа. Данные технологии сделали Данию одной из самых либеральных стран в сфере предоставления бюджетирования ЭКО. Однако, до этого был дискриминационный закон 1997 г., по которому закреплялся отказ в репродуктивных технологиях одиноким женщинам, представительницам секс-меньшинств, которые могли бы оплатить

для себя и ЭКО, и донорскую сперму. Вместе с тем, ряд дискриминационных положений сохранён и в ныне действующем НПА: предоставление данных процедур за счет государственного бюджета невозможно для женщин старше 40 лет, а для достигших 45 лет недоступно ЭКО и в частном порядке. В Дании, Финляндии, Казахстане, в некоторых регионах Российской Федерации на ЭКО выделяются также определенные государственные квоты.

Противники суррогатного материнства считают, что оно превращает детей в подобие товара, утверждают, что материнство становится договорной работой, поэтому стремление к выгоде может возобладать над соображениями пользы для договаривающихся сторон. Многие считают, что подобная практика способствует эксплуатации женщин, а некоторые представители церкви усматривают в ней безнравственную тенденцию, подрывающую святость брака и семьи, подчёркиваются опасения, что некоторых суррогатных матерей может психологически травмировать необходимость отдать «своего» ребёнка после установления с ним определённой связи, сформировавшейся во время беременности и родов. Сторонники использования суррогатных матерей, конечно, смотрят на эту практику совсем по-иному. Они указывают на то, что для некоторых семей – это единственный способ получить ребёнка, который будет генетически «своим». Приверженцы суррогатного материнства не считают его формой эксплуатации женщин, утверждая, что женщина, добровольно решившая стать суррогатной матерью, получает значительную материальную компенсацию и даже моральное удовлетворение от приносимой пользы обществу. Каждый сам вправе решать, как относиться к суррогатному материнству. Для людей, получивших долгожданного ребёнка, это очевидное благо, но общество с существующими традиционными моральными устоями достаточно неоднозначно относится к суррогатным женщинам-матерям. Несовпадение религиозных, морально-нравственных, юридических точек зрения на эту проблему приводит к перманентным спорам.

Список использованных источников:

1. Журавлева, С.П. Правовое регулирование договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.П. Журавлева. – М., 2011. – 27 с.

2. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З (в ред. от 18.06.2019 № 200-З) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Разрешено всё, что не запрещено [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/razresheno-vsye-cto-ne-zapreshcheno.html>. – Дата доступа: 09.12.2020.

ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ИКТ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ООН В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ильина Е.М.,

доцент кафедры политологии

Белорусского государственного университета,

кандидат педагогических наук, доцент,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,

IlyinaEM@bsu.by

В условиях, когда назрела объективная необходимость смещения акцентов новой цифровой парадигмы развития государства и общества в сторону человекоориентированных социогуманитарных аспектов процесса цифровизации, важную роль в формировании и реализации политики в сфере цифровой трансформации играют итоговые документы Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (далее – ВВУИО) и Форумов ВВУИО как многосторонней дискуссионной платформы ООН для достижения Целей в области устойчивого развития (далее – ЦУР) с помощью ИКТ (ICT4SDG).

Итоговые документы двухэтапной ВВУИО (Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» и План действий (Женева, декабрь 2003 г.), Тунисское обязательство и Тунисская программа для информационного общества (Тунис, ноябрь 2005 г.)) закрепляют конкретные *направления деятельности ВВУИО* (WSIS Action Lines) по построению ориентированного на развитие информационного общества для всех, получившие признание на национальном, региональном и международном уровнях:

С 1. Роль органов государственного управления и всех заинтересованных сторон в содействии применению ИКТ в целях развития;

С 2. Информационно-коммуникационная инфраструктура – необходимый фундамент информационного общества;

С 3. Доступ к информации и знаниям;

С 4. Наращивание потенциала;

С 5. Укрепление доверия и безопасности при использовании ИКТ;

С 6. Благоприятная среда;

С 7. Приложения на базе ИКТ: преимущества во всех аспектах жизни:

С 7.1 электронное государственное управление;

С 7.2 электронная коммерческая деятельность;

С 7.3 электронное обучение;

С 7.4 электронное здравоохранение;

С 7.5 электронная занятость;

С 7.6 электронная охрана окружающей среды;

С 7.7 электронное сельское хозяйство;

С 7.8 электронная научная деятельность;

С 8. Культурное разнообразие и культурная самобытность, языковое разнообразие и местный контент;

С 9. Средства массовой информации;

С 10. Этические аспекты информационного общества;

С 11. Международное и региональное сотрудничество [1].

На современном этапе основным механизмом анализа, визуализации и координации хода имплементации направлений деятельности ВВУИО и применения ИКТ как факторов и катализаторов достижения ЦУР на период до 2030 г. является *Матрица ВВУИО-ЦУР* (WSIS Action Lines - SDGs Matrix) [2], разработанная в 2015 г. заинтересованными учреждениями ООН (представлена в таблице).

Таблица – Матрица ВВУИО-ЦУР (в авторской интерпретации)

Направление ВВУИО	ЦУР																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
С 1																	
С 2																	
С 3																	
С 4																	
С 5																	
С 6																	
С 7.1																	
С 7.2																	
С 7.3																	
С 7.4																	
С 7.5																	
С 7.6																	
С 7.7																	
С 7.8																	
С 8																	
С 9																	
С 10																	
С 11																	

Ключевую роль в формировании глобальной цифровой повестки дня в области устойчивого развития играет Международный союз электросвязи (далее – МСЭ). Центральное место в стратегии МСЭ занимает система четырех «и»: инфраструктура, инвестиции, инновации, инклюзивность.

Как показано в таблице, с учетом вклада МСЭ и всех заинтересованных сторон в ускорение достижения 17 ЦУР посредством активного использования ИКТ, согласование процессов ВВУИО и ЦУР на сегодняшний день проводится в следующих сферах:

ЦУР 1: Ликвидация нищеты (охват населения развивающихся стран цифровыми финансовыми услугами: мобильный доступ к финансовым услугам для двух миллиардов человек в мире, не охваченных банковским обслуживанием).

ЦУР 2: Ликвидация голода (электронное сельское хозяйство: стимулирование инноваций в сфере ИКТ, направленных на повышение урожайности и сокращения потребления энергии в сельских районах).

ЦУР 3: Хорошее здоровье и благополучие (электронное здравоохранение: взаимодействие врача и пациента в онлайн-режиме, роботизированная автоматизация процессов, развитие телемедицины и мобильного здравоохранения, что приобрело особую актуальность в условиях пандемии COVID-19).

ЦУР 4: Качественное образование (электронное обучение: развитие цифровых навыков и доступ к знаниям для всех, независимо от места жительства и уровня дохода).

ЦУР 5: Гендерное равенство (сокращение цифрового гендерного разрыва и расширение цифровых прав и возможностей женщин в секторе ИКТ).

ЦУР 6: Чистая вода и санитария (внедрение «умных» систем водопользования, санитарии и гигиены, включая ИКТ для управления сточными водами).

ЦУР 7: Недорогостоящая и чистая энергия (развитие «умных» энергоэффективных электросетей, «зеленых» стандартов и технологий для устойчивой энергетики и сокращения выбросов углекислого газа).

ЦУР 8: Достойная работа и экономический рост (содействие развитию цифровой экономики, электронной коммерческой деятельности, создание ориентированных на ИКТ инновационных малых и средних предприятий).

ЦУР 9: Индустриализация, инновации и инфраструктура (обеспечение универсального и приемлемого в ценовом отношении доступа к сети Интернет и ИКТ-инфраструктуре).

ЦУР 10: Уменьшение неравенства (увеличение охвата сетью Интернет и уменьшение цифрового разрыва, расширение цифровых прав и возможностей социально уязвимых слоев населения).

ЦУР 11: Устойчивые города и населенные пункты (развитие «умных» городов, интеллектуальных транспортных систем, 5G и Интернета вещей).

ЦУР 12: Ответственное потребление и производство (использование облачных вычислений, больших данных, развитие «умных» электросистем, способствующих устойчивому производству и потреблению).

ЦУР 13: Борьба с изменением климата (обеспечение посредством ИКТ мониторинга климата, прогнозирования и раннего предупреждения климатических изменений).

ЦУР 14: Сохранение морских экосистем (спутниковое наблюдение за океанами).

ЦУР 15: Сохранение экосистем суши (спутниковый мониторинг наземных экосистем для сохранения биологического разнообразия).

ЦУР 16: Мир, правосудие и эффективные институты (электронное управление и правосудие, расширение цифровых прав и свобод граждан, общественного доступа к информации, повышение цифровой прозрачности и цифровой доступности, укрепление кибердоверия).

ЦУР 17: Партнерство в интересах устойчивого развития (ИКТ объединяют все ЦУР и способствуют их достижению благодаря государственно-частному партнерству и инновационному сотрудничеству).

Республика Беларусь привержена осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., имплементация которой может быть облегчена за счет использования цифровых возможностей. Одной из платформ ускорения реализации ЦУР является «цифровая трансформация и социальные инновации» [3]. Ключевым инструментом для мониторинга прогресса в достижении ЦУР выступает запущенная в 2018 г. Национальная интернет-платформа представления отчетности по показателям ЦУР (<http://sdgplatform.belstat.gov.by/sites/belstatfront/home.html>) как комплекс из 255 индикаторов, содержащих информацию об источнике и методах подсчета данных, а также отражающих целевые и фактические значения по каждому показателю достижения задач в рамках ЦУР на ближайшие годы.

Таким образом, с одной стороны цифровая трансформация в той или иной мере способствует ускорению достижения всех ЦУР, с другой – сопряжена с вызовами и угрозами информационной безопасности, социального и цифрового неравенства, географической концентрации рынка цифровых технологий и цифровых платформ, рисками цифровой социализации личности, правовыми и этическими проблемами, связанными с возрастающей способностью алгоритмов и устройств принимать решения с использованием машинного обучения и больших данных и многие др. Для того, чтобы ИКТ стали эффективным подспорьем в достижении ЦУР необходима комплексная целенаправленная и согласованная политика в сфере цифровой трансформации.

Список использованных источников::

1. Plan of Action [Electronic resource] / WSIS ; United Nations, International Telecommunication Union. – Geneva. – 2003. – December 12. – Mode of access: <https://www.itu.int/net/wsis/docs/geneva/official/poa.html>. – Date of access: 13.12.2020.

2. WSIS - SDG Matrix: Linking WSIS Action Lines with Sustainable Development Goals [Electronic resource] / International Telecommunication Union. – Mode of access: <https://www.itu.int/net4/wsis/sdg/>. – Date of access: 13.12.2020.

3. Дорожная карта по реализации ЦУР в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Цели устойчивого развития в Беларуси. – Режим доступа: http://sdgs.by/documents/strategicheskie_i_programmie_documenti/. – Дата доступа: 13.12.2020.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Киселёва Т.М.,

*доцент кафедры конституционного права
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
KisialTM@bsu.by*

Проблема предоставления равных прав и равных возможностей различным членам общества имеет историю, продолжительностью равную существованию человечества. Одним из аспектов данных вопросов является обеспечение гендерного равенства.

Гендерное равенство в научной и учебной литературе обычно рассматривают как обладание женщинами и мужчинами равным статусом посредством предоставления равных условий для реализации их прав и возможностей. Кроме этого в литературе выделают такую категорию как гендерная справедливость, что рассматривается как «процесс справедливого отношения к женщинам и мужчинам, что требует специальных мер для компенсации исторических и социальных упущений, невыгодного положения, которые мешают женщинам и мужчинам занимать равные позиции» [1 с. 29-30]. Обеспечение гендерной справедливости должно привести к гендерному равенству.

Гендерное равенство безусловно является значимой проблемой для современного мира, что подтверждается объявлением в качестве одной из целей в области устойчивого развития обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек (Цель № 5). Для достижения указанной цели поставлен ряд задач:

- повсеместно ликвидировать все формы дискриминации в отношении всех женщин и девочек;
- ликвидировать все формы насилия в отношении всех женщин и девочек в публичной и частной сферах, включая торговлю людьми и сексуальную и иные формы эксплуатации;
- ликвидировать все вредные виды практики, такие как детские, ранние и принудительные браки и калечащие операции на женских половых органах;
- признавать и ценить неоплачиваемый труд по уходу и работу по ведению домашнего хозяйства;
- обеспечить всестороннее и реальное участие женщин и равные для них возможности для лидерства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни и др.

Таким образом, можно увидеть, что при формулировании цели № 5 основной фокус сделан на проблемы женщин и девочек, а не на проблемы женщин и мужчин, девочек и мальчиков. В связи с этим можно говорить об одностороннем подходе ООН к решению проблемы гендерного неравенства.

При этом реальное гендерное равенство будет возможно только при учете проблем и особых потребностей представителей каждого пола.

Проблема гендерного равенства затрагивает каждое государство и каждого человека в нем. При этом в разных странах проблема обеспечения гендерного равенства может иметь различные проявления, что объясняется отличиями в традициях, религии, уровне экономического развития и т.д. Если для одних стран остро стоит проблема ранних браков или посещения девочками школ, то в других – двойной занятости женщин, недостаточного представительства в органах государственной власти либо ущемления прав мужчин в различных сферах. Поэтому обеспечение гендерного равенства в каждой стране может осуществляться различными способами. Но общей гарантией является признание и закрепление данного принципа в нормах национального законодательства, в первую очередь в Основном Законе страны.

В Беларуси принцип гендерного равенства получил статус конституционного с принятием Конституции БССР 1937 г. При этом данному принципу была посвящена самостоятельная статья. Так, согласно части первой статьи 97 женщине в БССР предоставлялись равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. В части второй уточнялось, что возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

При разработке новой Конституции БССР рассматриваемый принцип также был учтен. Так в статье 33 Конституции 1978 г. провозглашалось, что женщина и мужчина имеют в Белорусской ССР равные права. Уточнялось, что осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин; созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей.

Такая преемственность нарушилась принятием Конституции Республики Беларусь 1994 г., в которой был закреплен только один составляющий элемент принципа гендерного равенства. Согласно статье 42 Конституции женщинам и мужчинам гарантировалось право на равное вознаграждение за труд равной ценности. Следует отметить, что отсутствие в Основном Законе принципа гендерного равенства идет в разрез с международными стандартами прав человека. В соответствии с пунктом а) статьи 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая была ратифицирована

указом Президиума Верховного Совета БССР от 22 декабря 1980 г., государства-участники Конвенции обязуются включить принцип равноправия мужчин и женщин в свои национальные конституции или другое соответствующее законодательство. Данный пробел был решен в 1996 г., когда наряду с иными изменениями и дополнениями, статья 32 была дополнена новой частью. На данный момент в соответствии с частью пятой статьи 32 женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья. Интересно, что норма о праве женщин и мужчин на равное вознаграждение за труд равной ценности также сохранилась (часть вторая статьи 42).

Таким образом, в настоящее время в Конституции Республики Беларусь закреплён принцип гендерного равенства и одно его отдельное проявление. При этом возникает вопрос, почему обеспечение гендерного равенства в сфере оплаты труда нуждается в специальных гарантиях. Является ли данная сфера наиболее проблемной или это проявление социальной функции государства? Возможно, наличие общего принципа исключает необходимость закрепления таких частных элементов, если в государстве нет очевидного перевеса проблемы.

Считаем, значимость принципа гендерного равенства требует его закрепления в отдельной статье, что имело место в конституциях советского периода. Фактически в статье 32 Конституции закреплены нормы, регулирующие три института – брачно-семейные отношения, принцип гендерного равенства и статус молодежи. Такое смешение может приводить к искажению понимания места принципа гендерного равенства, сводя его сущность к отношениям между мужчинами и женщинами в семье.

Более того, полагаем, что в современных условиях принцип гендерного равенства может претендовать на статус принципа конституционного строя, т.е. быть закреплённым в Разделе I Конституции «Основы конституционного строя». Следует учитывать, что данный принцип определяет политику государства в административных, трудовых, брачно-семейных и иных отношениях, определяет правила поведения в обществе на различных уровнях взаимодействия граждан.

Также следует обратить внимание, что помимо непосредственного закрепления, принцип гендерного равенства получил косвенное отражение в статье 22 Конституции, согласно которой все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов, а также в ряде иных норм, использующих термины «каждый», «никто», «все». Например, согласно части третьей статьи 25 Конституции никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство поведению или наказанию, а также без согласия подвергаться медицинским или иным опытам. Очевидно, что это в равной мере относится и к мужчинам, и к женщинам. Однако такое косвенное закрепление не отменяет

необходимость провозглашения ценности гендерного равенства в самостоятельных нормах. Полагаем, что в современных условиях, когда о существовании гендерного равенства можно говорить только де-юре (и с оговорками, так как в законодательстве есть нормы, устанавливающие различные правила по отношению к мужчинам и женщинам), такое самостоятельное закрепление является доказательством признания важности данного принципа и включения его обеспечения в перечень задач, стоящих перед государством.

Рассматривая вопросы конституционного закрепления принципа гендерного равенства не следует забывать, что сами по себе нормы не обеспечат его реализацию на практике, однако являются важной правовой основой, без которой достичь гендерное равенство невозможно. Поэтому формулировка и место закрепления соответствующих положений играет большую роль для определения содержания и направлений гендерной политики, проводимой в государстве.

Таким образом, признание и закрепление принципа гендерного равенства в Беларуси на конституционном уровне имеет долгую историю. При этом, несмотря на признание и непосредственное закрепление данного принципа в конституциях БССР с 1937 г. первая редакция действующего Основного Закона не восприняла этот принцип. На данный момент гендерное равенство провозглашается в Конституции, однако соответствующая норма не оформлена отдельной статьей, что не в полной мере отражает значимость ценности гендерного равенства для современного государства.

Список использованных источников::

1. Гендер и право : учебное пособие / Е. Г. Абраменко [и др.] ; под ред. Т. В. Телятицкой. – Минск : ЮНИПАК, 2020 – 340 с.

РОЛЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Кондратович Н.М.,

*доцент кафедры конституционного права
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
kondratovichn@mail.ru*

Представительная демократия является одной из форм осуществления власти народом, при которой от имени народа решения принимаются представительным органом – парламентом, образуемым путем выборов с соблюдением демократических избирательных процедур.

Значение парламента велико. Оно связывается, прежде всего, с представлениями о народовластии, демократии, о государственном органе,

призванном выражать волю народа. «Парламентское правление служит признаком зрелости народа» [1, с. 175].

С парламентом связано понятие парламентаризма. Парламентаризм – понятие сложное, многогранное, исторически претерпевающее значительную эволюцию. Будучи связано с парламентом, оно не тождественное ему. «Парламентаризм не может существовать без парламента, но парламент может существовать без существенных элементов парламентаризма» [2, с.296].

В истории парламентаризма было немало моментов, когда в обществе подвергали сомнению саму возможность его дальнейшего существования. Социалистической концепцией парламентаризм отвергался. Такая позиция соответствовала господствовавшей тогда марксистской государственно-правовой теории. Парламентаризм как особая система, как разделения законодательного и исполнительного труда, привилегированного положения депутатов отрицался, но органы народного представительства сохранялись.

На современном этапе парламентаризм также испытывает немало трудностей.

Парламентаризм как конституционно-правовой институт в научной юридической литературе может рассматриваться с различных позиций. Можно вести речь о существовании парламентаризма при признании ценностей демократии, разделения властей, верховенства закона, при свободной деятельности парламента и его реальном влиянии на политическую жизнь. Ограничительное понимание парламентаризма предполагает верховенство парламента, его определяющее положение в системе органов государственной власти. Более широкая трактовка парламентаризма позволяет вести речь о нем при наличии представительного (представляющего народ или сословия), как выборного коллегиального законодательного (законосовещательного) органа, даже весьма ограниченного в своих правах. Такой подход представляется более плодотворным, поскольку позволяет рассматривать многочисленные проблемы парламентаризма и парламентского права в исторической ретроспективе, анализируя и процессы постепенного перехода к современным парламентским формам. Именно в этом смысле рассматривается история развития идей парламентаризма [3, с. 78].

В большинстве научных исследований анализируется специфика парламентаризма через призму правовой деятельности политических институтов, на которых он базируется.

Парламентаризм можно определить как такую форму государственного устройства, которой присущи ведущее положение парламента в системе высших органов государственной власти, его контроль за исполнительной властью, разделение законодательного и исполнительного труда, привилегированное положение депутатов и их юридическая независимость от избирателей [4, с. 294].

При общем сходстве в определении парламентаризма имеются различия в нюансах определения места и роли парламента, а именно: «привилегированное положение», «существенная роль», «ведущее положение парламента», «формальное верховенство парламента».

По мнению профессора С.А. Авакьяна, парламентаризм предполагает:

1) освобождение депутатов от выполнения основных, производственных функций, концентрацию их на деятельности в представительном органе;

2) депутатство как профессию, как социальное состояние, как получение депутатского жалования (вознаграждения) в качестве главного источника материальных средств к существованию с одновременным запретом иных источников заработка, кроме преподавания, научной работы или творчества.

3) определенный круг дел представительного учреждения. Парламент должен принимать законы, утверждать бюджет государства, определять его доходы и расходы (устанавливая законом налоговую систему и виды налогов), влиять на осуществление внутренней и внешней политики государства и соответствующие шаги других государственных органов (а некоторые действия полагается совершать только ему), формировать ряд этих органов, выполнять задачи парламентского контроля в отношении определенных органов и государственных дел;

4) определенные формы, методы и стиль работы. Основные свои задачи он осуществляет коллегиально, на пленарных заседаниях (сессиях), в комитетах, фракциях и т.п. При этом используются устоявшиеся в мировой практике процедуры, в том числе прения, дебаты, запросы депутатов (интерпелляции), вопросы, голосования и т.д. Только тогда, когда все перечисленное в совокупности есть в наличии...можно говорить о наличии парламентаризма [5, с. 441-442].

В целом разделяя высказанные позиции, вместе с тем, полагаем, что понятие парламента и парламентаризма включает также и некоторые иные компоненты. С нашей точки зрения, оно может быть дополнено такими, безусловно, презюмируемыми за парламентом свойствами, как высокая политическая правовая культура депутатов, их способность принятия консенсусных решений, соблюдение профессиональной (парламентской) этики.

Однако современная парламентская практика, эпизоды, не редко происходящие в парламентах даже демократических государств, свидетельствуют об утрате парламентами чаще всего именно этих, казалось бы, неотъемлемых черт истинного парламента и парламентаризма. Такая практика ущербна, ибо парламент любой страны – это не только юридический, но и моральный авторитет государства и гражданского правового общества [6, с. 369].

Несмотря на то, что система парламентаризма предполагает приоритетную роль парламента в структуре государственного управления жизнью общества, власть парламента не безгранична. В системе разделения властей существуют институты, препятствующие установлению диктатуры парламента, в частности, право вето, которым может воспользоваться глава государства, отклонив законопроекты, принимаемые парламентом, право роспуска парламента, практика признания закона неконституционным и отказ от его реализации по решению органов конституционной юстиции.

Парламентаризм является неотъемлемым элементом государственного управления. В основе его лежат следующие принципы:

- главенствующая роль парламента в качестве общенационального представительного органа государственной власти;
- высокий уровень законодательной и контрольной компетенции парламента при взаимодействии с другими органами власти;
- разделение властей [7, с. 38].

Парламентаризм как конституционно-правовое явление, с одной стороны, опирается на целый ряд этих общих принципов – разделение властей, непосредственная и представительная демократия, правовой характер государства, обеспечивающий верховенство закона, законность и т.д., выступающих в качестве основ конституционного строя. С другой стороны, он непосредственно проявляется в определенном положении, функциях и компетенции парламента, коллегиальных, гласных процедурах работы, определенном правовом и социальном статусе депутатов и т.д. [3, с. 78].

В соответствии с давней парламентской традицией вопросы внутренней организации и порядка функционирования парламента, его палат определяются парламентом самостоятельно. При этом полностью исключается возможность иных органов власти, и, прежде всего, главы государства влиять на данный процесс, что подтверждает принцип автономии парламента.

Принцип многопартийности заложен среди ценностей мировой парламентской теории и практики. Многопартийная система является одним из институтов современного общества, без которого невозможна представительная демократия. Без соперничества партий в политической борьбе за депутатские мандаты парламента не может считаться демократически избранным. Формирующийся в ходе свободных демократических выборов и отражающий различные политические взгляды, существующие в обществе, парламента реализует принцип представительности.

Открытость и гласность дебатов в парламенте отличают работу этого коллегиального органа от других коллегиальных органов. Принцип гласности работы парламента закреплен конституционно. Открытость заседаний парламента обеспечивается предварительным информированием общественности о заседаниях, предоставлением СМИ освещать ход заседаний, возможностью предоставления представителям общественности возможности наблюдать за ходом заседаний в зале заседания на специально отведенных местах (галереях). Но принцип гласности не носит абсолютного характера. Парламент при определенных обстоятельствах (конституционно и законодательно определенных) может принять решение о проведении закрытого заседания.

Парламентаризм характеризуется созданием депутатских комиссий и комитетов, фракций и групп, довольно сложным законодательным процессом, процедурой парламентских слушаний, различными формами контроля за деятельностью правительства, особым статусом депутатов. Только тогда, когда все перечисленное в совокупности есть в наличие, т.е. представительство, постоянная оплачиваемая работа депутатов, их определенный социальный статус, задачи и полномочия, круг дел, формы, методы и стиль работы, можно говорить о наличие парламентаризма [5, с. 442].

Таким образом, учитывая особое значение парламента в системе высших органов государства, необходимо, чтобы парламент как орган, представляющий интересы народа, имел сильную позицию среди трех основных ветвей власти и возможность реализации принципов парламентаризма.

Список использованных источников:

1. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. – М., 1866. – С. 175.
2. Мишин, А.А. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости / А.А. Мишин. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – С. 296.
3. Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. О.Н. Булакова. – М.: Эксмо, 2014. – 121с.
4. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – М.: Норма-Инфра, 2005. – 1056 с.
5. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс в 2 т. / С.А. Авакьян. – Т.2 – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 911 с.
6. Василевич, Г.А. Конституционное право зарубежных стран: Учебник / Г.А. Василевич, Н.М. Кондратович, Л.А. Приходько; под общ. ред. Г.А. Василевича. – Минск: Книжный Дом, 2006. – 480 с.
7. Шляхтун, П.П. Парламентаризм / П.П. Шляхтун. – Киев: Парламентское видво, 2013. – 151 с.

ВЛИЯНИЕ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Кузьмич И.П.,

*доцент кафедры экологического и аграрного права
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
i.kuzmich@mail.ru*

Сельская местность – это территориальный базис для развития сельского хозяйства, а следовательно, инфраструктура, ландшафтное разнообразие, санитарно-эпидемиологическое состояние и экологическое благополучие данных территорий во многом зависят от уровня развития аграрной экономики, доминирующих способов производства сельскохозяйственной продукции, организационно-правовых форм осуществления сельскохозяйственной деятельности, которая непосредственно влияет в свою очередь на образ жизни, уровень доходов, культуру и быт местного населения. Будучи нацеленным первоначально на правовое регулирование отношений, возникающих в процессе сельскохозяйственного производства, аграрное законодательство

одновременно является правовой основой обеспечения продовольственной безопасности, ветеринарного и фитосанитарного благополучия страны.

Учитывая тесную взаимосвязь и взаимозависимость села и агропромышленного комплекса, Указом Президента Республики Беларусь от 17 июля 2014 года № 347 [1] устойчивое развитие сельских территорий обозначено в качестве одной из ключевых целей государственной аграрной политики, что является закономерным продолжением применения комплексного и системного подхода при решении проблем развития села и аграрной отрасли. В свое время одним из первых актов аграрного законодательства стал Закон «О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и агропромышленного комплекса» [2], который заложил правовую основу формирования государственной аграрной политики в новых социально-экономических условиях становления Республики Беларусь как самостоятельного и независимого государства. С этого момента и до настоящего времени сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, село и сельские территории становятся объектом регулирования множества комплексных нормативных правовых актов, принимаемых в рамках реализации государственной аграрной политики, как и большинства документов программного характера в данной сфере [3, 4, 5].

Наиболее существенное воздействие на развитие сельских территорий аграрное законодательство оказывает в связи с активным вовлечением граждан в процесс производства сельскохозяйственной продукции, причем не только в качестве наемных работников и (или) участников (членов) различных сельскохозяйственных организаций, но и в качестве самостоятельных производителей со статусом физического лица или индивидуального предпринимателя [6]. Наличие благоприятных условий для участия в процессе сельскохозяйственного производства граждан, проживающих в сельской местности, во многом определяется фактическим отражением в нормах аграрного законодательства специфики их правового статуса и установления адаптированных для них правил и требований в рамках осуществляемой ими сельскохозяйственной деятельности. При этом граждане принимают активное участие в производстве и реализации продукции как растениеводства, так и животноводства.

Так, общая посевная площадь в хозяйствах населения в 2019 г. составила 404,9 тыс. га. На долю населения приходится 1 238,1 тыс. тонн выращенных овощей и 388,3 тыс. тонн фруктов и ягод, 192,7 тыс. тонн зерновых и зернобобовых культур. На 1 января 2020 г. в хозяйствах граждан насчитывалось 74,1 тыс. голов крупного рогатого скота, свиней – 306,8 тыс., 4545,9 тыс. голов, птицы всех видов. В целом это свидетельствует о том, что сельскохозяйственная деятельность физических лиц продолжает играть существенную роль в обеспечении продовольственной безопасности государства, составляя 17,3 % от общего объема сельскохозяйственной продукции, произведенной в стране [7].

С учетом степени вовлеченности граждан в сферу сельскохозяйственного производства, рассмотрим, насколько их интересы учтены и представлены в актах аграрного законодательства.

Как известно, правовую основу регулирования отношений в сфере растениеводства и животноводства составляют нормы Законов «О семеноводстве» [8], «О карантине и защите растений» [9], «О племенном деле в животноводстве» [10], «О ветеринарной деятельности» [11], «Об идентификации, регистрации, прослеживаемости сельскохозяйственных животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения» [12], «О производстве и обращении органической продукции» [13]. В рамках каждого из них в той или иной степени упоминаются физические лица как участники соответствующих отношений, однако не всегда, в предусмотренных данными законами правовых механизмах и процедурах, а также принятых в их развитие нормативных правовых актах, граждане рассматриваются как полноценные и равноправные субъекты. Продемонстрируем обозначенную проблему на примере законодательства в сфере семеноводства.

В соответствии с Законом «О семеноводстве» производителями семян сельскохозяйственных растений могут выступать как юридические, так и физические лица. Действие Закона не распространяется на отношения, возникающие при осуществлении семеноводства физическими лицами только в том случае, если они осуществляют ее для собственных нужд и не преследуют при этом цели извлечения прибыли. Таким образом, при реализации семян сельскохозяйственных растений физическими лицами, не имеющими статус индивидуального предпринимателя, а такая возможность подтверждается нормами аграрного, гражданского и налогового законодательства, они становятся полноправными участниками рассматриваемых отношений.

По своей сущности семеноводство представляет собой деятельность, связанную с производством, хранением, реализацией и использованием семян растений, а также с проведением мероприятий по определению их сортовых и посевных качеств. Нормами Закона предусмотрено включение субъектов в государственный реестр производителей оригинальных и элитных семян, регистрация в государственном реестре сортов сельскохозяйственных растений, необходимость получения акта апробации, удостоверения качества и свидетельства на семена, соблюдения требований к хранению, маркировке и упаковке семян при их реализации.

Физические лица могут являться производителями оригинальных и элитных семян, что подтверждается нормами ст. 13 Закона, а также Инструкции о порядке ведения реестра семян сельскохозяйственных растений [14].

Одно из важнейших требований законодательства в сфере семеноводства заключается в недопущении производства, реализации и использования на территории Республики Беларусь семян сельскохозяйственных растений, не включенных в государственный реестр сортов. Включение сортов сельскохозяйственных растений в государственный реестр сортов и исключение их из этого реестра, а также его ведение осуществляет

"Государственная инспекция по испытанию и охране сортов растений". Заявителем в данном случае может выступать - автор сорта (селекционер), его наниматель (в случае создания служебного сорта), их правопреемник [15]. Однако административная процедура по включению сорта сельскохозяйственного растения в государственный реестр предусмотрена только в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [16], а следовательно, физические лица, даже являясь производителями оригинальных и элитных семян, такой возможности лишены.

Среди требований в сфере семеноводства производителям необходимо иметь в виду наличие обязательного подтверждения сортовых и посевных качеств семян. Сортовые и посевные качества семян сельскохозяйственных растений подтверждаются при производстве соответственно актом апробации сельскохозяйственных растений и удостоверением о качестве семян растений. Однако и в данном случае перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [17], не предусматривает такой возможности для физических лиц.

В соответствии со ст. 24 Закона реализация семян сельскохозяйственных растений покупателю осуществляется в сопровождении свидетельства на семена, которое выдается юридическим или физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем и представляет собой документ, подтверждающий сортовые и посевные качества реализуемых семян. Возникает закономерный вопрос, каким образом физические лица должны подтверждать сортовые и посевные качества семян?

Анализ Инструкции о порядке упаковки, маркировки, хранения и транспортировки семян сельскохозяйственных растений [18] также вызывает сомнения о возможности соблюдения установленных в ней требований физическими лицами – производителями семян, особенно в части маркировки.

Следует подчеркнуть, что законодатель характеризует семена растений как собственно семена, так и саженцы, плоды, части сложных плодов, соплодия, луковицы, клубни, меристемные материалы и другие генеративные и вегетативные части, предназначенные для размножения растений. При этом к сельскохозяйственным растениям относит не только зерновые, зернобобовые, кормовые, крупяные, технические, но также - цветочные, овощные, плодовые, ягодные растения, картофель и другие, используемые в сельском хозяйстве. Поэтому участие граждан в реализации семян сельскохозяйственных растений достаточно распространенная практика, однако нацеленная преимущественно на аналогичного потребителя, таких же физических лиц, приобретающих семена, например, для целей ведения личного подсобного хозяйства, коллективного садоводства, огородничества, однако не менее заинтересованных в надлежащих сортовых и посевных качествах приобретаемых семян. И задача законодателя – защитить интересы не только крупного производителя и ключевых субъектов аграрного предпринимательства, но в том числе и граждан, вовлеченных в сферу сельскохозяйственного производства в рамках реализуемой государственной

аграрной политики, способствуя тем самым обеспечению продовольственной безопасности и достижению целей устойчивого развития. Для этого нормы аграрного законодательства должны соответствовать и отражать реальную картину сложившихся экономических отношений, создавая для их развития эффективную правовую основу, с учетом разнообразия организационно-правовых форм ведения сельскохозяйственного производства.

Список использованных источников:

1. О государственной аграрной политике [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 июля 2014 г., № 347: с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и агропромышленного комплекса: Закон Респ. Беларусь, 29 мая 1991 г., № 822-ХІІ // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли: Директива Президента Респ. Беларусь, 4 марта 2019 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О Государственной программе возрождения и развития села на 2005 - 2010 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 25 марта 2005 г., № 150 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 декаб. 2017 г., № 962 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Кузьмич, И.П. Эффективное правовое регулирование экономических отношений с участием граждан как основа устойчивого развития сельских территорий / И.П. Кузьмич // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы : сборник научных статей. В 2 т. Т. 2 / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси; ред.кол.: В.И. Бельский [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2019. – С. 40-45.

7. О развитии личных подсобных и иных хозяйств населения [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, 2021. - URL: <https://www.mshp.gov.by/farmer/lph/b7ce72381b7c373a.html> (дата обращения 25.16.2020).

8. О семеноводстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 2 мая 2013 г., № 20-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. О карантине и защите растений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 декаб. 2005 г., № 77-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. О племенном деле в животноводстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 мая 2013 г., № 24-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

11. О ветеринарной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 2 июля 2010 г., № 161-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. Об идентификации, регистрации, прослеживаемости сельскохозяйственных животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 287-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. О производстве и обращении органической продукции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 нояб. 2018 г., № 144-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

14. Инструкция о порядке ведения реестра производителей семян сельскохозяйственных растений [Электронный ресурс] : Постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Респ. Беларусь, 10 сентяб. 2013 г., № 46 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

15. Положение о порядке проведения государственного испытания сортов, порядке включения сортов в государственный реестр сортов, исключения их из этого реестра и порядке его ведения [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 сентяб. 2006 г., № 1135 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

16. Единый перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 февр. 2012 г., № 156 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

17. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апреля 2010 г., № 200 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

18. Об утверждении Инструкции о порядке упаковки, маркировки, хранения и транспортировки семян сельскохозяйственных растений [Электронный ресурс] : Постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Респ. Беларусь, 1 июня 2015 г., № 18 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Макарова Т.И.,

заведующий кафедрой экологического и аграрного права

Белорусского государственного университета,

доктор юридических наук, профессор,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,

takti@bsu.by, tamaramakarava@gmail.com

В основе экономики любой социально-экономической формации и ее материального базиса лежат природные ресурсы, использование которых порождает главное эколого-экономическое противоречие эпохи, заключающееся в том, что без природопользования невозможно существование человечества, а эксплуатация природы ставит под вопрос уже само его выживание в окружающей среде, создаваемой человеком под воздействием антропогенных факторов. Признав это в середине XX в., мировое сообщество формирует на международном и национальном уровнях меры противодействия загрязнению окружающей среды, пытаясь разрешить этот антагонизм, в том числе правовыми средствами.

Процессы, формирующие охрану окружающей среды на глобальном уровне, затрагивают в первую очередь основополагающие начала и системообразующие категории экологического права. Так, резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) понятие «охрана природы» было трансформировано в системообразующий термин «охрана окружающей среды» (Резолюция ГА ООН от 18 декабря 1962 г. № 1831/XVII); признана роль благоприятной окружающей среды для соблюдения основных прав человека (Резолюция ГА ООН от 3 декабря 1968 года № 2398/XXIII); подтверждена связь социального прогресса с охраной окружающей среды (Резолюция ГА ООН от 16 декабря 2005 г. № 60/157); декларациями международных конференций ООН введена концепция устойчивого развития, как сочетания взаимодополняющих основ – экономической, социальной сфер и охраны окружающей среды, реализуемых на глобальном, региональном, локальном уровнях (Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 г., Йоханнесбургский саммит по устойчивому развитию, 2002 г.); посредством концепта «зеленая экономика» подтверждена связь экономического развития и социального прогресса с сохранением окружающей среды (резолюции ГА ООН от 27 июля 2012 года 66/288 от 25 сентября 2015 г. № 70/1) [1].

Другими словами, системообразующая категория экологического права «охрана окружающей среды», не статична: в ее развитии прослеживается путь от понимания ее как деятельности по сохранению природы, то есть отказу от воздействия на естественные экологические системы и проистекающие в них процессы, до признания обусловленности сохранения окружающей среды экономическим развитием и социальным прогрессом. Научный анализ

категорий «окружающая среда» и «охрана окружающей среды» на основе изучения правовых документов международного и национального уровня породил новое легальное содержание ключевого термина эколого-правовой науки. В современном понимании законодательстве окружающая среда – это соединение природной среды, как «совокупности компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов» с антропогенными объектами [2, ст. 1]. Окружающая среда, сфера обитания человека как биологического вида и социального индивида, а ее охрана – постоянный процесс сохранения и поддержания в благоприятном состоянии природной среды средствами предотвращения вредного воздействия на окружающую среду со стороны деятельности, осуществляемой посредством и при помощи антропогенных объектов, как объектов, созданных человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающих свойствами объектов природных.

Другое, чаще других используемое наукой понятие, – «экологическая безопасность» и сопряженное с ним – «обеспечение экологической безопасности» – феномен иного порядка (хотя в правовых документах они появляются практически одновременно с переходом к концепции охраны окружающей среды). В его появлении и применении невозможно проследить процесс эволюции как научной категории, но зато обнаруживается множество научных подходов в определении сущности такого явления, как «экологическая безопасность» и ее обеспечение. В науке экологического права по-разному воспринимается как само это понятие, так и истоки его появления. Оттолкнемся от формального взгляда: Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» определяет этот термин как «состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [2, ст. 1]. В украинской эколого-правовой науке право экологической безопасности обособляется в качестве самостоятельной части экологического права со своим предметом – общественными отношениями, называемыми авторами этой концептуальной идеи «антропоохранными», и даже обосновывается как подотрасль экологического права [3]. В науке экологического права, как поддерживается взгляд на самостоятельность и отдельность отношений по обеспечению экологической безопасности от отношений по охране окружающей среды [напр., 4-8], так и критикуется выделение понятия в качестве самостоятельной правовой категории в силу того, что в практической деятельности обеспечение экологической безопасности не реализуется как самостоятельное направление, осуществляемое отдельно от охраны окружающей среды [9-10]. На что, как нам представляется, следует обратить внимание при сравнении категорий «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности», так это терминологическая «беспредметность» последней, что видно уже из легального определения, фиксирующего «состояние защищенности окружающей среды», притом, что обеспечение экологической безопасности имеет под собой стратегический фундамент, поскольку рассматривается в качестве

самостоятельного направления национальной безопасности в соответствии с документами программного характера [11], что переводит рассуждения в принципиально иную плоскость, придающую понятию «экологическая безопасность» конкретность относительно территории, на которой требуемое «состояние защищенности окружающей среды» подлежит обеспечению.

В таком контексте экологическая безопасность как совокупность факторов окружающей среды и воздействующей на нее хозяйственной деятельности не только определенное состояние, но еще и процесс, «вписанный» в конкретное жизненное пространство, на что, в частности, указывают Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г., № 575 [11], документ, который устанавливает стратегические основы национальной безопасности (включая безопасность экологическую) в отношении территории Республики Беларусь. Это обстоятельство добавляет к характеристике категории «экологическая безопасность» (состояние защищенности, совокупность эколого-значимых процессов) еще и фактор территории или жизненного пространства, для которых эти состояния и процессы актуальны. Итак, мы подходим к понятию «эколого-безопасное пространство», как территории, в границах которой происходит взаимодействие общества с окружающей средой и формирование которой обусловлено не только факторами природного и техногенного характера, но и политико-правовыми, и социально-экономическими причинами, что получило в философской науке определение «социоприродных трансформаций», основными признаками которых называются «дегуманизация техники и технологии, процессы технического и технологического воздействия человека на природу» [12, с. 11]. По нашему глубокому убеждению, трансформации такого рода, чтобы они не оказались губительными для человека и его среды обитания должны сопровождаться политическими и институциональными преобразованиями на всех уровнях – международном, региональном, внутригосударственном, локальном.

В политическом плане формирование эколого-безопасного пространства должно базироваться на политической воле и взаимном желании государств выстраивать общие основы обеспечения экологической безопасности. Понимая это обстоятельство, мы при изучении содержания Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [13] вынуждены были констатировать отсутствие единого взгляда государств-членов ЕАЭС на экологическую политику при очевидной невозможности избежать воздействия на окружающую среду в процессе формирования единого экономического пространства [14].

На региональном уровне на формирование пространства экологической безопасности ЕАЭС оказывает влияние фактор геополитики, поскольку Государства-члены принадлежат к различным в географическом отношении частям Евразии (Беларусь – европейской, Казахстан и Кыргызстан – азиатской, Россия – евроазиатской), что формирует новые, как бы накладывающиеся одно на другое пространства каждое со своим кругом общественных отношений и правосубъектностью членом. И здесь мы видим, что интересы государств-

членов могут серьезно разниться. Так, для Республики Беларусь, не высказывающей политического устремления на ассоциацию или членство в Европейском Союзе, ввиду наличия общей границы с тремя государствами этого союза (Польша, Литва и Латвия) неотъемлемой частью экологической политики становится согласование и гармонизация природоохранных подходов с ЕС. Республикой Казахстан в программном документе «Стратегия «Казахстан-2050» поставлена цель к 2050 году войти в число тридцати самых развитых государств мира и достигнуть фундаментальных показателей развитости государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития [15]. Для Российской Федерации фактором формирования эколого-безопасного пространства являются ее федеративное устройство.

Современной доктрине экологического права, ее научно-категориальному аппарату недостает определенных параметров, которые могут быть введены понятием «эколого-безопасное пространство». Если «охрана окружающей среды» – процесс реализации разработанных человечеством природоохранных механизмов и инструментов, обеспечивающих и поддерживающих экологическую безопасность, то речь идет о процессах, поддерживающих определенное экологическое состояние». Отсутствует территориально-пространственный признак, указывающий на то, в границах какой территории осуществляются такого рода процессы с соответствующим (обеспечение экологической безопасности) результатом.

Полагаем, что введение пространственного критерия, как возможности очертить для определенной территории институциональные рамки, устанавливаемые международным договором, межгосударственным соглашением, законом, позволяет конкретизировать объект (территорию), в отношении которой применимы эколого-правовые меры. В этом смысле вошедшее в научный оборот (используемое, в том числе и автором) понятие «эколого-правовое пространство», должно восприниматься как абсолютная юридическая фикция, но дополненное факторами объективного порядка – уровень экономики, социальная сфера, установленные правом природоохранные средства, применение которых возможно на определенной территории, формирует «эколого-безопасное пространство», как совокупность количественных и качественных характеристик окружающей среды и применяемых на конкретной территории природоохранных средств для достижения экологически безопасного состояния.

Список использованных источников::

1. Резолюции Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс] – Официальный веб-сайт Организации Объединенных Наций – Режим доступа : <https://www.un.org/ru/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> – Дата доступа – 11.11.2020.

2. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ: в ред. Закона от 17 июля 2002 г. № 126-З (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Краснова, Ю.А. Право екологічної безпеки України: теоретичні аспекти : монографія. - Київ: НУБіП України, 2017. - 589 с.
4. Колбасов, О.С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект) / О.С.Колбасов // Совет. государство и право. – 1988. – № 12. – С. 47–55.
5. Тимошенко, А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект / А.С.Тимошенко // Совет. государство и право. – 1989. – № 1. – С. 84–92.
6. Копылов, М.Н. О правовом содержании понятия «экологическая безопасность» / М.Н.Копылов // Изв. вузов. Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 113–120.
7. Русин, С.Н. Концептуальные проблемы экологической безопасности и государственная экологическая политика (правовой аспект) / С.Н.Русин // Эколог. право. – 2010. – № 5. – С. 12–18.
8. Краснова, И.О. Экологическая безопасность как правовая категория [Электронный ресурс] / И.О.Краснова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
9. Бринчук, М.М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? / М.М.Бринчук // Государство и право. – 1994. – № 8-9. – С. 118–127.
10. Гиззатуллин, Р.Х. О параметрах экологической функции государства / Р.Х.Гиззатуллин // Экол. право – 2008. – № 2. – С. 10–14.
11. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 (ред. от 24.01.2014) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
12. Арсанукаев, Р.Х. Эколого-безопасное развитие: философско-методологический анализ : автореф. дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / Р.Х. Арсанукаев ; ФГОУВПО «Росс. акад. госуд. службы при Президенте Росс. Федерации» – Москва, 2009. – 30 с.
13. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : 29 мая 2014 г. (в ред. от 08.05.2015) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
14. Макарова, Т.И. Право окружающей среды Евразийского экономического союза: проблемы формирования / Т.И.Макарова // Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т.И.Макарова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 55-58.
15. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» : Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана от 14 дек. 2012 г. [Электронный ресурс] : Официальный сайт Президента Республики Казахстан – Режим доступа :

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Маршалко Н.А.,

*аспирант кафедры теории и права факультета права
Белорусского государственного экономического университета,
пр. Рокоссовского, 65, корп. 8, к. 34, 220094, г. Минск, Беларусь,
nikita_marshallko@mail.ru*

В Древней Руси присутствовали разнообразные концепции политических позиций, взглядов на предпочтительную модель управления государством и ее эффективность функционирования.

Политическое управление и борьба интересов проходила в условиях авторитарной княжеской монархии и демократической боярско-купеческой республики. Как закономерно отметила в своем научном труде Ирина Николаевна Фалалеева: «Один из основных государственно-правовых институтов в Древней Руси олицетворяла собой фигура князя» [1, с. 12]. Различные ветви власти: законодательная, исполнительная, судебная находились под его непосредственным контролем. Впоследствии указанные ветви претерпели существенные изменения, в том числе путем отделения и формирования отдельных институтов.

Модель авторитарной княжеской монархии имела преобладающий формат почти во всех русских княжествах, что выражалось в наличии полномочий для принятия решений единолично. Однако данный формат не лишал возможности учитывать мнения иных социальных групп: дружинников, бояр, купцов, послов и т.д. Противопоставлением княжеской монархии выступало народное собрание – вече, которое занимало немаловажную роль в политической жизни Великого княжества Киевского. Вече позволяло решать наиболее важные вопросы, к примеру, войны и мира, финансовые, налоговые, земельные и иные. Особую роль вече заключалась в том, что принимать участие в решении наиболее важных вопросов, тем самым влияя на политическую жизнь государства, могли обычные граждане городов-государств Древней Руси.

В то же время вече рассматривалось как политико-правовой институт имеющий возможность постоянной адаптации под решение социальных вопросов, особенно в кризисные моменты государства. В связи с этой важностью данного органа на протяжении IX вв. трудно переоценить. Так как вечевое собрание считалось правомочным только на время его проведения, реализация выбранной воли поручалась – Совету старейшин. Формирование Совета

старейшин осуществлялось выборным путем среди всех взрослых мужчин, обладавших наибольшим жизненным опытом, знанием традиций и обычаев.

Иную модель развития можно было наблюдать в Новгородских землях, в которых был установлен верховный орган власти – народное собрание. Доминирующую роль в политическом процессе занимали новгородские бояре, владевшие наибольшей частью земельной собственности. Такой подход чаще всего порождал соперничество за власть определенными группами лиц, которые создавались в рамках интересов конкретного боярского рода. Помимо бояр в состав народного собрания входили: купцы, ремесленники, ушкуйники (вольные дружинники). Интересы перечисленных социальных групп так или иначе могли не совпадать, что порождало необходимость ведения борьбы за собственные идеалы и интересы, при этом такая активность генерировала необходимые изменения политического процесса в Новгородской республике.

Каждый институт политической системы Новгородской республики рассчитывал на поддержку со стороны своих единомышленников, что представляло собой некую форму современных партий. К примеру, князь предпочитал искать поддержки со стороны своей дружины, соответственно, ему было важно учитывать интересы данной группы, интересоваться ими, поддерживать их точку зрения и цели. Сама княжеская дружина тоже имела деление: в состав входили старшие – бояре, младшие – отроки, грудь, молодежь. Наиболее полноценно с «партией» князя могла соперничать «партия» посадника – глава правительства, который также старался снискать поддержку у избиравшего его народа.

Немаловажным механизмом институциональной подсистемы Древней Руси было учреждение под названием Совет при князе. Указанное учреждение являлось предметом повышенного внимания в научной среде. Некоторые исследователи, в частности Василий Осипович Ключевский и Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов считали, что князь в ходе свое правления совещался с указанным органом. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов указывал на большое политическое значение данного учреждения: «необходимым элементом в составе государственной власти каждой земли» [2, с. 45]. Другие, к примеру, Василий Иванович Сергеевич, отрицали полноценное существование такого учреждения в Древней Руси. По его мнению, дума князей с мужами – это только акт думания, действие советывания князя с людьми, которым он доверяет, то есть без необходимости обязательного учета такого мнения или его реализации на практике.

Не последнюю роль сыграло в истории политической системы Древней Руси церковь. Необходимо учитывать тот факт, что влияние религии на политическую составляющую того времени было велико, и не только на территории Древней Руси. Широкий круг подконтрольных церкви идеологических, политических, духовных и других функций воздействия, за счет которых осуществлялось развитие, и порой удерживание общества позволило преобразовать Древнюю Русь в крупную державу. Однако некоторые советские исследователи пытались обосновать вторичность этого института на Руси. В частности, Ярослав Николаевич Щапов пишет:

«Христианская церковная организация появилась здесь в конце X в., а стала играть какую-то роль в XI в., когда государство уже сформировалось и существовало около двух столетий. Этим обстоятельством и определяются, по моему мнению, условия, в которых возникла церковь на Руси. Не она оказывала определяющее влияние на структуру власти, а, наоборот, государственная структура, выработанная уже ко времени создания церковной организации, определила формы и направления развития, по которым шла церковь» [3, с. 127].

Как кажется нам, автор прав только наполовину, так как в период X-XI вв. Древнерусское государство еще не было окончательно сложившееся, так как объединение значительного количества восточнославянских земель (большая их часть) длилось до начала XI вв., а фактическое существование Древнерусского государства началось с IX вв. до второй трети XII в.

Подводя итог по особенностям политической системы Древней Руси можно сказать следующее. Активное развитие вече, как основного инструмента состязательности и достижения интересов наиболее активного сословия, а также определение основополагающих государственных институтов и широкая система участия «партий» князя и граждан в жизни общества создало необходимую среду для развития и функционирования политически активных групп лиц, которые стали прообразом современных политических партий.

Что касается политической системы Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), то тут необходимо обратить внимание на такую особенность, как всевластие шляхты. Представителями шляхты были привилегированные сословия, которые состояли на начальном этапе исключительно из воинских сословий: князи и бояре. В 1387 году польским королем и великим князем литовским Ягайло для указанных сословий был выдан первый сословный привилей, который ознаменовал окончание всех государственных повинностей, кроме участия в военной деятельности и строительстве госпордарских замков, закрепляя за ними возможность свободного распоряжения имуществом.

Последующим был шаг по изданию Городельский привилеи 1413 года согласно которому литовские боярские роды, принявшие католицизм, присоединились к польским гербовым братствам. Подобный ход был призван создать прочную основу для статуса нового сословия в среде литовского этноса, литовской шляхты во взаимоотношениях с другими землями ВКЛ, в которые входили белорусско-украинские боярства и княжеские аристократии.

Однако конец XV века ознаменовался серьезными изменениями, связанными с ограничением и разделением великим князем литовским своих функций и власти с Радой панов. При этом наиболее важная роль в Раде панов пришла на богатых и влиятельных представителей светской и духовной знати: воеводы, каштеляны, маршалки и иных представителей.

В новый период столетия ВКЛ входило с большим количеством нерешенных проблем: неудача в войне 1500-1503 года с великим княжеством Московским; отсутствие положительного успеха в проекте возрождения флорентийской церковной унии; отсутствовал успех в реализации

заключенного в 1501 году в Мельнике договора о изменении статуса персональной унии в реальное объединение ВКЛ с Польшей.

На фоне образовавшихся проблем в первой половине XVI века стремительно растет процесс общего сплочения правящих привилегированных слоев ВКЛ, что приводит к расширению функций уже действующих объединений, в частности Рады панов, так и порождению новых социально-политических институтов – Вальных сеймов, доминирующее положение на котором имели крупные землевладельцы.

Черeda реформ 1564-1565 годов приблизила общественно-политический строй ВКЛ к польскому. По мнению Юлиуша Бардаха, эти преобразования были обусловлены продуманной рецепцией польских образцов и поэтому они отличались большим рационализмом и последовательностью. Результатом реформ стал Акт Люблинской унии 1569 года, который определил основополагающие конструкции общественно-политического строя Речи Посполитая (далее – РП) и сословные права шляхты. Польское королевство и ВКЛ провозглашались «единым нераздельным и неразрозненным телом», общей РП, слившейся «в один народ два государства и народа».

ВКЛ на протяжении длительного времени стремилось сохранить государственный суверенитет пределах, которые были оговорены унией 1569 года, а порой даже расширить его. Статут ВКЛ 1588 года, завершивший интенсивный процесс кодификации общегосударственного права, не был представлен Вальному сейму и был введен в действие благодаря личным связям подканцлера Льва Сапеги и привилею Сигизмунда III. Ничто так не разгораживало две державы на протяжении нескольких столетий, как разные правовые системы.

Итогом развития политической системы ВКЛ стало существенное отличие ее от западноевропейских стран. В формировании парламентаризма активно участвовали сословия, а сам парламентаризм в ВКЛ был продуктом политической деятельности выраженной в действиях шляхты. Повышенная правовая культура шляхты, осознание ею объема личных прав, особые формы парламентских институтов и разделение функций между сеймующими станами, воздействие шляхетских вольностей и шляхетского правосознания на иные сословия сформировало в ВКЛ важные предпосылки для зарождения и развития института политических партий.

В заключении хотелось бы отметить, что на современном этапе развития общества и государства мы можем наблюдать, что воля граждан, выражаемая посредством объединения в политические партии, как самостоятельный институт представляют собой эффективный механизм, в которой идет постоянная борьба интересов граждан, добровольно вступивших в выбранное ими политическую группу, и активно преследующих достижение определенных политических целей, выявлению и выражению политической воли. При этом невозможно исключить и тот факт, что развитие института политических партий тесно связано исторически с процедурой выборов, без которых современная демократия не представляется возможной.

Список использованных источников:

1. Фалалеева, И.Н. Монография политико-правовая система Древней Руси IX-XI вв. / И.Н. Фалалеева – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2003. – 164 с.;
2. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. Сочинение: 7-е изд. / М.Ф. Владимирский-Буданов – Петроград; Киев: Н.Я. Оглоблин, 1915. – 699 с.;
3. Щапов, Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI-XIV вв. / Я.Н. Щапов. – М.: Наука, 1972. – 338 с.;
4. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах – М.: юрид. лит., 1980. – 564 с.;
5. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Сочинения: в 18 кн. кн. 2. т. 3-4 / С.М. Соловьев. – М.: Голос, 1993. – 768 с.;
6. Бушуев, С.В. История государства российского. кн. 1. IX-XVI в. / С.В. Бушуев, Г.Е. Миронов. – М.: Книжная палата, 1991. – 544 с.;
7. Грицкевич, А.П. Распределение магнатских и шляхетских владений в Белоруссии по их величине и этнической принадлежности владельцев: 16 в. – Вопросы истории, т. 5 / А.П. Грицкевич. – М.: 1978. – 105 с.;
8. Коялович, М. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на люблинском сейме в 1569 году. Сочинение / М. Коялович. – СПб.: Военная типография, 1863. – 87 с.;
9. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года., т. 1. / Перевод Г.И. Ефромова. – М.: Фонд имени И.Д. Сытина, Vatrus, 2005. – 225–229 с.;
10. Котляров, Н.Ф. Древнерусская государственность / Н.Ф. Котляров. – СПб.: Алетейя, 1998. – 443 с.;
11. Петрухин, В.Я. Русь в IX-X веках: От призвания варягов до выбора веры, 2-е изд. испр. и доп. / В.Я. Петрухин. – М.: Форум; Неолит, 2014. – 464 с.;
12. Свердлов, М.Б. Генезис и структура феодального общества Древней Руси. / М.Б. Свердлов. – Л.: Наука, 1983. – 240 с.;
13. Фроянов, И.Я. Города-государства Древней Руси / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. – 272 с.;
14. Статут Вялікага княства Літовскага 1588 года (вытрымкі з выдання: Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. – Мн.: БелСЭ. – 1989) // Pravo.by [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Дата доступа 29.09.2020;
15. Закон Республики Беларусь от 05.10.1994 №3266-ХІІ «О политических партиях», в ред. от 04.06.2015 // Pravo.by [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Дата доступа: 29.09.2020.

НОВЫЕ ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Наумович Т.В.,

старший преподаватель кафедры конституционного права

Белорусского государственного университета,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,

t_naumovich@mail.ru

Важнейшей темой для человечества в современном мире является тема «Индикаторы устойчивого развития». Эта тема – как жить, как измерять прогресс человечеству и отдельным странам.

Одним из наиболее важных Международных правовых документов можно назвать «RIO+20». «RIO+20» – это краткое название Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию, которая прошла в Рио-де-Жанейро, Бразилия, 20–22 июня 2012 года, через двадцать лет после исторической Встречи на высшем уровне «Планета Земля» 1992 года. Проведение этой Конференции, по мнению многих участников, дало человечеству возможность представить, каким мы хотели бы видеть мир через 20 лет.

На этой конференции говорилось, что человечеству пора переходить для измерения своего прогресса к новым показателям измерения устойчивого развития. А это, по нашему мнению, и есть индикаторы устойчивого развития.

Сегодня многие ученые пришли к выводу, что человечество некорректно измеряет развитие.

По мнению ведущих экономистов, одним из самых опасных индикаторов является ВВП (валовой внутренний продукт). Этот индикатор существует с 1952 года. Но является ли он тем правильным мерилем развития государства? Так, экономисты подсчитали, что снижение цены, например, на энергоносители на 50-60 долл, снизит ВВП лишь на 2%. Т.е. это на экономике не отразится серьезно. А нефть, газ, калийная соль – это невозобновляемые источники природы. С точки зрения устойчивого развития – это не просто капитал страны, это капитал будущего поколения: наших детей и внуков. Т.е. мы, проедавая природный капитал, лишаем будущее поколение его использовать. Это можно сравнить с взятием кредита в банке. Взять кредит и прогулять его, купить машину, дом, сходить в ресторан... При этом образ жизни будет неустойчивый. Временно человек повышает свое благосостояние, но возвращать деньги все же придется. Вот и ВВП для любой страны – это то же самое. Т.е. мы проедаем природный капитал, и тем самым лишаем следующее поколение права на его использование.

Одним из важнейших недостатков ВВП, на наш взгляд, является то, что он не учитывает социальную проблему общества. Это прекрасный показатель для стран, в которых не осталось настоящей нетронутой природы, где нет никакого биоразнообразия, где скудный животный мир. Социальные проблемы заглушаются государством путем огромных социальных выплат, но при этом часто нет никакой дифференциации дохода. Человек неработающий, но

живущий на социальное пособие, может не намного отличаться по доходу от работающего, получающего зарплату. У нас же в стране – фантастическая дифференциация, которая растет. У нашего населения серьезные проблемы со здоровьем. Средний возраст мужчин не превышает, как известно, 70 лет. У нас уже, на наш взгляд, существуют проблемы с деградацией науки, образования.

Ученые России подсчитали, что для обеспечения такого ВВП как сейчас, России нужно лишь 2-3 млн людей. Нужны только те люди, которые занимаются энергетикой и металлургией. А такие люди как ученые, работники образования для повышения ВВП не нужны, т.к. чтобы добывать и продавать нефть государству большого интеллекта не надо. И сегодня все планы развития большинства, если не сказать, что всех стран, базируется на ВВП. И это, по мнению экономиста Сергея Бобылева, очень опасно. Поэтому нельзя не согласиться с мнением ведущих мировых ученых-экономистов, что строить свое развитие любая страна должна уже на каких-то других качественных индикаторах.

Любой стране нужны сильные, здоровые люди, с хорошим уровнем образования и благосостояния. Но это другая логика экономического развития. В основе этих показателей лежит не рост ВВП, а абсолютно другие показатели. В мире проведено огромное количество исследований. И необходимо отметить, что многие ученые считают, что сегодня необходимо заострить внимание на некоторых других новых показателях устойчивого развития, таких как 1) чистые накопления Всемирного банка; и 2) Индекс человеческого развития (ИЧР). Оба этих показателя, а их анализ можно найти в Докладах ООН, например в докладе 2013 года, в основе которых из макроэкономического показателя вычитается показатель – истощение природного капитала, и показатель ущерба для окружающей среды, в том числе ущерб для здоровья населения, и прибавляются расходы на человеческий капитал, например, расходы на образование. И получаются совсем другие цифры, получается совсем другая новая экономическая реальность. И вот эти цифры для такой страны как Россия (именно она обладает большим разнообразием и богатством природных ресурсов) на 2007 год (перед кризисом 2008г.): по росту ВВП получалось +7%, а по данным Всемирного банка – -10%. И почему минус, потому что вычитается истощение полезных ископаемых: нефти, газа, и т.д. Т.е. если мы истощаем свои природные запасы, значит, мы подрываем свое будущее. Компенсировать эти расходы можно только вложением в человеческий капитал, и через создание специальных фондов будущих поколений. Такие фонды существуют, например, в Норвегии, ОАЭ. Они понимают, что нефть может скоро закончиться, а надо думать о будущем поколении. Потому, их показатели компенсируются этим фондом будущих поколений.

Выше уже говорилось об Индексе ООН человеческого развития (ИЧР). Он состоит из 3 составляющих:

1. Индекс благосостояния. Он базируется на ВВП страны
2. Ожидаемая продолжительность жизни
3. Индекс образования

Ученые заметили, что когда меняются эти три индекса, картина мира тоже меняется. И уже такие богатые страны как США, Швеция, окажутся уже не на первом месте. А на первом месте окажутся Австралия, Норвегия, Япония – т.е. страны, где зафиксирована высокая продолжительность жизни. Говоря о Беларуси, то наша страна, по рейтингу стран по ИЧР за 2013 г. на 53 месте, т.е. мы вошли в 6-й десяток, обогнав даже нашу сестру Россию [1], у которой ВВП хоть и большой на душу населения, но страна проигрывает по продолжительности жизни. А можно ли считать нормальной страной страну, где люди мало (недолго) живут?

Поэтому, говоря об устойчивом развитии, государства не должны учитывать только материальную компоненту, а должны учитывать, как минимум, здоровье и образование людей.

Очевидно, что страны и Человечество в целом, должны изменить всю картину измерения своего развития. Пандемия выявила очень много «нарывов» в обществах многих стран. Стало ясно, что прогресс надо измерять по-новому. Индикаторы устойчивого развития пытаются решить эту проблему. Решения Конференции ООН по устойчивому развитию, крупнейшей Конференции XX века в 2012 г. в Рио-де-Жанейро, было записано, что в ближайшее время будет разработана новая система индикаторов устойчивого развития, как изменение прогресса, и Статистический департамент ООН предложит новую систему измерения, так называемую Систему Национальных Счетов (СНС), который будет учитывать более эффективно и экологический фактор, и социальный. И только после этого мы сможем сказать, правильно мы развиваемся или неправильно.

И хотелось бы призвать, нашу страну стать первой страной, которая попытается использовать эти наработки ООН, и которая будет применять эти новые показатели (индикаторы), т.к. уже жизненно важно поменять систему измерения устойчивого развития.

В Докладе ООН о человеческом развитии за 2014 г., озаглавленном «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости», рассмотрены две концепции, которые тесно связаны между собой и чрезвычайно важны для обеспечения прогресса в области человеческого развития, В нем также отмечено, что конфликты и ощущение отсутствия личной безопасности оказывают глубокое отрицательное воздействие на человеческое развитие и заставляют миллиарды людей жить в условиях риска. На примере некоторых районов Западной и Центральной Африки, где продолжается беззаконие и вооруженные конфликты угрожают прогрессу человеческого развития, подчеркивается, что это имеет долгосрочные последствия для прогресса стран. А в целом ряде государств Латинской Америки и Карибского бассейна, несмотря на высокие достижения в области человеческого развития, многие люди испытывают страх в связи с ростом числа преступлений с применением насилия, что не может не сказаться на устойчивом развитии этих стран. Большое влияние на благополучие населения оказывают общий уровень свобод в обществе и способность людей

реагировать на неблагоприятные события – как природного, так и антропогенного характера – и преодолевать их последствия. [1, с.7]

Мы часто задумываемся о необходимости специального закона, защищающего ребенка, взрослого человека от насилия, которому он подвергается в семье. Люди сталкиваются с неодинаковыми уровнями отсутствия безопасности и разными типами уязвимости в различные моменты жизненного цикла. Эти чувствительные точки включают в себя раннее детство, переход от юности к статусу молодого взрослого и от зрелости к пожилому возрасту. Чрезвычайно важна, говорится в Докладе ООН, своевременность мер вмешательства, поскольку, чтобы впоследствии компенсировать отсутствие помощи развитию потенциала, не предоставленной в нужное время, требуются значительные средства.

В Республике Беларусь ежегодно в органы МВД на линию 102 поступает около 150 тысяч звонков по причине семейно-бытового скандала. Ежегодно совершается 2 тысячи уголовных преступлений в семье. Ежегодно 50 тысяч агрессоров привлекается к административной ответственности. [2] Вывод напрашивается сам: пострадавшие в 100 тысячах ситуаций домашнего насилия остаются без должной защиты. Широко распространенным заблуждением является идея о том, что только богатые страны могут позволить себе социальную защиту населения. Как показано в названном Докладе ООН, опыт свидетельствует о противоположном. За исключением стран, где происходят борьба с применением насилия и беспорядки, большинство обществ способны предоставлять населению социальную защиту. Эти общества также поняли, что первоначальные инвестиции, в размере лишь небольшой доли ВВП, приносят выгоду, значительно превосходящую начальные издержки.

Список использованных источников:

1. О человеческом развитии «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости» [Электронный ресурс]: Доклад ООН за 2014 год // - Режим доступа: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>. – Дата доступа: 15.11.20г.

2. Сайт МВД Республики Беларусь // - Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=13911>) – Дата доступа: 15.11.2020г.

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Олесько С.С.,

*аспирант Белорусского государственного университета,
помощник прокурора (юрист 3 класса) прокуратуры Россонского района
Витебской области,
магистр юридических наук,
ул. Ленина, 9а, 211471, г.п. Россоны, Беларусь, daruta05@live.com*

Категория «конституционные ценности» подразумевает, что определённый полномочный субъект, исходя из исторической эпохи, в которой существует та или иная страна, толкует текст конституции, отражая ряд её ценностей, а в случае необходимости – также защищает их. В Республике Беларусь *ведущая роль в охране конституционных ценностей принадлежит Конституционному Суду Республики Беларусь*. Согласно ч. 1 ст. 116 Конституции Республики Беларусь, он осуществляет контроль за конституционностью нормативных правовых актов [1].

Весьма обширный перечень полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь позволяет в определённой мере «стоять на страже» конституционных ценностей. В актах конституционного правосудия им формулируются выводы, основанные на ценностях, одобряемых Конституцией Республики Беларусь. Так, к примеру, в решении от 09.07.2019 № Р-1186/2019 по вопросу о соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» Конституционный Суд Республики Беларусь акцентировал, что в последние годы наблюдается рост активности нацистских движений и насильственного экстремизма, выражающих антиконституционные устремления, которые создают реальную угрозу укладу демократических конституционных ценностей [2]. Решение содержит упоминание о демократических ценностях.

Ещё пример. В решении от 09.07.2019 № Р-1185/2019 о конституционности Закона Республики Беларусь «Об изменении законов» Конституционный Суд Республики Беларусь в качестве социальных конституционных ценностей назвал материнство и отцовство, которые в настоящее время подлежат особой защите [3].

Важно также то, что Конституционный Суд Республики Беларусь в своих актах определяет соизмеримость ограничения интересов личности конституционным ценностями. По резонансному вопросу об исполнении мужчинами воинских долга и обязанности, предусмотренных в ст. 57 Конституции Республики Беларусь, он в решении от 10.07.2019 № Р-1188/2019 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам эффективного функционирования военной организации государства»» [4] указал, что анализ вводимых ограничений прав и свобод личности позволяет прийти к выводу об их соразмерности конституционно защищаемым ценностям и целям. Таким образом, Конституционный Суд Республики Беларусь не только акцентирует стороннее внимание на конституционных ценностях, но и устанавливает то, насколько ограничения интересов личности соотносятся с ними.

Особого внимания заслуживает и решение от 23.04.2019 № Р-1167/2019 «О правовом регулировании производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам» [5], в котором Конституционный Суд Республики Беларусь верно заметил, что вследствие ограничения возможности пересмотра в судебном порядке постановления прокурора о прекращении

возбужденного им производства по вновь открывшимся обстоятельствам нарушается принцип сбалансированности в защите таких конституционных ценностей как справедливость и правовая определённость, что влечёт причинение вреда конституционно гарантируемым правам гражданина, защита и восстановление которых являются конституционной целью правосудия. Закрепление возможности обжалования этого постановления в судебном порядке позволит повысить эффективность института пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, а также расширить доступ граждан к правосудию. Конституционным Судом Республики Беларусь акцентировано, что, помимо ранее названных, ключевыми конституционными ценностями являются справедливость и правовая определённость. При этом при защите таких конституционных ценностей обязательно должен соблюдаться принцип сбалансированности конституционно-правовых интересов личности, общества и государства.

На формирование правовых позиций Конституционного Суда Республики Беларусь влияние оказывают правовые позиции Европейского Суда по правам человека. Так, в решении от 29.06.2012 № Р-728/2012 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Жилищного кодекса Республики Беларусь» [6] он сослался на постановление Европейского Суда по правам человека от 21.02.1986 по делу «Джеймс и другие против Соединенного Королевства», приведя в качестве довода его позицию о том, что в современном обществе обеспечение населения жильем является важнейшей социальной потребностью; решение жилищного вопроса не может быть целиком отдано на откуп рынку, неограниченное действие которого, особенно в ситуации с трансформацией экономики, способно создать опасность нежелательных социальных последствий, а потому отражает не только частный, но и публичный интерес. На наш взгляд, отсылка в мотивировочной части решения Конституционного Суда Республики Беларусь на европейскую судебную практику свидетельствует об универсальном характере ряда конституционных ценностей, о происходящих в Мире процессах глобализации и интеграции правовых систем.

Но такая роль в правоприменительной деятельности Конституционному Суду Республики Беларусь была отведена не всегда. Анализ практики конституционного контроля за период с 1994 года по 2019 год показал, что с течением времени Конституционный Суд Республики Беларусь всё чаще апеллирует к тем или иным конституционным ценностям. Так, в 1994 году – первом году своей деятельности он практически не акцентировал внимание на конституционных ценностях. По нашему мнению, это свидетельствует о росте значения института конституционных ценностей в Республике Беларусь. В условиях интеграции, глобализации и иных масштабных процессов Конституционный Суд Республики Беларусь, апеллируя к конституционным ценностям, пытается подчеркнуть белорусскую идентичность, сохранить уклад сформированных ценностей, не препятствовать возникновению «новых», не допуская в страну неприемлемые и антиконституционные ценности. Тем самым

Конституционный Суд Республики Беларусь реализует свою защитную функцию по обеспечению и поддержанию конституционного правопорядка.

Органы конституционного правосудия и в ряде зарубежных стран являются важнейшим субъектом защиты конституционных ценностей. В качестве примера приведём практику Конституционного Суда Российской Федерации. Содержание принципа сбалансированности определяется по отношению к конституционным правам и свободам участников отношений. Озвученный подход сформулирован в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24.01.2002 № 3-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 170 и ч. 2 ст. 235 Кодекса законов о труде РФ и п. 3 ст. 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Центрального районного суда г. Кемерово и Зерноградского районного суда Ростовской области [7].

Стороны трудового правоотношения – работник и наниматель (работодатель) наделены определёнными конституционными правами (правами, вытекающими из конституционных положений). Их реализация, в т.ч. права работника на свободное распоряжение своими способностями к труду и права нанимателя самостоятельно и под свою ответственность принимать кадровые решения (подбор, расстановка и увольнение кадров), должна осуществляться с исключительно при соблюдении баланса конституционно защищаемых ценностей. Содержание сбалансированности связано с определением возможных пределов ограничения конституционных прав и свобод. Из анализируемого решения следует, что ограничения не должны вести к отмене или искажению существа права, а должны преследовать конституционно значимые цели, быть соразмерными поставленным целям.

Наряду с обеспечением баланса конституционно защищаемых ценностей при осуществлении правового регулирования принципиально важно и объективно необходимо поддержание баланса между конституционно-правовыми интересами участников правоотношений. Этот аспект – сбалансированность интересов сторон трудовых или служебных отношений наиболее характерен для решений, связанных с проверкой конституционности правовых норм в сфере труда и социальной защиты. Важно понимать, что такие интересы всегда обусловлены определённым конституционным статусом или же реализацией конституционных прав.

Ещё одним механизмом защиты конституционных ценностей в цифровую эпоху выступает Европейский Суд по правам человека. Например, в практике 2018 году имелось т.н. «дело Telegram против Российской Федерации», которое сегодня является первой глобальной историей подобного рода. Оно прецедентно, а его последствия очень важны как для России, так и многих иных стран.

В частности, на арене конфликта интересов выступили, с одной стороны, Telegram, предоставивший для всеобщего пользования мессенджер, с другой – Российская Федерация, выдвинувшая требования к Telegram о предоставлении доступа к сведениям о личностях-пользователях. Так противостоят интересы двух субъектов – личности в её единичном и концентрированном (общество)

выражении по поводу защиты конституционной ценности в виде тайны личной жизни и переписки и государства по поводу защиты конституционной ценности в виде национальной безопасности. В рамках российского законодательства Telegram должен был представить Федеральной Службе Безопасности информацию, которая необходима для декодирования электронных сообщений. В свою очередь, данное обязательство должно исполняться при неукоснительной защите положений Конституции Российской Федерации о праве на тайну личной жизни и переписки.

Важным механизмом правовой защиты конституционных ценностей в цифровую эпоху является деятельность судов общей юрисдикции. Так, судебная практика Республики Беларусь 2020 года содержит интересный прецедент: Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Министерства внутренних дел Республики Беларусь подало в общий суд заявление о признании канала «Nexta» и его логотипа экстремистскими материалами, которые ставят под угрозу национальную безопасность страны, и такую её цифровую конституционную ценность как «информационный суверенитет». Судом данные требования были удовлетворены.

В целом следует отметить, что цифровая эпоха на передний план в области защиты конституционных ценностей выводит государство – сильное, способное обеспечить в полном объёме защиту прав и свобод человека, правопорядок, национальную безопасность и суверенитет на своей территории с учётом развития информационных технологий.

Таким образом, механизмы правовой защиты конституционных ценностей в цифровую эпоху представлены определёнными организационными гарантиями, что подразумевает под собой деятельность уполномоченных государственных органов. Основными из них выступают органы конституционного правосудия, деятельность судов общей юрисдикции, Европейский Суд по правам человека.

В целях практической реализации сформулированной идеи о необходимости существования «сильного государства», способного обеспечить в полном объёме защиту «цифровых конституционных ценностей, а также с учётом планируемых в Республике Беларусь конституционных преобразований, предлагается внести ч. 3 ст. 1 Конституции Республики Беларусь изменения и дополнения, изложив её в следующей редакции: «Республика Беларусь защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, информационную безопасность, обеспечивает законность и правопорядок». Данное предложение, основанное на необходимости включения в список объектов защиты государства «информационную безопасность», будет являться основанием и гарантией для охраны информационного суверенитета белорусского государства.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.

2. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 9 июля 2019 г., № Р-1186/2019 // Конституционный Суд Респ. Беларусь. – 2019. – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-53553>. – Дата доступа : 13.10.2019.

3. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 9 июля 2019 г., № Р-1185/2019 / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 2019. – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-53543>. – Дата доступа : 24.10.2019.

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам эффективного функционирования военной организации государства» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 10 июля 2019 г., № Р-1188/2019 / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 2019. – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-53583>. – Дата доступа : 24.10.2019.

5. О правовом регулировании производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 23 апр. 2019 г., № Р-1167/2019 / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – 2019. – Режим доступа : <http://www.kc.gov.by/document-52493>. – Дата доступа : 24.10.2019.

6. О соответствии Конституции Республики Беларусь Жилищного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 29 июня 2012 г., № Р-728/2012 / Pravo.by. – 2012. – Режим доступа : http://pravo.by/upload/docs/op/K91200728_1342040400.pdf. – Дата доступа : 28.02.2020.

7. По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ, 24 янв. 2002 г., № 3-П / Законодательство РФ. – 2002. – Режим доступа : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24012002-n>. – Дата доступа : 19.04.2020.

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И 13-Я ЦЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
ООН: БОРЬБА С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА И ЕГО
ПОСЛЕДСТВИЯМИ**

*Острога Г.А.,
старший преподаватель кафедры политологии
Белорусского государственного университета,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
halina.mail@mail.ru*

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятая на Саммите ООН 25 сентября 2015 года, дала новый импульс всеобщим усилиям по достижению устойчивого развития. Из 17 амбициозных и масштабных целей (ЦУР ООН) остановимся на 13-ой: «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями». Эта цель включила в себя такие задачи как:

13.1 Повышение устойчивости и способности адаптироваться к опасностям, связанным с климатом, и стихийным бедствиям во всех странах;

13.2 Интегрирование мер по изменению климата в национальную политику, стратегии и планирование;

13.3 Улучшение образования, повышение осведомленности, а также человеческий и институциональный потенциал в области смягчения последствий изменения климата, адаптации и уменьшения воздействия и раннеепредупреждение;

13.a Выполнение обязательства, взятого на себя развитыми странами - участниками Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, в отношении цели мобилизации к 2020 году совместно 100 миллиардов долларов США из всех источников для удовлетворения потребностей развивающихся стран в контексте значимых меры по предотвращению изменения климата и прозрачность в реализации и полномасштабном вводе в действие Зеленого климатического фонда путем его капитализации как можно скорее;

13.b Поощрять механизмы повышения потенциала для эффективного планирования и управления в связи с изменением климата в наименее развитых странах и малых островных развивающихся государствах, в том числе уделяя особое внимание женщинам, молодежи и местным и маргинализированным общинам [1].

Помимо наличия собственно цели в отношении изменения климата, 12 из 17 целей в области устойчивого развития также предусматривают принятие мер по защите климата, по предотвращению его изменения [2].

Всемирная инициатива по достижению государствами целей устойчивого развития, и конкретно цели в области изменения климата, стала мощным катализатором долгосрочных стратегий и программ ЕС в области устойчивого развития. Сегодня Европейский Союз является одним из главных субъектов мировой политики устойчивости, которая формировалась на протяжении десятилетий. Обеспечение устойчивого развития, являющееся основной целью всей европейской политики, нашло своё отражение в европейских договорах и в его важнейших инициативах. ЕС полностью привержен тому, чтобы играть

активную роль в максимальном прогрессе в достижении Целей устойчивого развития.

Как заявила Ф. Могерини, прежний Верховный Представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности:» ЕС будет подавать пример, выполняя все свои обязательства в области устойчивого развития и противодействия изменению климата. Мы будем увеличивать финансирование программ по сохранению климата, поднимать вопрос о проблемах климата на международных форумах, повышать уровень амбициозности для периодического подведения итогов, предусмотренного Парижским соглашением, и стремиться снизить себестоимость чистых энергоносителей... Помимо этого, реализация Целей в области устойчивого развития потребует изменений во всех областях внутренней и внешней политики, стимулирования государственно-частных партнерств и привлечения опыта Европейского инвестиционного банка в оказании технического содействия и поддержания институционального развития в развивающихся странах и странах со средним уровнем дохода» [3, с.30].

Европейская комиссия в 2016 г. определила свои приоритетные шаги в реализации ЦУР следующим образом:

- Комиссия будет использовать все имеющиеся в ее распоряжении инструменты, включая более совершенные инструменты регулирования, чтобы гарантировать, что существующая и новая политика учитывает три столпа устойчивого развития: социальную, экологическую и экономическую.

- Чтобы создать динамическое пространство, объединяющее различные заинтересованные стороны в государственной и частной сфере, Комиссия запустит платформу с участием многих заинтересованных сторон, которая будет участвовать в отслеживании и обмене передовым опытом по реализации ЦУР в разных секторах.

Комиссия будет предоставлять регулярные отчеты о прогрессе ЕС в реализации Повестки дня на период до 2030 года по состоянию на 2017 год и приступит к аналитической работе по дальнейшему развитию долгосрочного видения с перспективой на период после 2020 года [4].

В соответствии с сообщением Европейской комиссии, ЕС проводит регулярный мониторинг прогресса в выполнении 17 целей устойчивого развития (ЦУР) ООН и действует во многих направлениях для выполнения Повестки дня в данной области на период до 2030 г.

Набор показателей прогресса включает около 100 показателей и структурирован по 17 ЦУР. По каждой ЦУР он фокусируется на аспектах, которые актуальны с точки зрения ЕС. Отчет о мониторинге предоставляет статистическое представление о тенденциях, касающихся ЦУР в ЕС за последние пять лет («краткосрочные») и, при наличии достаточных данных, за последние 15 лет («долгосрочные»). Тенденции индикатора описываются на основе набора определенных количественных правил [5].

Как справедливо отмечает исследователь Н. Говорова, все цели устойчивого развития ООН взаимосвязаны, поэтому многие действия ЕС вносят вклад в несколько целей, достижение которых будет в значительной

степени зависеть от действий государств-членов, так как в большинстве областей Союз лишь поддерживает, координирует и дополняет политики стран или несёт общую ответственность. Синергетический эффект даёт совместная деятельность Комиссии, Европейского парламента, Совета Евросоюза, гражданского и бизнес сообществ (а также индивидуальных усилий граждан), согласованная с внешними партнёрами ЕС на двусторонней основе и на глобальном уровне[6, с.45].

Оценить конкретные результаты шагов, предпринятых Европейским союзом помогут статистические данные. Согласно последнему докладу Евростата по мониторингу выполнения обязательств по ЦУР№13, ЕС сократил свои выбросы парниковых газов на 20,6% по сравнению с уровнем 1990 года, и стремится сократить выбросы парниковых газов на 20% к 2020 году и на 40% к 2030 году по сравнению с 1990 годом. А также ЕС стремится сократить выбросы парниковых газов до чистого нуля-где поглотители выбросов парниковых газов уравновешивают источники выбросов — к 2050 году.

Транспорт является ключевым сектором с точки зрения обязательств ЕС по Парижскому соглашению и ЦУР ООН в достижении климатически нейтральной Европы к 2050 году. Инициатива "энергетические инновации" направлена на содействие переходу к чистой энергетике посредством целенаправленных исследований и инноваций. Директива о качестве топлива 2009 года устанавливает стандарты качества автомобильного транспорта с акцентом на сокращение выбросов парниковых газов и улучшение качества воздуха. Стандарты ЕС по выбросам CO₂ для легковых автомобилей и фургонов до 2020/21 года способствовали сокращению выбросов новыми транспортными средствами с 2007 года. Международное сообщество, включая

ЕС, взяло на себя обязательство остановить рост средней глобальной температуры до уровня значительно ниже 2 °C по сравнению с доиндустриальными уровнями, стремится далее ограничить этот рост до 1,5 °C. Эти задачи закреплены в Парижском соглашении. С 2013 года стратегия ЕС по адаптации к изменению климата поддерживает национальные, региональные и местные адаптационные меры в пределах границ ЕС. Хороший прогресс был достигнут к 2019 году: 26 государств, членов ЕС имеют свою стратегию адаптации (по сравнению с 16 в 2013 году). ЕС также находится на переднем крае международных усилий, в частности в связи с принятием Парижского соглашения по климату. Вклад ЕС в климатическое финансирование развивающихся стран растёт с 2014 г. Все большее число местных органов власти принимают меры по защите климата и адаптации. ЕС также поддерживает Соглашение мэров по климату и энергетике, которое было создано в 2008 г. и является одной из флагманских климатических инициатив ЕС. Соглашение мэров мобилизует местные органы власти и регионы на принятие добровольных, амбициозных климатических обязательств, которые помогают достичь целевых показателей сокращения выбросов в ЕС и за его пределами, а также повысить климатическую устойчивость европейских экономик и обществ[7].

Итак, ЕС стремится выполнить намеченные ООН цели к сроку - то есть к 2030 году. Безусловно, в этой гонке за устойчивым будущим всего человечества нельзя забывать о том, что уровень развития и прогресса среди стран-членов ЕС неодинаков. Ближе всего к выполнению задач устойчивого развития подошли на сегодня Дания, Швеция, Финляндия, Франция, Австрия, Германия, Нидерланды, Чехия, Словения, Эстония. Труднее всех в Европе этот путь преодолевают Греция, Болгария, Румыния и Кипр [8].

Список использованных источников:

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. - URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 15.12.2020).
2. ЦЕЛИ в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. - URL: - <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/climate-change>(дата обращения: 15.12.2020).
3. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности. [Электронный ресурс].-URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_ru.pdf (дата обращения: 16.12.2020).
4. Sustainable Development: EU sets out its priorities.[Электронный ресурс].- URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_16_3883 (дата обращения: 16.12.2020).
5. Sustainable development in the European Union Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context 2020 edition.[Электронный ресурс].- URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11011074/KS-02-20-202-EN-N.pdf/334a8cfe-636a-bb8a-294a-73a052882f7f?t=1592994779000> (дата обращения: 16.12.2020).
6. Говорова Н.В. Европейский Союз и Цели устойчивого развития ООН// ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ ВЫПУСК 95: ДЕКАБРЬ 2018 г. – ФЕВРАЛЬ 2019 г. Под редакцией: Борко Ю.А. (отв.ред.) Буториной О.В. Журкина В.В. Потемкиной О.Ю.[Электронный ресурс].- URL: http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/95.pdf (дата обращения: 16.12.2020).
7. Sustainable development in the European Union Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context 2020 edition.[Электронный ресурс].- URL:<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11011074/KS-02-20-202-EN-N.pdf/334a8cfe-636a-bb8a-294a-73a052882f7f?t=1592994779000> (дата обращения: 16.12.2020).
8. Отчет об устойчивом развитии в Европе за 2019 год. [Электронный ресурс].- URL: <https://www.sdgindex.org/reports/2019-europe-sustainable-development-report> (дата обращения: 16.12.2020).

ОЦЕНКА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рыбаключева О.З.,

*доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
O.Malikova@rambler.ru*

В сентябре 2015 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций принята Резолюция «Преобразование нашего мира: повестка в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее – Повестка 2030), приверженность которой выразила и Республика Беларусь, ставшая одной из 193 стран принявших на себя обязательства обеспечивать устойчивый, всеохватный и поступательный экономический рост, социальную интеграцию и охрану окружающей среды, а также способствовать обеспечению мира и безопасности на планете.

В рамках данного документа, ставшего одним из ключевых актов ООН, приняты 17 Целей устойчивого развития, которые должны быть достигнуты до 2030 года. Применительно к каждой цели сформулированы конкретные задачи (всего их 169 для всех 17 Целей устойчивого развития) и индикаторы (232 показателя), на которые должны ориентироваться государства при реализации Повестки 2030. При этом необходимо отметить, что каждое государство разрабатывает собственную программу имплементации Целей устойчивого развития, адаптируя Повестку 2030 с учетом национальных особенностей и интересов, формируя перечень задач и индикаторов, и обеспечивает ее реализацию до 31 декабря 2030 года.

В целях реализации Повестки 2030 в Республике Беларусь Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 181 учрежден институт Национального координатора по достижению Целей устойчивого развития и создана стройная система управления процессом достижения Целей устойчивого развития, включающая Совет по устойчивому развитию (в состав Совета входят межведомственные группы по экономике, экологии, социальным вопросам, а также межведомственная группа по мониторингу и оценке достижения Целей устойчивого развития), парламентскую, партнерскую и региональные группы устойчивого развития, группу по координации работы средств массовой информации по продвижению Целей устойчивого развития, Общественный совет по формированию и мониторингу стратегий устойчивого развития, а также молодежных послов Целей устойчивого развития.

Для практической реализации Повестки-2030 на национальном уровне в Республике Беларусь приняты ряд мер, основой которых стало утверждение Правительством в 2015 году Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития, определившей основные ориентиры, которые

предполагается достичь к 2030 году. Несомненно, включение и учет Целей устойчивого развития в национальных, отраслевых и региональных стратегиях, программах и планах развития, является обязательным условием осуществления принятых на себя обязательств по реализации Повестки 2030.

В Национальном докладе Республики Беларусь 2017 года об осуществлении повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года декларировалось, что «ключевые государственные программы и стратегии, а также иные программные документы будут реализовываться с учетом Целей устойчивого развития» [1, с. 9]. Важно отметить, что и в научной среде также большое внимание уделяют появлению в мировом сообществе Повестки 2030 и Целей устойчивого развития, в том числе в контексте белорусского государства [2, 3 и др.].

Органы внутренних дел Республики Беларусь (далее – органы внутренних дел) входят в систему обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь и призваны осуществлять борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивать общественную безопасность Республики Беларусь. Эффективность выполняемых органами внутренних дел задач во многом зависит от профессионализма и компетентности сотрудников органов внутренних дел.

Цель устойчивого развития 16 «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» предусматривает решение 10 задач, в том числе сокращение всех форм насилия и уменьшение показателя смертности от этого явления во всем мире; исключение надругательств, эксплуатации, торговли и всех форм насилия и пыток в отношении детей; значительное сокращение масштабов коррупции и взяточничества во всех их формах; укрепление соответствующих национальных учреждений, в том числе благодаря международному сотрудничеству, в целях наращивания на всех уровнях потенциала в деле предотвращения насилия и борьбы с терроризмом и преступностью и др.

Данная цель заслуживает повышенного внимания со стороны научного сообщества, ученых в области юриспруденции, и, конечно, должна учитываться при разработке соответствующих государственных отраслевых программ, в первую очередь, в области национальной безопасности и правоохранительной сфере.

Вместе с тем, среди основополагающих документов, регулирующих деятельность органов внутренних дел, в 2016-2020 году отсутствовала государственная программа, ответственным заказчиком которой выступало бы Министерство внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД [4]).

Цель устойчивого развития 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» в целом имплементирована в содержание и целевые показатели Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2016-2020 годы, ответственным заказчиком которой

является Министерство образования Республики Беларусь. Вместе с тем, имея в указанный период в своей структуре пять учреждений образования (учреждение общего среднего образования, два учреждения высшего образования и два учреждения дополнительного образования взрослых), МВД не являлось ее и, соответственно, не принимала участие в реализации Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2016-2020 годы.

Следует отметить, что МВД разработана и утверждена Министром внутренних дел Республики Беларусь Программа кадрового обеспечения органов внутренних дел Республики Беларусь на 2016-2020 гг. [5], которая является отраслевым механизмом реализации государственной кадровой политики Республики Беларусь в органах внутренних дел и определяет основные цель, задачи и направления деятельности МВД по совершенствованию работы с кадрами, в том числе в части развития современной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для органов внутренних дел, а также обеспечения непрерывного повышения уровня профессионализма личного состава. Однако данная программа не учитывает в своем содержании четвертую Цель устойчивого развития «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех», а также задачи и индикаторы данной цели.

Учитывая, что в настоящее время осуществляется формирование стратегических документов и планов на следующий программный период во всех сферах общественной и государственной жизни, включая и деятельность органов внутренних дел, данные документы должны быть гармонизированы с Целями устойчивого развития и Повесткой 2030.

В перечне государственных программ на 2021-2025 годы, утвержденном постановлением Совета Министров от 24 декабря 2020 г. №759, предусмотрена разработка государственной программы национальной безопасности «Обеспечение правопорядка» на 2021-2025 годы, ответственным заказчиком и ответственным за разработку которой является МВД [6]. Данная государственная программа включает в себя только две подпрограммы «Инфраструктура Министерства внутренних дел» и «Миграция». Такой подход к формированию структуры государственной отраслевой программы вряд ли можно признать обоснованным, поскольку предлагаемая структура не учитывает весь спектр задач, предусмотренных реализацией шестнадцатой Цели устойчивого развития. Кроме того, не являясь заказчиком государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2021-2025 годы, МВД не включает в структуру государственной программы «Обеспечение правопорядка» подпрограмму, основной целью которой является дальнейшее развитие и совершенствование профессионального образования в системе МВД.

В условиях осуществляемой в настоящее время в Республике Беларусь оптимизации органов внутренних дел, совершенствования законодательства в правоохранительной сфере, а также с учетом принятых на себя обязательств по

реализации Повестки 2030, учет Целей устойчивого развития при разработке государственной отраслевой программы является необходимым.

На наш взгляд, при разработке государственной программы национальной безопасности «Обеспечение правопорядка» на 2021-2025 годы необходимо учесть как минимум две Цели устойчивого развития, их задачи и индикаторы (цель 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» и цель 16. «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях»), что позволит обеспечить системный подход к организации деятельности органов внутренних дел, в том числе с учетом Повестки в области устойчивого развития на период до 2030 года и принятых Республикой Беларусь обязательств по ее реализации, а также единую, последовательную и комплексную деятельность по формированию, развитию и эффективному использованию кадрового потенциала органов внутренних дел, а также разработку действенных и эффективных механизмов реализации государственной кадровой политики в органах внутренних дел.

Список использованных источников:

1. Национальный доклад Республики Беларусь об осуществлении повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16357Belarus.pdf>. Дата доступа 04.01.2021.

2. Щеткина, М. А., Лапина, С. В. Стратегия достижения целей устойчивого развития Республики Беларусь: социологический подход / М.А.Щеткина, С.В. Лапина // Проблемы управления. – № 2(72). – 2019. – С.8-14.

3. Драгун, Н.П., Ивановская, И.В. Стратегия устойчивого развития Гомельской области / Н.П. Драгун, И.В. Ивановская // Стратегия и тактика развития производственнохозяйственных систем : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. П.О. Сухого, Гомель, 26–27 нояб. 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т П.О. Сухого; под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2015.

4. Об утверждении перечня государственных программ на 2016–2020 годы и показателей по заказчикам на 2016 год [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2016 г. № 148 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Программа кадрового обеспечения органов внутренних дел Республики Беларусь на 2016-2020 гг. : утв. Министром внутр. дел Респ. Беларусь 2 февраля 2016 г. – Мн. – 18 с.

6. Об утверждении перечня государственных программ [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря

ТЕРМИН «ПОЖАР»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Самусенко Л.А.,

*доцент кафедры экологического и аграрного права
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
samusenko@bk.ru*

Пожар является наиболее распространенным видом чрезвычайных ситуаций техногенного характера, влекущим негативные последствия. Несмотря на то, что за нарушение законодательства о пожарной безопасности, одним из основополагающих понятий в котором является термин «пожар», устанавливается административная, уголовная и иная ответственность, в нормативных правовых актах отсутствует единое определение данного термина.

Более того, его многочисленные дефиниции закреплены в нормативных правовых актах разного уровня, относящихся к различным отраслям законодательства: в области национальной безопасности; в области регулирования и управления экономикой; в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности. Среди них – постановления Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Министерства энергетики Республики Беларусь, Национального статистического комитета Республики Беларусь; приказ Министерства обороны Республики Беларусь, а также технические нормативные правовые акты: ГОСТ, СТБ, технический регламент и т. д. [1-6]. При этом определение указанного термина на уровне специального Закона Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. «О пожарной безопасности» отсутствует [7]. Отметим, что в законодательстве стран СНГ термин «пожар» получил закрепление в законах (кодексах) о пожарной безопасности либо о гражданской защите [8-14].

Проанализируем имеющиеся законодательные определения рассматриваемого термина.

Во-первых, пожар – это неконтролируемое горение с уточнением в некоторых определениях места горения: вне специального очага, либо с указанием на объективные закономерности горения как процесса: развивающееся во времени и пространстве.

Во-вторых, пожар связан с негативными последствиями: материальным ущербом (ущербом либо вредом имуществу); вредом жизни и здоровью человека; вредом окружающей среде, объем которых в разной степени указывается в определениях.

С нашей точки зрения, определение пожара через словосочетание «неконтролируемое горение» не совсем точно, поскольку не ясно, что именно подвергается горению. В этом плане интересен пример украинского законодательства. Так, в соответствии с Кодексом гражданской защиты Украины от 2 октября 2012 г. пожар рассматривается как неконтролируемый процесс уничтожения или повреждения огнем имущества, во время которого возникают факторы, опасные для существ и окружающей природной среды [14, ст. 2].

В тоже время, вывод о том, что пожар представляет собой горение именно имущества можно сделать и на основании постановления Национального статистического комитета Республики Беларусь от 27 июня 2017 г. № 49 «Об утверждении формы государственной статистической отчетности 1-ос (пожары) «Отчет о пожарах (кроме лесных) и последствиях от них» и указаний по ее заполнению», в котором закреплено, что в отчете не отражаются данные о взрывах и вспышках веществ, случаях либо попытках самосожжения людей; случаях горения (тления) в результате аварийного режима работы электросетей и электрооборудования, пищи при ее приготовлении, сажи в дымоходах, находящихся на людях предметов одежды без дальнейшего распространения горения на строительные конструкции зданий, сооружений и другое имущество [2].

Следует отметить важность такого признака пожара, как его негативные последствия, так как если ущерб не нанесен, то неконтролируемое горение расценивается как загорание [15].

Представляется необходимым закрепить единое юридическое понимание пожара как неконтролируемого горения имущества, причиняющего вред жизни и здоровью человека, имуществу, окружающей среде, в специальном Законе Республики Беларусь «О пожарной безопасности». Другие определения данного термина, содержащиеся в иных нормативных правовых актах, следует признать дублирующими нормами и исключить.

Список использованных источников:

1. Инструкция по тушению пожаров в электроустановках организаций Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва по чрезвычайн. ситуациям Респ. Беларусь и М-ва энергетики Респ. Беларусь, 28 мая 2004 г., № 20/15 : в ред. постановления М-ва по чрезвычайн. ситуациям Респ. Беларусь и М-ва энергетики Респ. Беларусь от 03.12.2007 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Об утверждении формы государственной статистической отчетности 1-ос (пожары) «Отчет о пожарах (кроме лесных) и последствиях от них» [Электронный ресурс] : постановление Нац. статистич. комитета Респ. Беларусь, 27 июня 2017 г., № 49 : в ред. постановления Нац. статистич. комитета Респ. Беларусь от 24.04.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

3. О системе обеспечения пожарной безопасности в Вооруженных Силах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ М-ва обороны Респ. Беларусь, 14 мая 2007 г., № 22 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Система стандартов безопасности труда. Установки пожаротушения автоматические. Общие технические требования : ГОСТ 12.3.046-91. – Введ. 01.01.1993. – Минск : Б. м., 1991. – 15 с.

5. Система стандартов пожарной безопасности. Пожарная безопасность. Общие термины и определения : СТБ 11.0.02–95. – Введ. 01.10.1995. – Минск : Госстандарт, 2011. – 19 с.

6. Об утверждении технического регламента Республики Беларусь «Здания и сооружения, строительные материалы и изделия. Безопасность» (ТР 2009/013/ВУ) [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2009 г., № 1748 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 03.09.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

7. О пожарной безопасности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июня 1993 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

8. О пожарной безопасности : Закон Респ. Армения, 15 мая 2001 г., № ЗР-176 : в ред. закона Респ. Армения от 17.07.2020 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10664. – Дата доступа : 10.12.2020.

9. О пожарной безопасности : Федер. закон, 21 дек. 1994 г., № 69-ФЗ : в ред. Федер. закона от 22.12.2020 г. // Консультант Плюс : Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

10. О пожарной безопасности : Закон Азербайджан. Респ., 10 июня 1997 г., № 313 IQ : в ред. Закона Азербайджан. Респ. от 18.05.2018 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2761. – Дата доступа : 10.12.2020.

11. О пожарной безопасности : Закон Респ. Узбекистан, 30 сент. 2009 г., № ЗРУ-226 : в ред. Закона Респ. Узбекистан от 03.12.2020 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29216. – Дата доступа : 10.12.2020.

12. Об обеспечении пожарной безопасности : Закон Кыргыз. Респ., 7 июня 2016 г., № 78 : в ред. Закона Кыргыз. Респ. от 26.06.2020 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=86145. – Дата доступа : 10.12.2020.

13. О гражданской защите : Закон Респ. Казахстан, 11 апр. 2014 г., № 188-V ЗРК : в ред. Закона Респ. Казахстан от 07.07.2020 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим

доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=66885. – Дата доступа : 10.12.2020.

14. Кодекс гражданской защиты Украины : Закон Украины, 2 окт. 2012 г., № 5403-VI : в ред. Закона Украины от 17.06.2020 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа : http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=56032. – Дата доступа : 10.12.2020.

15. Система стандартов безопасности труда. Пожарная безопасность. Термины и определения : ГОСТ 12.1.033–81. – Введ. 01.07.1982. – Минск : Госстандарт, 2019. – 7 с.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПОДЧИНЕННЫХ ЕМУ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В СФЕРЕ УТВЕРЖДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ

Синицына А.М.,

*преподаватель кафедры конституционного права
Белорусского государственного университета,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
sinitsyna_anna_by@mail.ru*

Традиционно взаимодействие Совета Министров Республики Беларусь (далее, если не указано иное – Правительство, Совет Министров) и Конституционного Суда Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) рассматривается на примере части четвертой статьи 116 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), согласно которой Правительство является субъектом, уполномоченным вносить в Конституционный Суд предложения о проверке конституционности нормативных правовых актов. Однако данное правомочие не реализуется им с 2006 г., что вызывает интерес к исследованию иных форм участия исполнительной власти в лице Правительства и подчиненных ему республиканских органов государственного управления в процессе конституционализации законодательства и практики его применения.

Являясь центральным органом государственного управления, руководящим развитой системой подчиненных органов государственного управления и органов исполнительной власти, Совет Министров призван содействовать претворению норм Конституции в подзаконных нормативных правовых актах, принимаемых данными органами, обеспечению их соответствия нормативным правовым актам, обладающим большей юридической силой.

В названных целях согласно абзацу восьмому статьи 25 Закона Республики Беларусь от 23.07.2008 № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь» Совет Министров уполномочен отменять правовые акты

подчиненных ему республиканских органов государственного управления, если они противоречат Конституции, законам Республики Беларусь, актам Президента, постановлениям Совета Министров, распоряжениям Премьер-министра, за исключением решений, которые могут быть отменены только Президентом. Данные положения свидетельствуют о предоставлении Совету Министров определенных функций в сфере конституционного контроля при сохранении ведущей роли Конституционного Суда в его осуществлении [1, ст. 25].

Республиканские органы государственного управления уполномочены оказывать Правительству содействие в области конституционализации законодательства. Вместе с тем, новой редакцией Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей и Закона Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-З «О конституционном судопроизводстве» в рамках института инициативного обращения права обратиться с вопросом о внесении предложений о проверке конституционности нормативного правового акта к уполномоченным субъектам лишены государственные органы, не включенные в перечень инициаторов конституционного судопроизводства.

Подобное нововведение, безусловно, оценивается автором негативно, поскольку направлено на ограничение доступности конституционного правосудия и не корреспондирует мировой практике расширения круга субъектов, обладающих правом инициировать конституционное производство.

Однако в то же время республиканские органы государственного управления вправе вносить в Совет Министров предложения об отмене действия нормативных правовых актов министерств и иных республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству, в случае их несоответствия законодательству (в т.ч. Конституции. – А.М.). Безусловно, данное правомочие не является альтернативой институту инициативного обращения, поскольку позволяет инициировать отмену лишь некоторых подзаконных нормативных правовых актов, вместе с тем, оно должно активно использоваться республиканскими органами государственного управления в целях конституционализации законодательства.

Следует отметить, что несоответствие нормативного правового акта законодательству в широком смысле не ограничивается вступлением в коллизию с нормами акта, обладающего большей юридической силой, зачастую оно выражается в виде пробелов, правовой неопределенности. Работа по их выявлению и устранению должна стать неотъемлемой частью деятельности министерств, государственных комитетов и иных республиканских органов государственного управления во взаимодействии с Советом Министров и Конституционным Судом.

Согласно части первой статьи 158 Закона Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-З «О конституционном судопроизводстве» основанием для возбуждения производства по делу об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключения в них коллизий и правовой неопределенности могут являться поступившие в Конституционный Суд обращения

государственных органов, содержащие сведения о наличии в нормативных правовых актах пробелов, коллизий и правовой неопределенности [2].

Однако, как свидетельствует практика, государственные органы занимают недостаточно активную позицию в вопросе инициирования данного вида конституционного производства. Между тем, ежегодно с информацией о наличии в законодательном регулировании пробелов, коллизий и правовой неопределенности обращается более 600 граждан и юридических лиц. Данный факт свидетельствует о том, что некоторые проблемы в правовом регулировании отдельных общественных отношений все же имеются и они своевременно не разрешаются на уровне министерств и ведомств.

Секретариатом Конституционного Суда прделывается колоссальная работа по исследованию приемлемости обращений и наличии оснований для возбуждения производства. И только единицы обращений становятся предметом рассмотрения Конституционного Суда в рамках производства по делу об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности.

Мерой, способной минимизировать количество подобных обращений, направляемых в Конституционный Суд, на наш взгляд, может являться расширение практики проведения республиканскими органами государственного управления правового мониторинга, организуемого в соответствии с Инструкцией о порядке проведения правового мониторинга, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30.01.2019 № 65 (далее – Инструкция № 65), по инициативе граждан и юридических лиц и выработки по его результатам предложений по устранению недостатков в правовом регулировании. Таким образом, мониторинг должен носить упреждающий характер.

Вместе с тем, возбуждение дела об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности возможно и по собственной инициативе Конституционного Суда. Подготовка к рассмотрению данной категории дел требует глубокого и тщательного изучения правоприменительной практики.

В указанных целях о возбуждении Конституционным Судом по собственной инициативе данной категории дел должен информироваться республиканский орган государственного управления, курирующий соответствующие вопросы и уполномоченный принять решение о проведении правового мониторинга. При этом правовой мониторинг целесообразно осуществлять не только в отношении практики применения нормативного правового акта, ставшего предметом рассмотрения Конституционным Судом, но и всех нормативных правовых актов, имеющих аналогичный предмет правового регулирования. Справка о результатах проведения правового мониторинга должна передаваться в Конституционный Суд и приобщаться к делу об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности. Тем самым потенциал правового мониторинга может быть использован для обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования дела Конституционным Судом и стать новым

направлением взаимодействия Конституционного Суда и органов исполнительной ветви власти в сфере конституционализации нормотворчества и правоприменения.

Особое значение для утверждения конституционной законности в государстве играет принятие всех нормотворческих и правоприменительных решений не только в полном соответствии с конституционными нормами и принципами, но и актами Конституционного Суда и изложенными в них правовыми позициями.

В этой связи возможности правового мониторинга также могут быть использованы в целях исследования реализации в нормотворческой и правоприменительной деятельности посланий о состоянии конституционной законности, заключений, решений Конституционного Суда и изложенных в них правовых позиций. Об этом свидетельствуют положения пункта 12 Инструкции № 65, согласно которым при проведении правового мониторинга может осуществляться анализ ежегодных посланий Конституционного Суда Президенту и палатам Парламента о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь, выводов и предложений, включая правовые позиции, содержащихся в заключениях, решениях Конституционного Суда [3].

Таким образом, результатом правового мониторинга может являться обобщение, анализ и оценка информации о принятии (издании), изменении или признании утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов в целях исполнения заключений, решений Конституционного Суда.

Полагаем, функции осуществления мониторинга реализации актов Конституционного Суда целесообразно возложить на Министерство юстиции как орган, обеспечивающий скоординированность нормотворческой деятельности в Правительстве (в системе республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству).

В связи с вышеизложенным предлагаем дополнить пункт 5 Положения о Министерстве юстиции Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров от 31.10.2001 № 1605, подпунктом 5.17 следующего содержания: «5.17. осуществление мониторинга исполнения заключений, решений Конституционного Суда Республики Беларусь министерствами и иными республиканскими органами государственного управления.».

Как правило, Конституционный Суд в решениях об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности определяет Совет Министров в качестве субъекта, ответственного за их исполнение, однако затем по поручению Правительства данные функции передаются одному или нескольким республиканским органам государственного управления путем утверждения Плана подготовки (участия в подготовке) законопроектов республиканскими органами государственного управления.

Так, в решении Конституционного Суда от 03.10.2019 № Р-1190/2019 была отмечена необходимость внесения в Закон «О нормативных правовых актах» изменений, касающихся закрепления юридической силы и характера письменных разъяснений применения нормативных правовых актов [4]. Однако

разработка соответствующего проекта закона не была предусмотрена Планом подготовки (участия в подготовке) законопроектов республиканскими органами государственного управления в 2020 году, утвержденным постановлением Совета Министров от 29.01.2020 № 54.

Указанные обстоятельства обуславливают долгосрочность процесса исполнения решений Конституционного Суда об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности и дают основания полагать, что уполномоченные государственные органы, должностные лица в части реализации актов органа конституционного правосудия имеют весьма пассивную позицию.

В этой связи важно регламентировать порядок работы Совета Министров и подчиненных ему органов государственного управления по реализации актов Конституционного Суда об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности, в частности:

- предусмотреть нормативный срок, в течение которого Совет Министров обязан включить разработку законопроекта, направленного на реализацию акта Конституционного Суда, в план подготовки (участия в подготовке) законопроектов республиканскими органами государственного управления на текущий или следующий год (если решение принято Конституционным Судом в четвертом квартале);

- определить срок подготовки нормативного правового акта, направленного на исполнение акта Конституционного Суда, с момента его включения в план подготовки (участия в подготовке) законопроектов;

- установить срок, в течение которого республиканские органы государственного управления, должностные лица обязаны устранить в принятом (изданном) ими нормативном правовом акте пробел, исключить коллизию и правовую неопределенность путем внесения изменений и (или) дополнений в этот нормативный правовой акт, либо принятия (издания) нового нормативного правового акта с тем же предметом правового регулирования [5, с. 206].

Таким образом, результатом эффективно построенного взаимодействия Конституционного Суда, Совета Министров и подчиненных ему республиканских органов государственного, будет являться повышение уровня конституционной законности, приобретение правовой системой устойчивого характера и в конечном итоге – формирование правового государства.

Список использованных источников:

1. О Совете Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 424-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О конституционном судопроизводстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2014 г., № 124-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от

22.12.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. О порядке проведения правового мониторинга [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 янв. 2019 г., № 65 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О правовом регулировании письменных разъяснений применения нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 3 окт. 2019 г., № Р-1190/2019 // Конституционный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.kc.gov.by/document-54803>. – Дата доступа: 16.12.2020.

5. Синицына, А. М. Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в обеспечении конституционализации нормотворчества и правоприменения / А. М. Синицына // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2018. – № 6. – С. 202–206.

ВПРАВЕ ЛИ СУД НАЗНАЧАТЬ ЭКСПЕРТИЗУ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ПО СВОЕЙ ИНИЦИАТИВЕ?

Скобелев В.П.,

*заместитель декана по заочному обучению
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
s_v_p@tut.by*

Согласно ч.2 ст. 178 ГПК заключение эксперта является одним из используемых в гражданском судопроизводстве средств доказывания. В связи с развитием различных специфических отраслей знаний, увеличением количества и разнообразия сфер человеческой деятельности, интенсификацией научно-технического прогресса значение экспертного заключения как средства установления истины по гражданским делам постоянно растет. Вместе с тем несмотря на ту большую роль, которую данное доказательство играет в гражданском процессе, ряд касающихся судебной экспертизы вопросов имеет в научной доктрине дискуссионный характер, а на практике вызывает существенные правоприменительные проблемы. Один из таких вопросов заключается в том, может ли экспертиза быть назначена по инициативе суда, т.е. в отсутствие ходатайств юридически заинтересованных в исходе дела лиц о проведении экспертизы.

Сомнения относительно возможности ответить на поставленный вопрос утвердительным образом обусловлены тем, что в ГПК нет норм, которые бы прямо закрепляли полномочие суда назначить экспертизу по собственной инициативе. Для сравнения, ч.2 ст. 92 ХПК гласит: «Для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе суд,

рассматривающий экономические дела, назначает экспертизу», что фактически делает обозначенную проблему неактуальной для хозяйственного судопроизводства.

Изменения, внесенные в ГПК заключительными положениями Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. №281-З «О судебной экспертизе» (далее – Закон №281-З), равно как и основное содержание Закона №281-З (и изменения в ГПК, и основной блок норм Закона №281-З, за исключением его ст. 55, 56, вступили в силу с 1 января 2021 г.), не добавили ясности в данном вопросе. В частности, абз.4 ст.1 Закона №281-З предусматривает, что «судебная экспертиза – экспертиза, назначенная и проведенная в порядке, установленном процессуальным законодательством». Это значит, что порядок назначения судебной экспертизы по гражданским делам определяется ГПК, и Закон №281-З данного порядка практически не затрагивает. Например, в ст. 31 Закона №281-З сказано лишь, что основанием проведения судебной экспертизы является постановление (определение) о назначении судебной экспертизы, но по чьей инициативе оно может быть вынесено – это уже предмет регулирования процессуального закона.

В отечественной литературе в основном поддерживается мнение о том, что в гражданском процессе экспертиза может быть назначена не только по требованию юридически заинтересованных в исходе дела лиц, но и по инициативе самого суда [1, с. 359; 2, с. 359; 3, с. 138; 4, с. 167]. Однако в не менее авторитетных источниках в качестве общего правила высказано суждение и о том, что «назначение экспертизы производится судьей по ходатайству сторон или других заинтересованных в исходе дела лиц» [5, с. 307]. Подобное мнение в последнее время некоторые процессуалисты высказывают также на различных научных мероприятиях. Более того, такая точка зрения нашла отражение в известном отечественном учебнике по гражданскому процессу: «Экспертиза может быть назначена по требованию юридически заинтересованных в исходе дела лиц или по инициативе суда в случаях, вытекающих из законодательства» [6, с. 230], т.е. назначить экспертизу по собственной инициативе суд, как правило, не может, это допустимо только в прямо предусмотренных законодательством случаях.

Еще больше сомнений касательно права суда инициировать проведение экспертизы присутствует у представителей правоприменительной сферы. Например обобщение судебной практики по искам об установлении и об оспаривании отцовства показало, что судебные генетические экспертизы проводились примерно только в половине рассмотренных судами дел [7, с. 55-56, 62], хотя, по нашему убеждению, правильно разрешить подобные споры без проведения экспертизы почти нереально [8, с. 20-25; 9, с. 89]. И, насколько можно понять из обобщения практики, причины данного явления в том, что суды назначают экспертизы преимущественно только в тех случаях, когда об этом ходатайствуют заинтересованные лица, поскольку проведение экспертизы в отсутствие такого ходатайства расценивается вышестоящими судами едва ли не как существенная процессуальная ошибка.

Однако, по нашему мнению, существуют весомые доводы в пользу того, чтобы признавать за судом правомочие назначать экспертизу в гражданском процессе по своей инициативе. Ученые и практики, которые считают, что назначение экспертизы возможно только на основании ходатайств юридически заинтересованных в исходе дела лиц, опираются на современную законодательную интерпретацию принципа состязательности гражданского процессуального права. В силу данного принципа доказательства собираются и представляются суду сторонами и другими юридически заинтересованными в исходе дела лицами (см. ст. 20, 232, п.1 ч.1, п.2 ч.2 ст. 260-1 ГПК). При недостаточности представленных юридически заинтересованными в исходе дела лицами доказательств суд предлагает им представить дополнительные доказательства (ч.3 ст. 179, п.7, 17 ст. 262 ГПК). Если для названных лиц представление доказательств (в том числе по предложению суда – дополнительных доказательств) невозможно, суд на основании их ходатайств истребует такие доказательства (ст. 20, п.3 ч.1, п.4 ч.2 ст. 260-1, п.10 ст. 262 ГПК). Однако самостоятельно истребовать, т.е. собирать, доказательства суд вправе только в прямо предусмотренных процессуальным кодексом случаях (п.11 ст. 262 ГПК). Причем непредставление заинтересованными лицами дополнительных доказательств не препятствует рассмотрению дела судом только по тем доказательствам, что имеются в деле (п.7 ст. 262 ГПК). Отсюда названные процессуалисты делают вывод, что экспертиза может быть назначена судом, только если об этом ходатайствуют юридически заинтересованные в исходе дела лица, если же такого ходатайства не поступило, то дело должно быть разрешено на основе имеющихся доказательств, кроме случаев, когда закон прямо обязывает суд (независимо от заявления заинтересованными лицами ходатайств) назначать экспертизу по той или иной категории дел.

Подобное мнение представляется нам ошибочным. Приведенные нормы ГПК имеют отношение только к тем доказательствам, которые на момент рассмотрения дела судом уже имеются в наличии (сформировались), поскольку лишь в отношении этих доказательств возможно осуществить такие действия, как собирание, представление или истребование. Особенно четко этот момент виден из содержания норм ГПК, регулирующих порядок истребования судом доказательств на основании ходатайств заинтересованных лиц. Так, в ходатайстве заинтересованного лица должно быть обозначено доказательство и место его нахождения (ч.4 ст. 179 ГПК), а субъект, у которого искомое доказательство находится, должен или направить его в суд, или выдать на руки лицу, предъявившему запрос суда на получение доказательства (ч.5 ст. 179 ГПК).

Очевидно, что приведенные требования закона реально выполнить только в отношении доказательств, которые уже существуют на момент совершения действий по истребованию. Прежде всего это письменные и вещественные доказательства (кроме того, сюда можно отнести также записи на различных носителях информации (ст. 229 ГПК) и протоколы процессуальных действий, составленных по другому гражданскому делу (ст. 231 ГПК)). Не случайно п.11

ст. 262 ГПК говорит об истребовании судом именно письменных и вещественных доказательств (тот факт, что данная норма подразумевает истребование доказательств по собственной инициативе суда, а не по ходатайству заинтересованных лиц, принципиального значения здесь не имеет). Точно так и заинтересованные лица могут заниматься собиранием и представлением только доказательств названных видов, но никак не заключения эксперта, поскольку, во-первых, заключение эксперта как доказательство изначально не существует (впервые оно появляется в ходе производства по гражданскому делу), во-вторых, для формирования заключения эксперта усилий одних только заинтересованных лиц недостаточно.

Коль скоро доказательства имеются в наличии к моменту возбуждения гражданского дела в суде, т.е. формирование (образование) доказательств от суда никак не зависит, то всю ответственность за получение подобных доказательств судом процессуальный закон в силу современной интерпретации принципа состязательности вполне логично возлагает почти целиком на юридически заинтересованных участников судопроизводства. Они должны самостоятельно собирать эти доказательства и представлять их суду, а роль суда в получении таких доказательств в основном сводится лишь к тому, что он может предложить заинтересованным лицам представить дополнительные доказательства их требований (возражений), а также по ходатайству заинтересованных лиц осуществить истребование необходимых доказательств.

Но подобный процессуальный режим (его условно можно назвать режимом «собирания, представления и истребования доказательств») не может и не должен действовать в отношении тех доказательств, в формировании которых рассматривающий дело суд принимает самое непосредственное участие (т.е. доказательств, которые без участия суда появиться не могут). Например, таким доказательством являются показания свидетелей. Влияние суда на формирование (в том числе на степень доброкачественности) свидетельских показаний сводится к следующему: суд решает вопрос о необходимости вызова свидетеля, до начала допроса удаляет его из зала судебного заседания, удостоверяется в личности свидетеля, предупреждает его об уголовной ответственности, обеспечивает проведение допроса в определенном порядке и т.д. Не менее значительно участие суда и в формировании заключения эксперта: суд определяет потребность в проведении экспертизы, выбирает экспертное учреждение, формулирует вопросы эксперту (экспертам), представляет предметы для экспертного исследования, решает вопрос о необходимости вызова эксперта в судебное заседание и пр.

Порядок вовлечения в орбиту судебного разбирательства доказательств, чье формирование в той или иной степени зависит от рассматривающего дело суда, должен быть иным, нежели порядок получения доказательств, подчиняющихся режиму «собирания, представления и истребования»: ответственность за наличие (отсутствие) в деле таких доказательств не может быть возложена целиком на заинтересованных лиц (зависеть их проявления

ими инициативы), эту ответственность должен разделять также и орган правосудия.

Собственно, различие между обоими типами доказательств – доказательствами, требующими «собрания, представления и истребования», и доказательствами, формируемыми с участием суда, – проявляется даже на уровне применяемой законодателем нормотворческой техники. Так, собранию и представлению доказательств (в контексте определения субъектов данных видов деятельности) посвящена ст. 232 ГПК. Вопросы же формирования доказательственной информации при посредстве суда (обеспечение доказательств, выполнение судебных поручений и пр.) урегулированы в иных структурных элементах Кодекса – ст. 233-238 ГПК.

Дифференциация присутствует даже в рамках одной и той же статьи. Например, в ст. 262 ГПК доказательствам каждого типа отведены совершенно разные пункты. Так, о доказательствах с режимом «собрания, представления и истребования» говорится в одних пунктах: в ходе подготовки дела суд выясняет у истца и ответчика, какие доказательства они могут представить (п.1, 2 ст. 263 ГПК); при необходимости предлагает сторонам представить дополнительные доказательства и разъясняет, что непредставление таких доказательств в установленный срок не препятствует разрешению дела на основе имеющихся доказательства (п.7 ст. 263 ГПК); по сложным делам обязывает ответчика представить письменные объяснения (п.8 ст. 262 ГПК); истребует доказательства по ходатайству юридически заинтересованных в исходе дела лиц (п.10 ст. 263 ГПК) или в случаях, предусмотренных Кодексом, по собственной инициативе (п.11 ст. 263 ГПК).

О доказательствах же, образуемых с участием суда, речь идет в других пунктах: в процессе подготовки дела к судебному разбирательству суд разрешает вопрос о вызове свидетелей в судебное заседание или постановляет допросить их в месте пребывания (п.9 ст. 263 ГПК); разрешает вопрос о производстве экспертизы и о вызове специалиста (п.12 ст. 263 ГПК); направляет граждан на освидетельствование в организации здравоохранения (п.13 ст. 263 ГПК); в случае необходимости проводит осмотр доказательств на месте (п.14 ст. 263 ГПК); направляет другим судам судебные поручения (п.15 ст. 263 ГПК).

Таким образом, даже в первом приближении к исследуемой проблеме видно, что серьезных оснований для того, чтобы отрицать за судом право инициировать назначение экспертизы, не существует.

Список использованных источников:

1. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. / Т.А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича. – Минск: Амалфея, 2001. – 576 с.

2. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. / Т.А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2006. – 576 с.

3. Таранова, Т.С. Гражданский процесс. Общая часть: курс лекций / Т.С. Таранова. – Минск: БГЭУ, 2005. – 198 с.
4. Тихиня, В. Г. Гражданский процесс : учебник / В. Г. Тихиня. – 2-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2013. – 496 с.
5. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Л. И. Бакиновская [и др.]; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. А. Мирониченко. – Минск: Тесей, 2005. – 864 с.
6. Гражданский процесс. Общая часть / Т.А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Изд. центр БГУ, 2020. – 379 с.
7. Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2016. – №3. – С. 54-65.
8. Скобелев, В.П. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения судами дел, связанных с установлением происхождения детей / В.П. Скобелев // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2020. – №2. – С. 10-27.
9. Скобелев, В.П. Рассмотрение судами дел, связанных с установлением происхождения детей: о нерешенных процессуальных проблемах / В.П. Скобелев // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2020. – №3. – С. 84-93.

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДОСОВЕТСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Станишевская Л.П.,

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белорусского государственного экономического университета,
кандидат исторических наук, доцент,
пр. Рокоссовского, 65, 220110, г. Минск, Беларусь,
Nic-lus@yandex.ru*

Во все времена существуют проблемы, острота которых остается неизменной. Важнейшей из таких проблем является положение одной из самых социально уязвимой категории населения – несовершеннолетних. На разных этапах становления отечественной государственности законодателя в большей или меньшей степени интересовали вопросы ответственности детей за совершенные ими преступления. Вопрос защиты их прав в настоящее время заставляет правоведов обратиться к прошлому, поскольку удельный вес преступлений, совершаемых несовершеннолетними, как и прежде, остается высоким. По справедливому замечанию известного французского юриста Н. Рулана, даже если допустить, что исторический подход к праву – это роскошь, тем не менее, он весьма полезен, так как дает общие идеи в период, когда они очень нужны.

Формирование особого процессуального статуса несовершеннолетних происходило постепенно. Длительное время дети, не достигшие совершеннолетия, не признавались самостоятельным субъектом права. Вплоть до XVII в. гарантий защиты их прав не существовало вообще. Со временем выделяется категория «малолетние». Так, например, в ст. 185 гл. X Соборного Уложения 1649 г. говорится о том, «как поступать, когда малолетние, будучи позваны в суд, отзовутся, что «не умеют отвечать за себя». В ст. 79 Сысского приказа 1666 г. указывается, что к детям, не достигшим семилетнего возраста, не может применяться смертная казнь за убийство. В ч X гл 6 Краткого изображения процессов и судебных тяжб 1715 г. запрещалось применение пыток в отношении несовершеннолетних, но само понятие «несовершеннолетний» отсутствовало. Согласно указанию Сената 1742 г. малолетних (юношей и девушек до 17 лет) запрещалось подвергать смертной казни, пытке, кнуту. Вместо них допускалось сечение плетью и отдача в монастырь. Таким образом, законодатель начинает учитывать возрастные особенности несовершеннолетних, что свидетельствует о некотором улучшении процессуальных гарантий несовершеннолетних. Однако уже в 1744 г. в ходе пересмотра Указа был установлен 12-летний ценз[1].

Показательно, что Статут ВКЛ 1588 г., действующий на территории Беларуси вплоть до 1840 г. указывает возраст уголовной ответственности с 16 лет [2, с. 246].

С 1762 г. стали различать понятия «малолетства» и «несовершеннолетия». Необходимо отметить, что на российское законодательство оказала влияние римская школа права, где несовершеннолетние в возрасте до 7 лет считались «безусловно невменяемыми» [3, с. 45]. Екатерина II в Указе от 26 июня 1765 г. устанавливает полную невменяемость детей до 10 лет. Смягчение наказания допускалось по отношению детей 10 - 17 лет. При этом выделялись возрастные периоды: с 10 до 15 лет и с 15 до 17 лет. Дети до 10 лет признавались абсолютно невменяемыми. Они освобождались от телесных наказаний и передавались на исправление родителям, родственникам или опекунам.

Впервые об особом статусе малолетних и несовершеннолетних по вопросу применения наказания упоминалось в ст. ст. 143 - 150 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.[4] (далее – Уложение). В данном документе субъектом преступления признавалось физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 10 лет, а лица в возрасте от 7 до 10 лет не подвергались наказанию. Так, ст. 143 Уложения гласит: «Дети, коим более семи, но менее десяти лет от роду, и которые не имеют еще надлежащего о своих обязанностях разумения, не подвергаются определенному в законах наказанию, но отдаются родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и наставления, между прочим и чрез духовника их или другого священнослужителя. Сие правило распространяется и на имеющих от десяти до четырнадцати лет от роду, когда с достоверностью признано, что преступление учинено ими без разумения[5]. Данное правило можно считать предпосылкой современного основания освобождения от

уголовной ответственности, связанного с отставанием в психическом развитии. Наказание детей от 10 до 14 лет, совершивших преступление «с разумением» по ряду оснований также смягчалось (ст. 144 Уложения). Что касается несовершеннолетних от 17 до 21 года, то наказание им назначалось уже как совершеннолетним, однако с сокращением сроков.

Правовое оформление процессуальные особенности судебного преследования несовершеннолетних получили в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС). В нем указывается, что малолетние в возрасте до 14 лет к свидетельству под присягой не допускаются. В ст. 963 УУС отмечается, что несовершеннолетние в возрасте до 21 года не подвергаются обряду публичной казни, но понятий «несовершеннолетний» и «малолетний» по прежнему нет. В УУС предусматривался вызов сведущих лиц для решения вопроса о разумении. Закон от 2 июня 1897 г. «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых» содержит уже более позитивные нормы процессуального регулирования уголовной ответственности детей [6]. Закрепляется ограничение принципа гласности по делам о несовершеннолетних, обязательная защита и др.

В результате революционных преобразований несовершеннолетние оказались самой незащищенной категорией населения. Советская власть считала преступность пережитком капитализма. В стране провозглашается лозунг: «Все дети – это дети всего государства», вопрос о проблеме детства становится предметом заботы законодателей. Родители признаются «временными» воспитателями и опекунами. Несовершеннолетние превратились из объекта родительской власти в объект государственной политики.

Декретом от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» упраздняются суды для несовершеннолетних и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних. Дела же об общественно опасных деяниях лиц до 17 лет стали относиться к ведению указанных комиссий. Несмотря на то, что комиссии были уголовно ориентированы, они восприняли опыт «детских» судов. По инициативе В.Г. Короленко осенью 1918 г. создается независимая общественная организация – Лига спасения детей. За короткий срок своей деятельностью лига помогла 3,5 тыс. детей [7, с. 94]. Параллельно с Лигой в 1919 г. по линии государства создается Совет защиты детей, а в 1925 - Центральная Комиссия по делам несовершеннолетних, чуть позже начинают свою деятельность местные комиссии по делам о несовершеннолетних.

В 1920-е гг. утверждаются правила подсудности дел о несовершеннолетних, уточняются требования к народным заседателям, сроки рассмотрения дел, впервые формулируется правило о недопустимости рассмотрения дел несовершеннолетних без участия защиты и др. Декрет СНК РСФСР «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» от 4 марта 1920 г. устанавливает возраст уголовной ответственности несовершеннолетних с 14 до 18 лет. Дела этой возрастной категории стали передаваться в народный суд в исключительных случаях, если

комиссия устанавливала невозможность применения к ним мер медико-педагогического воздействия[8].

В УПК БССР 1923 г в ст. 38 малолетние определяются как лица моложе 14 лет, а несовершеннолетние как лица в возрасте от 14 до 16 лет. Процессуальный гражданский закон, прежде всего, защищал интересы государства, а не детей. В то же время, в соответствии со ст. 9 ГК БССР несовершеннолетние, достигшие 14 лет, признавались способными к самостоятельному распоряжению получаемой ими заработной платой и самостоятельной ответственности за причиненный их действиями вред, а также к совершению любых допускаемых законодательством сделок с согласия своих законных представителей – родителей или опекунов.

В июле 1931 г. принимается Постановление СНК «О комиссиях по делам несовершеннолетних». Комиссиям вменялась в обязанность организация работы по охране прав и интересов детей и подростков, а также работа по предупреждению и борьбе с их безнадзорностью. В целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних возрастной ценз снижается, принимается Постановление СНК СССР и ЦИК СССР от 7 апреля 1935 года № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В нем отмечается, что несовершеннолетние, начиная с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания. Указанное Постановление действовало до декабря 1958 г., то есть до утверждения «Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Согласно указанному документу уголовная ответственность стала наступать с 16 лет. Несмотря на то, что УПК БССР 1961 г. существенно дополнил регламентацию рассматриваемого производства, нормы о несовершеннолетних, в отличие от УПК РСФСР 1960 г., все еще не были объединены в отдельную главу, а располагались применительно к отдельным статьям и институтам. В связи с этим Пленум Верховного Суда БССР в течение 60-70-х гг. неоднократно пояснял и разъяснял порядок применения норм закона в части производства в отношении несовершеннолетних.

Принятие Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик, Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик привели к необходимости разработки наиболее эффективных мер предупреждения преступности несовершеннолетних, обращению, прежде всего, к воспитательным мерам воздействия в отношении детей. Лица, совершившие преступление до 18 лет, освобождались от дальнейшего отбывания ссылки.

В Конституции СССР 1977 г. (ст. 53) конституционное закрепление получило положение о том, что семья находится под защитой государства. В Конституции БССР 1978 г., провозгласившей построение развитого социализма и общенародного государства, закрепляется положение о правовой защите, материальной и моральной поддержке материнства и детства (ст. 33). В ст. 51 указывается, что «семья находится под защитой государства», а ст. 64

обязывает граждан заботиться о детях, готовить их к общественно-полезному труду, растить достойными членами общества. Принятие Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г. изменило, таким образом, отношение общества к подрастающему поколению.

Принятие ряда международных документов, направленных на защиту прав детей (Женевская Декларация прав ребенка 1924 г., Декларация прав ребенка 1959 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г. и др.), которое сопровождалось утверждением идеи о приоритете интересов детей перед потребностями государства, не могло не сказаться на политике советского государства. Так, дети стали рассматриваться уже не как объекты, а как субъекты правоотношений, самостоятельно действующие граждане. Ст. 13 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка» и ст. 189 Кодекса о браке и семье закрепили положение о том, что несовершеннолетние в случае нарушения их прав могут обратиться не только в органы опеки и попечительства и прокуратуру, но и по достижении 14 лет – в суд.

Таким образом, анализ законодательных источников XVII – XX вв. свидетельствует об эволюционном развитии процессуальных прав несовершеннолетних: от отдельных упоминаний в памятниках права XVII-XIX вв. до современного процессуального института.

Список использованных источников:

1. Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. / Под ред. Л.В. Черепнина. - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963. - 510 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://adverbium.org/ru/s-pamrusprava7.htm> (Дата обращения 03.09.2020).

2. Лесун, Л. И. Охрана прав ребенка в Статутах Великого княжества Литовского / Л. И. Лесун // Соц.-пед. работа. – 2010. – № 9. – С. 62–64.

3. Бычков, А.Н. Участие педагога в российском уголовном судопроизводстве / А.Н. Бычков. - М.: Юрлитинформ, 2011. - 176 с.

4. Отечественное законодательство XI - XIX веков / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 1999. Часть I. XI - XIX вв. – С. 324 - 362.

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской Империи, Русское книжное товарищество «Деятель». СПб., 1912 // Электронная версия «Консультант плюс», 2020.

6. О малолетних и несовершеннолетних подсудимых: Закон Российской Империи от 03.06.1897 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 17. № 14233.

7. Кривоносов, А.В. Исторический опыт борьбы с беспризорностью / А.В. Кривоносов // Государство и право. – 2003. – №7. – С. 92 – 98.

8. Тетюев, С. В. Выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего : история нормативной регламентации / С. В. Тетюев // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 2. – С. 78–82.

ЗАЩИТА ПРАВ НА МАТЕРИНСТВО И ОТЦОВСТВО РОДИТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СИРОТ

Стрижак М.С.,

*доцент кафедры гражданского права и процесса
БИП – Университета права и социально-информационных технологий,
кандидат юридических наук, доцент,
ул. Короля, 3, 220004, г. Минск, Беларусь,
Marina.Strizhak@inbox.ru*

Конституционное право на семью с момента рождения ребенка принадлежит ему и его родителям. Традиционно оно рассматривается в рамках гражданского и семейного права. Тем не менее, последние научные и нормотворческие проекты отечественных и зарубежных конституционалистов, исследующих вопросы семьи и детства, подтверждают актуальность развития конституционно-правовых аспектов права ребенка на семью.

Изначально идея об особых правах детей возникла в Европе где-то в конце XIX – начале XX века. Это были гуманистические представления о том, что дети не должны умирать без медицинской помощи и от голода, что у каждого ребенка должно быть жилище. Именно эти права, которые, в общем и целом, относятся к социальным правам человека, стали основой первых деклараций о правах детей. Они относятся и к правам человека, но акцент сделан на том, что дети более беззащитны [2].

Сегодня под видом борьбы за «особые права детей» проводится уничтожение традиционных ценностей, главная цель которой – освобождение детей от родительской власти и семейного воспитания. Права ребенка понимаются, как возможность делать все что угодно, независимо от того, согласны с этим его родители или нет. Право ребенка на сексуальные отношения закреплено на международном уровне под видом права детей на сексуальное образование [2].

В правовом поле действуют две идеологемы. Сторонники первой утверждают, что семья для ребенка – это наиболее безопасное место, поэтому ребенка нельзя рассматривать отдельно от его семьи. Сторонники второй, считают, что в семье могут потенциально нарушаться права ребенка, если родителей не контролировать с помощью социума в лице учителей, врачей и др. Эта радикальная парадигма на практике стала преобладать во второй половине XX века во многих странах, но не нашла социального консенсуса [3].

Традиционные для всех народов мира семейные ценности представляются как семья – папа, мама и дети. Статистика и исследования показывают, что ребенок в наибольшей степени защищен от всех видов преступлений, когда он растет в полной родной семье. Это самая безопасная среда для ребенка. Он нуждается в защите своей семьи, поэтому воспитывать и защищать ребенка – это дело родителей и семьи [2].

Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства.

Женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги равноправны в семейных отношениях. Родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении.

Родители и дети нуждаются в особой поддержке и заботе со стороны государства, поскольку именно от них напрямую зависят демографический статус страны. Защита прав родителей и охрана семейных ценностей обеспечивается, прежде всего, с помощью надлежащего правового регулирования.

Статистика не раз подтверждала: наименьший уровень насилия как раз в полной семье, которая не переживала развод. «Чем дальше структура семьи уходит от этой модели, тем опасней она для ребенка. Это не обязательно так во всех случаях, но цифры показывают: в приемных семьях, тем более в учреждениях у детей проблем больше. По данным из разных стран, в замещающих семьях, куда попадают дети сироты или отобранные у родителей, уровень физического насилия над детьми в 6-8 раз выше, чем в обычных семьях. В учреждениях цифры выше раз в 20-30, так как прибавляется еще и насилие детей друг над другом. Словом, подход, согласно которому у родителей и семьи есть презумпция невиновности, имеет под собой научное обоснование» [3].

Большинство противоправных деяний совершается подростками из неблагополучных либо неполных семей. В таких ситуациях судебные решения чаще всего не исполняются, поскольку мать и отец не работают, состоят на учете в наркологическом диспансере, дети голодают и тому подобное. В отношении таких родителей применяется мера семейно-правовой ответственности – лишение родительских прав. Исходя из статистических данных, полученных в ходе исследования преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь, указанная проблема является достаточно актуальной для нашего государства. В качестве одной из детерминант, влияющих на уровень преступности несовершеннолетних, выступает отношение родителей к воспитанию собственных детей [4, с. 5].

На сегодняшний день очень много социальных сирот, оказывающихся в детских домах при живых родителях. Уменьшению сиротства должно способствовать комплексное укрепление семьи и семейных ценностей. «Во-первых, создание правовой среды, в которой семья защищена от необоснованного вторжения извне, в которой свято уважаются права, авторитет и роль родителей. Во-вторых, повышение общественного престижа семьи, родительства, семейных ценностей, чтобы образ семьи, брака, воспитания детей в массовом сознании был положительным. В-третьих, создание социально-экономических условий, в которых любая желающая этого семья оказывается в состоянии получить нужный ей доход, обеспечить себя жильем и т.п.» [5].

В последнее десятилетие XX в. мировое сообщество обратило внимание на необходимость особой правовой защиты несовершеннолетних. Знаковым событием стало принятие 20 ноября 1989 г. на 44-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Конвенции о правах ребенка. Подписав через год данный

международный документ, Республика Беларусь взяла на себя обязательство привести в соответствие с ним национальное законодательство. Так, был принят Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г., № 2570–XII «О правах ребенка» [6, с. 27].

В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье в разделе (далее – КоБС) «Охрана детства» определены права детей. В соответствии со ст. 181 КоБС ребенок имеет право на особую, преимущественную и первоочередную заботу как со стороны родителей, так и со стороны государства. Государство гарантирует защиту прав ребенка как до, так и после рождения. При этом аборт не запрещен. В ст. 67 КоБС установлена ответственность родителей за ненадлежащее воспитание в случае не обеспечения ими прав и интересов ребенка, в том числе, если ребенок находится в социально опасном положении. Согласно ст. 66.1 КоБС при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями, опекунами, попечителями своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей, или злоупотреблении своими правами, или отрицательном влиянии на поведение детей, или жестоком обращении с ними дети вправе обратиться за защитой своих прав и законных интересов в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижении четырнадцати лет – и в суд.

Республика Беларусь ратифицировала Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, называемые также «Пекинские правила», утвержденные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года. Во исполнение данного нормативного правового акта была создана система правовых механизмов, направленных на предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиту их прав и законных интересов, в том числе, в неблагополучных семьях. Для этого были приняты Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и Закон Республики Беларусь 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений».

В них было дано определение социально-опасного положения ребенка и определены органы, осуществляющие деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: комиссии по делам несовершеннолетних, органы государственного управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по труду и социальной защите, органы государственного управления здравоохранением, органы государственной службы занятости, органы внутренних дел.

Однако было высказано мнение, что законы не в полной мере соответствуют современным социальным реалиям, уровню развития криминологии и нуждаются в модернизации, в связи с чем стали создаваться новые правовые механизмы. Такие механизмы уже введены во многих европейских странах и получили название ювенальной юстиции – правосудия для несовершеннолетних. При этом ювенальная юстиция западного образца, которая призывает к снисходительному и слишком терпимому отношению по

отношению к малолетним правонарушителям, развращает их и приводит к разгулу молодежной преступности [7].

Впервые в истории правосудия были основаны суды по делам несовершеннолетних в США. С самого начала основу миссии ювенальной юстиции составляла забота о детях и подростках, поиск путей решения их специфических проблем, а не вопросы общества и лиц, испытывающих на себе последствия подростковой преступности. Такую ограниченную ориентацию закрепляла реабилитационная парадигма, характеризующая первый этап истории ювенальной юстиции.

Следует отметить, что при названной организации традиционные задачи правосудия не решаются: наблюдается полное равнодушие к ущербу, который нанесли противоправные действия несовершеннолетних людям или обществу. Примерно в середине XX века реабилитационная парадигма и реабилитационная миссия ювенальной юстиции подверглась серьезной критике [8, с. 15].

Соответственно, недопустимо выведение несовершеннолетних из правового поля «принуждения».

Еще одним аргументом против ювенальной юстиции называют создание расплывчатых критериев оценки семей на предмет неблагополучности и неоправданного в связи с этим отобрания детей. В частности, очень широко трактуется понятие физического и психического насилия над ребенком. Необходимо согласиться с точкой зрения экспертов, которые утверждают, что воспитание в семье предполагает послушание родителям и удержание ребенка от зла, в том числе путем запретов и наказаний, а реализованная система ювенальной юстиции фактически лишает родителей их естественного права воспитывать детей и преимущественного права на определение системы и приоритетов их воспитания. «В идеологии ювенальной системы родная семья не имеет какой-либо особенной ценности. Это просто среда, в которой протекает жизнь ребенка, и любой уполномоченный от государства внешний наблюдатель может квалифицированно определить, что нахождение в данной семье ребенку бесполезно, изъять ребенка из семьи и передать другим взрослым, которые будут лучше учитывать его интересы. Очевидно, что ювенальная философия подразумевает, что дети принадлежат не родителям, а государству. Оно ими распоряжается, как ценным имуществом» [7].

Таким образом, проекты открывают широкую возможность для изменения системы ценностей в нашем обществе, отрицательно повлияют на демографические показатели и противоречат традиционным семейным и морально-нравственным ценностям [9]. При этом основой всякого человеческого общества, уникальной и незаменимой, является естественная семья, основанная на браке между мужчиной и женщиной и направленная на рождение и воспитание детей. Именно в семье супруги находят любовь и радость, дети получают мудрость и опыт, необходимые для будущей жизни, а общество обретает прочную основу стабильности и процветания. Именно семья, соединяя поколения, учит людей служить друг другу, а в трудные времена становится защитой и поддержкой для каждого из своих членов. Все

страны согласно признали, что «семья является естественной и основной ячейкой общества имеет право на защиту со стороны общества и государства» (ст. 16 Всеобщей декларации прав человека) [1].

Список использованных источников:

1. Ялтинский Меморандум о защите семьи, отцовства, материнства и нравственности [Электронный ресурс]. – 2020. – <http://www.familypolicy.ru/read/1661>
2. Парфентьев П. Это не защита прав ребенка, а преступление [Электронный ресурс]. – 2020. – <https://pravoslavie.ru/111224.html>
3. «У семьи есть презумпция невиновности» [Электронный ресурс]. – 2020. – <https://www.kommersant.ru/doc/2070514>.
4. Сокол С.Ф., Стрижак М.С. Противоправные действия несовершеннолетних и гражданско-правовые основания возмещения причиненного ими вреда / С.Ф. Сокол, М.С. Стрижак // монография – Минск: «БИП – Институт правоведения», 2011. – 140 с.
5. Романовская Д. Возможна ли Россия без сирот? [Электронный ресурс]. – 2020. – <https://www.miloserdie.ru/article/vozmozhna-li-rossiya-bez-sirot/>.
6. Сокол, С.Ф., Стрижак, М.С. Ювенальная юстиция: ценность или мода на безответственность несовершеннолетних? // С.Ф. Сокол, М.С. Стрижак // Юстыцыя Беларусі. – 2011. – № 4. – С. 27–30.
7. Ярошевич Е. Осторожно: на пороге ювенальная юстиция! [Электронный ресурс]. – 2020. – <https://www.pro-life.by/antisemejnye-tehnologii/yuvenal-naya-yustitsiya/ostorozhno-na-poroge-yuvenal-naya-yustitsiya/>
8. Максудов Р. Ювенальная юстиция: взаимодействие государства и общества в реагировании на правонарушения и отклоняющееся поведение несовершеннолетних (исторический экскурс и методологический анализ) / Р. Масудов, М.Г. Флямер // Вопр. ювен. юстиции. – 2001. – № 1. – С. 9–17.
9. Ювенальная юстиция в России - Мы против! [Электронный ресурс]. – 2020. – // <http://www.juvenaljustice.ru/>

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ПОГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРИНЦИПЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Ткачева Д.В.,

аспирантка Белорусского государственного экономического университета

Научный руководитель: Телятицкая Т.В.,

заведующий кафедрой международно-экономического права

Белорусского государственного экономического университета,

кандидат юридических наук, доцент,

пр-т Рокоссовского, 65, 220000, г. Минск, Беларусь,

tkachevadeena@yandex.by

Безопасность занимает ключевое место в системе обеспечения национальной безопасности и выступает в качестве одного из главных ее структурных элементов. В смысловом плане термин безопасность используется как противопоставление опасности. Термин безопасность может характеризоваться как отсутствие опасности.

В толковом словаре В. Даля безопасность определяется как «отсутствие опасности, сохранность, надежность»[1]. В ряде изданий определение «отсутствие опасности» дополняется тезисом - «положение, при котором, кому-либо, чему-либо не угрожает опасность»[2].

Безопасность в общем смысле обозначает отсутствие опасности. Безопасность является многоплановым понятием. Данное понятие оценивает состояние системы взаимоотношений между людьми. Причем, в основе этих отношений лежат интересы различных сфер жизнедеятельности.

Конфликты возникают в каждом обществе при разрешении противоречий. Определение потребностей и реальных возможностей обеспечения безопасности государства, невозможно без системного анализа содержания и характера возникающих конфликтов. Под конфликтом понимается любое противоборство. Иногда конфликт с целью разрешения противоречий между противоборствующими сторонами может возникнуть в форме вооруженного столкновения между государствами в отдельном районе (регионе). Выделяют еще и внутренний военный конфликт – это вооруженное столкновение в пределах одного государства. Конфликты стали объектом научного анализа. Начался поиск путей обеспечения безопасности, стабильного и устойчивого развития общества. Теоретики середины 50-х годов XX столетия пытались найти пути решения проблемы примирения интересов. Устранение конфликтов, как между государствами, так и между социальными группами внутри самого государства. В связи с этим был введен термин национальная безопасность. Безопасность рассматривалась как состояние социальной структуры. На первый план выдвинулись различия национальных интересов во взаимоотношениях между государствами. Сначала необходимо четко сформулировать интересы, а затем определять пути, шаги по разрешению их противоречивости.

Исходя из вышеизложенного, безопасность понимается, прежде всего, как устойчивое состояние общественного организма, сохраняющего свою целостность и способность к саморазвитию, несмотря на неблагоприятные внешние и внутренние воздействия. Устойчивость общественной системы связана с ее способностью сохранять динамическое равновесие. Устойчивость общественной системы адаптируется к изменяющимся условиям существования, в том числе эффективно может преодолевать кризисные явления, разрешать социально-политические конфликты, справляться с экономическими трудностями.

Анализ состояния национальной безопасности государства показывает соответствие современным требованиям. Национальная безопасность обеспечивает способность государства реализовывать всю совокупность имеющихся в его распоряжении сил, средств и ресурсов с целью

предотвращения, локализации и нейтрализации военных угроз, создания благоприятных условий для жизни. Для обеспечения национальной безопасности государства необходима усовершенствованная военная организация государства, которая составляет основу военного потенциала страны.

Обеспечение национальной безопасности регулируется законодательством, которое должно включать в себя систему законов, нормативно-правовых актов, регулирующих отношения по обеспечению национальной безопасности. Закон «Об основах национальной безопасности». Такой закон отражает жизненно важные интересы Республики Беларусь в сфере обеспечения национальной безопасности.

Безопасность выступает в качестве общего понятия, характеризующего состояние защищенности от каких-либо угроз. По отношению к нему национальная безопасность является видовым понятием, имеющим отношение к характеристике безопасного состояния определенной формы конкретной социальной структуры. Национальная безопасность выступает как форма реализации, проявления безопасности. Необходимо учитывать, что отождествлять безопасность и национальную безопасность нельзя. Потому, что социальные структуры на одном и том же отрезке исторического времени отличаются друг от друга. Это выражается в разных национальных образованиях. И применительно к каждой из них национальная безопасность будет рассматриваться как более конкретное понятие, имеющее свой предмет. Анализируя виды безопасности, следует, что безопасность однозначное понятие. Безопасность нельзя подменять национальной безопасностью. Сама этимология понятия «национальная безопасность» свидетельствует о том, что речь должна идти об отсутствии или устранении опасности для определенной социально-этнической общности, занимаемой определенную территорию (государство) со своими социально-экономическими связями, культурой. Такая общность в современном мире выступает, как правило, в форме государства. Общность является субъектом системы государственных отношений. Однако противоречивость интересов привела к появлению новых понятий и терминов. Например, в сфере обеспечения безопасности в странах СНГ наряду с понятием государственная стало использоваться понятие национальная безопасность. Соответственно, возникла необходимость разграничения этих понятий. Изначально считалось, что данные понятия аналогичны, тождественны друг другу. Термин «национальная безопасность» чаще всего используется для характеристики состояния основных сфер жизнедеятельности нации. Такими сферами являются экономическая, политическая, гуманитарная, военная, культурная, экологическая и другие, в которых реализуются жизненно важные интересы нации и которые характеризуют ее как общественно историческое, этническое, экономическое, культурное образование. Из вышеизложенного следует определенная степень совпадения сфер национальной и государственной безопасности, где государство рассматривается как аппарат реализации интересов. К сфере государственных интересов как и к сфере обеспечения государственной безопасности относится деятельность

государственных органов в основных сферах жизнедеятельности государства. Однако, в силу различия интересов личности, общества и государства, как основных составляющих, государственная безопасность входит в понятие национальной безопасности, и отличается от него сферой охвата. В эту сферу входит безопасность государственных органов и институтов, защита интересов личности, общества и государства в сфере реализации государственных интересов. В то же время национальная безопасность включает в себя безопасность личности, даже когда интересы последней не совпадают с интересами общества. Это показывает необходимость формирования концепции безопасности. Необходимо четко формировать деятельность государственных органов по обеспечению безопасности. Это позволит обеспечить реализацию интересов, разрешение существующих между ними противоречий. Сферы реализации жизненно важных интересов. Интересы вытекают из сфер жизнедеятельности социальных структур. В свою очередь выделяются виды безопасности, в ее компонентах или элементах[3]. Наиболее часто исследователи проблем безопасности при рассмотрении данного вопроса склоняются к использованию термина виды безопасности, что нашло свое закрепление, например, в Законе Российской Федерации «О безопасности». К видам безопасности относят: экономическую безопасность, политическую безопасность, военную безопасность, социальную безопасность, культурную и др.

Таким образом, при характеристике национальной и государственной безопасности следует иметь в виду, что они отличаются, прежде всего, по масштабам охвата интересов социальных структур и их составляющих. Национальная безопасность понятие более широкое, чем государственная. Но сферы обеспечения национальной и государственной безопасности могут совпадать. Критерием их совпадения либо несовпадения является отсутствие или наличие противоречий между жизненно важными интересами личности, общества и государства. При отсутствии противоречий между различными общими интересами возможно совмещение сферы деятельности по обеспечению государственной и национальной безопасности. В то же время, каждая из них по отношению к безопасности выступает как форма. А по отношению к содержанию, уже относится с ней как конкретное с абстрактным.

В то же время в теоретических подходах к проблеме безопасности вычленяется то, что она является свойством, атрибутом социальной системы, выражающимся в ее целостности, самостоятельности и устойчивости. Таким образом, безопасность рассматривается как особый вид деятельности, система мер, направленных на предотвращение опасности. Выделяется как самостоятельное направление исследований. Анализ и построение системы обеспечения безопасности. Если в первом случае речь идет о признаках анализируемого явления, которые сводятся к свойствам и состояниям социальной структуры. То во втором случае дается характеристика таких признаков как действие и его результат.

Пограничная безопасность является составной частью национальной безопасности, представляющая собой состояние защищенности национальных

интересов от внутренних и внешних угроз в пограничном пространстве. Традиционно пограничная политика любого государства формируется исходя из приоритетов его внутренней и внешней политики. Государственная пограничная политика. Необходимость обеспечения защиты национальных интересов обусловлена наличием рисков и угроз в пограничном пространстве. Угрозы пограничной безопасности представляют собой совокупность условий и факторов, создающих опасность национальной безопасности в пограничном пространстве. Граница является атрибутом государственности и первым рубежом обеспечения безопасности страны. В современных условиях государственная пограничная политика обрела правовое значение и предназначена для создания благоприятных условий для обеспечения пограничной безопасности. Пограничная безопасность является составной частью национальной безопасности.

Таким образом, обеспечение безопасности национальной, государственной и пограничной должно осуществляться, прежде всего, системой мер и действий органов государственного управления, общественных организаций, участием каждого гражданина. Анализ составных сфер национальной безопасности определяет основные направления безопасности. Основой деятельности по обеспечению национальной безопасности в стране следует считать Концепцию национальной безопасности, в которой сформулированы интересы, факторы, создающие угрозы национальным интересам и направления деятельности по защите жизненно важных интересов и противодействию угрозам. Цели и средства государственного обеспечения национальной безопасности, сформулированные в ней, во многом определяют содержание проводимой политики во всех сферах жизнедеятельности общества. Однако развитие общества постоянно ставит перед государством и обществом новые проблемы. Для обеспечения безопасности необходимо разработать единые механизмы действий. Концепция обеспечения национальной безопасности во всех ее составляющих, должна включать в качестве элементов деятельность и механизмы обеспечивающие: выявление угроз и субъектов угроз национальной безопасности в современных условиях; определение объектов защиты; механизм выявления жизненно важных интересов государства и общества, сфер и особенностей их реализации. Необходимо определить основных факторы и условия, складывающихся в сфере обеспечения безопасности государства или общества.

Список использованных источников:

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: «Русский язык», 1978. - Т.1. - С.67.
2. Словарь русского языка. – М., 1957. - Т.1.- С.81.
3. Лабуш Н.С. Национальная безопасность России и средства ее обеспечения. - С.Пб, 1999. - С.12

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Хотько О.А.,

*доцент кафедры экологического и аграрного права
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
o.a.khatsko@gmail.com*

Проблематике установления и реализации гарантий целей устойчивого развития посвящают свой труд ученые-правоведы [1-3], специалисты в области экономических и социологических наук [4; 5]. Составляющей устойчивого развития выступает обеспечение экологической безопасности в силу взаимосвязи с реализацией прав человека, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь [6].

С момента утверждения Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. № 70/1 в ответ на возникающие вызовы Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года прошло 5 лет. Планы по реализации предусмотренных 17 целей устойчивого развития пока еще не достигли необходимых темпов и масштабов, а в свете пандемии COVID-19 сводится на нет даже некоторый достигнутый прогресс. Истекло также 5 лет со времени принятия Парижского соглашения 2015 г. в контексте Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. В свете использования научно-технических достижений и инноваций с бóльшим акцентом на цифровизацию в интересах устойчивого развития как положительной тенденции необходимо согласиться с утверждением Генерального секретаря ООН в том, что «если не сдерживать изменение климата, последствия пандемии померкнут на фоне климатических угроз» [7], поэтому задачи восстановления после пандемии следует направить на сферу охраны климата от глобальных изменений. Несмотря на то, что такие изменения неизбежны, следует стремиться к достижению нулевых выбросов, соответственно, ставить в качестве краткосрочной цели смягчение последствий изменения климата [8]. Бесспорно, что изменение климата уже оказывает непосредственное влияние на здоровье человека, безопасность продовольствия, достаток воды, безопасность. Ряд мер по смягчению климата, в том числе посредством сокращения выбросов парниковых газов, направлены на устойчивое развитие общества. Таким образом, стоит подчеркнуть, что достижение устойчивого развития возможно при взаимодополняющем направлении работы, непосредственно связанным с мерами по устранению факторов изменения климата.

Цели устойчивого развития не позиционируются как строго обязательные, они не закреплены на уровне нормативных правовых актов.

Однако, предполагается, что государства возьмут на себя обязательства по созданию внутригосударственных механизмов, содействующих достижению данных целей. Стратегические задачи перехода к устойчивому развитию в сфере экологии определены в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г. (снижение негативного воздействия на окружающую среду и улучшение ее качественного состояния, восстановление нарушенного экологического равновесия). Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г., одобренная на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г., устанавливает направления устойчивого развития. В Республике Беларусь разработана концепция проекта Национальной стратегии устойчивого развития до 2035 г., в которой предусмотрены цели устойчивого развития, многие из которых взаимосвязаны с обеспечением экологической безопасности. В качестве направлений устойчивого развития в ней закреплены повышение жизнеспособности экосистем и экологического здоровья через улучшение качеств окружающей среды, создание экологически безопасной среды проживания посредством обеспечения качества атмосферного воздуха, повышение экологической устойчивости городов, повышение уровня экологического образования и экологической культуры населения, а также обеспечение экологически благоприятных условий жизнедеятельности общества и граждан.

В 2019 году постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ приняты Рекомендации по организации национальных центров экологической безопасности, согласно которым основное предназначение таких центров заключается в обеспечении экологической безопасности и защиты экологических интересов государства [9]. Как отмечается, в вышеуказанном рекомендательном акте, в данной сфере почти всем государствам – участникам СНГ присущи недостатки в системе координации деятельности и на национальном, и на межгосударственном уровнях.

Знаменательным, необходимым и достойным событием является создание Национального центра устойчивого развития, успешно функционирующем на юридическом факультете Белорусского государственного университета под руководством профессора Сергея Александровича Балашенко, одной из задач которого является «разработка и внедрение в учебный процесс образовательных программ и планов, лекций и других материалов для обеспечения подготовки специалистов в области устойчивого развития, экологической безопасности, охраны окружающей среды и климатических ресурсов» [10]. Научная деятельность сотрудников вуза, в частности, кафедры экологического и аграрного права, занимающихся исследованиями в области обеспечения экологических прав граждан, экологической безопасности, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов на основе учения о правовых механизмах охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности [11] направлена на гарантирование целей устойчивого развития общества и государства.

Новейшие исследования подтверждают, что изменение климата происходит вследствие антропогенной деятельности, в том числе эмиссии парниковых газов и выбросов загрязняющих веществ, предлагаются некоторые меры (отказ от частых перелетов, редкое использование автомобилей), связанные в том числе с ограничением развития экономики либо личного комфорта [12]. Вопросы устойчивого развития и решение проблем обеспечения безопасности связывается с радиоактивным загрязнением территорий, а также с осуществлением строительной, градостроительной и архитектурной деятельности. Вместе с тем, наибольшие выбросы парниковых газов в атмосферный воздух осуществляют транспортные средства.

Транспортная деятельность оказывает влияние на все процессы хозяйствования и жизнеобеспечения, при этом интенсивная эксплуатация транспортных средств оказывает негативное воздействие на состояние окружающей среды и связанного с этим права на благоприятную окружающую среду и иных благ человека, закрепленных Конституцией Республики Беларусь. Снижение поездок на всех видах транспорта в связи с ограничениями, связанными с пандемией, доказало улучшение состояния защищенности окружающей среды. Однако стремление к экономическому развитию, необходимость обеспечения продовольственной безопасности повлечет за собой возобновление перелетов, передвижений автомобильным и иными видами транспорта, и тем самым неизбежно вернется и усилится негативное воздействие на окружающую среду, что поспособствует ускорению климатических изменений. По данным ООН в транспортном секторе труднее всего сокращать выбросы, и меры необходимо принимать на всех уровнях – от международного до местного, что является очень сложной задачей [13, с. 31].

В ст. 56 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» закреплено, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие хозяйственную и иную деятельность, связанную с выбросами парниковых газов в атмосферный воздух, обязаны сокращать объемы выбросов этих газов и (или) веществ, способствующих их образованию, накопление которых в атмосфере может привести к изменению климата. Экологические требования при осуществлении транспортной деятельности представлены в законодательстве в разрозненном и неупорядоченном виде, что говорит о фрагментарности и отсутствии системности их закрепления. Поскольку данные требования не имеют должной реализации, что подтверждается данными по ухудшению состояния атмосферного воздуха и изменения климата, необходим концептуально новый подход к установлению комплексной системы по обеспечению экологической безопасности как составляющей устойчивого развития.

В свете вышеизложенного представляется целесообразным создание эффективного правового механизма экологической безопасности в отношении всех видов транспортной деятельности на основе эколого-правового механизма (правового механизма охраны окружающей среды) как гарантии целей устойчивого развития. К элементам указанного правового механизма необходимо отнести следующие: а) программно-целевое планирование

обеспечения деятельности транспортного комплекса и прогнозирование возможного причинения вреда окружающей среде, а также проведения мероприятий по охране компонентов природной среды; б) экологическое нормирование, учет и мониторинг обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности, государственный и общественный контроль за соблюдением эколого-правовых требований при осуществлении транспортной деятельности; в) налогообложение и обязательное экологическое страхование ответственности владельцев транспортных средств, стимулирование мер охраны окружающей среды при осуществлении транспортной деятельности, возмещение вреда и иные меры ответственности при причинении ущерба окружающей среде в результате транспортной деятельности; г) трансформация экологического сознания и мышления граждан в целях повышения соблюдения эколого-правовой культуры субъектами транспортной деятельности, экологически культурного поведения гражданами в целях экологически безопасной транспортной деятельности и иные меры, направленные на обеспечение экологической безопасности. Кроме того, в силу глобальности проблем трансграничного загрязнения окружающей среды и изменения климата предлагается с учетом механизма обеспечения экологической безопасности конкретных видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, воздушного и иных) сформулировать комплексную правовую модель экологической безопасности транспортной деятельности. Для достижения целей устойчивого развития на наднациональном уровне следует урегулировать обеспечение экологической безопасности, не ограничиваясь принципом экологичности скоординированной (согласованной) транспортной политики, учитывая новейшие проекты в транспортной деятельности, в которых задействуются технологические процессы, в том числе связанные с цифровыми трансформациями в сфере транспорта, получившие закрепление в документах государств – членов ЕАЭС.

Таким образом, рассмотренный выше подход к установлению правового механизма экологической безопасности на примере транспортной деятельности предполагает решение проблемы обеспечения защищенности окружающей среды и гарантирование целей устойчивого развития общества и государства.

Список использованных источников:

1. Макарова, Т.И. Устойчивое развитие как принцип экологического права / Т.И. Макарова // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21-22 окт. 2010 г., г. Минск) / редкол.: И.Н. Колядко (гл. ред.) [и др.] – Минск : Позитив-цент, 2010. – С. 444–448.

2. Шингель, Н.А. Правовая охрана климата как элемент устойчивого природопользования / Н.А. Шингель // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : «СтройМедиаПроект», 2016. – Вып. 11. – С. 396–401.

3. Шахрай, И.С. Правовое регулирование распределения и перераспределения земельных участков в контексте устойчивого развития / И. С. Шахрай // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 4. – С. 45–49.

4. Шимова, О.С. Глобальная программа действий по образованию для устойчивого развития в контексте «зеленой» экономики / О.С. Шимова // Научн. труды Белорус. гос. экон. ун-та / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; [редкол. : В. Н. Шимов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 10. – С. 471–476.

5. Щеткина, М.А. Стратегия достижения целей устойчивого развития Республики Беларусь: социологический подход / М.А. Щеткина, С.В. Лапина // Проблемы упр. – 2019. – № 2. – С. 8–14.

6. Хотько, О. А. Проблемы правового обеспечения защиты прав граждан в сфере экологической и продовольственной безопасности / О.А. Хотько, А.И. Михнюк // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. – 2020. – № 2. – С. 253– 260.

7. Генсек ООН: если не сдерживать изменение климата, последствия пандемии померкнут на фоне климатических угроз [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1390322>. – Дата доступа: 06.12.2020.

8. Хотько, О.А. Правовые механизмы по недопущению глобального изменения климата в свете нарастающего воздействия выбросов парниковых газов при транспортной деятельности / О.А. Хотько // Правовые ценности в фокусе сравнительного правоведения: сб. материалов IX Междунар. конгресса сравнительного правоведения (Москва, 2 декабря 2019 г.) / Т.Я. Хабриева, Дж. Букиккио, В.Б. Исаков и др. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2020. – С. 56–59.

9. Рекомендации по организации национальных центров экологической безопасности: приняты на пятидесятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 50-11 от 22 ноября 2019 года) // Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых государств : офиц. сайт [Электронный ресурс] // Режим доступа : https://iacis.ru/upload/iblock/066/Prilozhenie-k-postanovleniyu-50_11.pdf . – Дата доступа: 11.02.2020.

10. Национальный центр устойчивого развития создан в БГУ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.bsu.by/main.aspx?guid=235071&detail=1127533>. – Дата доступа: 30.03.2020.

11. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т.И. Макарова [и др.] ; под ред. Т.И. Макаровой Минск: БГУ, 2016. – 191 с.

12. Оксфордские ученые подтвердили: в изменении климата виноват только человек [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://hightech.plus/2019/05/24/oksfordskie-uchenie-podtverdili-v-izmenenii-klimata-vinovat-tolko-chelovek>. – Дата доступа: 21.01.2020.

13. Транспорт в интересах устойчивого развития. – Нью-Йорк; Женева : ООН, 2015. – 263 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СФЕРЕ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шавцова А.В.,

*кандидат юридических наук, доцент,
ул. Московская 17, 220007, г. Минск, Беларусь,
danilavi4@mail.ru*

Працкевич З.С.,

*студент 3 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
магистр философии*

На современном этапе взаимоотношения между государственной властью Республики Беларусь и Белорусским Экзархатом (особая административная церковная единица, которая является зарубежной по отношению к основной церкви) становятся многовекторными и требуют внимательного изучения и рефлексии в научной среде. В связи с тем, что Белорусский Экзархат является самостоятельной церковной единицей, а также с тем, что законодательство Республики Беларусь приобретает собственные национальные черты, которые отличаются от законодательства Российской Федерации, возникает исследовательский интерес к нормам права, которые призваны регулировать взаимоотношения между государством и церковью. Эти взаимоотношения регулируются не только в сфере деятельности Белорусского Экзархата как отдельного юридического лица, находящегося на территории Республики Беларусь, но и в сфере среднего школьного образования. Данная сфера в Белорусской Православной Церкви понимается как миссионерское служение, тогда как для государства данное служение воспринимается как воспитание в подрастающем поколении: «культуры отношений к себе, своей семье, окружающим людям, природе и государству» [1], основанное на православных традициях белорусского народа.

В Республике Беларусь, как и в некоторых других странах, сложились партнерские взаимоотношения между государством и Русской Православной Церковью, представленной в Беларуси Белорусским Экзархатом. Республика Беларусь является не единственным государством, которое в рамках реализации конституционного принципа «свободы совести» заключает соглашения между представителями главенствующей религии и государством. Опыт зарубежных стран в данном вопросе способствует позитивному влиянию на тенденции развития религиозного образования в Республике Беларусь. Закрепление в Конституциях других стран формулировок, способствующих благоприятному развитию религиозного образования в общеобразовательных школах может быть воспринят и Республикой Беларусь. Данный опыт важен тем, что не нарушает принципа светскости государства и школы и способствует

нормальному соотношению законодательно закрепленных положений о религиозном образовании.

11 февраля 1929 года в городе Латеране было подписано соглашение между Римским Престолом и государством Италия [2]. Аналогичное соглашение было заключено 14 октября 2002 года между Республикой Грузия и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью [3]. Перед началом Второй мировой войны был заключен конкордат в Германии, особым разделом которого является сфера образования (школы и ВУЗы). Основной Закон Германии 140 статьей гарантирует религиозную свободу, а также провозглашает отсутствие государственной религии. Данная статья предусматривает специфические механизмы регулирования государственно религиозных отношений. К таким механизмам относятся: государственные и церковные договоры, конкордаты, церковный налог, особый публичный статус «ассоциация публичного права». В Республике Германии религиозные общины наделяются особым статусом. Таким статусом в различных регионах страны обладают: Католическая Церковь, Русская Православная Церковь Московского Патриархата, меннониты, методисты, Армия спасения, иудейские организации, мормоны, Свидетели Иегова, Адвентисты [4, р. 57]. В Конституции Германской Республики статье 7 говорится о том, что религиозное образование является обязательным предметом в общеобразовательной школе и оценка по данному предмету является основой для перевода в следующий класс [5, р. 117]. Согласно статье 142 Основного закона Германии в области образования, в том числе и религиозного, закрепляется особое положение между федеративным центром и областными центрами. Местные органы самоуправления вправе сами решать какая конфессия в данной области будет занимать определяющую позицию по отношению к другим в сфере общего образования. «Ряд конституций земель ФРГ обозначают церкви и религиозные организации как носителей образования и воспитания». Регионально реализация данного правомочия выглядит следующим образом: «конституция Баварии особо подчеркивает право католической церкви на соответствующее влияние в воспитательном процессе» [6, р. 457]. «В Баден-Вюртемберге представители церквей являются членами школьных советов, в Баварии – членами родительских советов, в Берлине – советов по воспитанию» [7, р. 77]. Конституции новых земель сдержаны в формулировках о религиозном образовании и оперируют формулировками гуманистического воспитания и толерантности [8, р. 254]. Опыт Республики Германии важен тем, что религиозное образование закрепляется не только дополнительными соглашениями, заключаемыми между государством и религиозной организацией, но и тем, что в Основном законе Германии зафиксированы целые статьи, посвященные именно религиозному образованию. Само религиозное образование становится предметом политической жизни страны. Ведущие политические партии страны в своих предвыборных программах в обязательном порядке затрагивают вопрос о религиозном образовании и его развитии в Германии. Это свидетельствует о широком участии общества в дискуссии по вопросу о религиозном образовании.

В Республике Беларусь, кроме конституционной формулировки о свободном выборе человека его отношения к религии и закона «О свободе совести и религиозных организациях», 12 июня 2003 года заключено соглашение между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [9].

Религиозная свобода находит свое закрепление в Конституции Республики Беларусь. Статья 31 Конституции гласит: «каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [10].

Данная норма закона Конституции Республики Беларусь соответствует и согласуется с рядом норм международных правовых актов. В частности, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В данной Конвенции в статье восемнадцатой содержится норма: «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных ритуальных обрядов» [11, с. 70]. Еще одним международным актом, который регламентирует деятельность религиозных организаций является Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений. Данная декларация провозглашает, что «религия или убеждения являются для каждого, кто их придерживается, одним из основных элементов его понимания жизни. Свободу религии или убеждений следует полностью соблюдать и гарантировать» [12].

Вышеозначенная Конституционная норма «о свободе совести и религиозных организациях» в Республике Беларусь имеет собственное понимание, заложенное законодателем. Так законодатель разграничивает основные понятия, содержащиеся в этой норме: свобода совести и свобода вероисповедания. Принцип свободы совести изложен в статье четвертой Закона Республики Беларусь «о свободе совести и религиозных организациях». Тогда как свобода вероисповедания раскрывается законодателем в части первой статьи пятой Закона «о свободе совести и религиозных организациях». Свобода вероисповедания фиксируется следующим образом: «право свободно выбирать, иметь, менять, выражать и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [11, с. 32]. В данной норме Закона прослеживаются противоречия между понятием «свобода совести» и понятием «свобода вероисповедания». Данное противоречие А.С. Бакун трактует следующим образом: «Закон №2054-ХІІ наряду с порядком создания и реорганизации религиозных организаций регламентирует правомочия исключительно данных организаций, которые являются

субъектами реализации коллективных правомочий свободы вероисповедания» [11, с. 73].

В юридической науке в результате такого противоречия между вышеозначенными нормами сложилось два подхода. Первый подход представлен И.И. Пляхимовичем, который утверждает единство двух вышеозначенных понятий. «Право традиционно называется свободой совести» [11, с. 73]. Вторая позиция по трактовке вышеозначенной нормы представлена С.В. Корзиком, который определяет ее следующим образом: «законодатель учел объективное сосуществование в рамках белорусской культуры не только религиозной духовности, основанием которой является вера, но и светской, основанием которой выступает научное гуманитарное знание» [13, с.122]. Данные подходы к трактовке конституционной нормы, прописанной в статье 31 Конституции Республики Беларусь, становится ключом к пониманию процессов, которые связаны с взаимодействием государства и Белорусской Православной Церкви. Конституционная норма становится фундаментом для дальнейшего развития взаимоотношений между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью в сфере среднего образования. Государство 12 июня 2003 года заключает соглашение с Белорусской Православной Церковью. Данное соглашение становится основой для более тщательного и тесного сотрудничества между заключившими его сторонами. «Государственно-конфессиональные соглашения о сотрудничестве как разновидности административного договора является формой государственного управления в сфере взаимодействия государства и религиозных организаций, поскольку позволяют и государству, и религиозным организациям согласовывать свои действия в решении общих задач» [11, с. 78]. Статья третья Соглашения о сотрудничестве дает основу заключать подобные соглашения с отдельными министерствами Республики Беларусь, в частности, с Министерством Образования Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Об утверждении Концепции непрерывного воспитания детей и молодежи [Электронный ресурс]: Постановление Министерства образования Республики Беларусь 15 июля 2015г., № 82 //ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019
2. Латеранские соглашения. Договор между Святым Престолом и Италией делам, заключен в г. Риме 11 фев. 1929 г.] [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.vaticanstate.ru. – Дата доступа: 18.08.2019.
3. Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью, заключено в г. Тбилиси 14 окт. 2002 г. // Свобода совести в международном и зарубежном праве: сб. документов / авт.-сост. В.В. Старостенко. – Могилев, 2012. – С. 121–124.
4. Barnes, Philip L. Religious Education: Educating for Diversity / P. L. Barnes, A. Davis. – London: Bloomsbury Publishing, 2015. – 512 p.

5. Davis, D. The Routledge International Handbook on Religious Education / D. Davis, E. Miroshnikova. – London: Routledge, 2013. – 1108 p
6. Derek H. Davis. The Routledge International Handbook of Religious Education / H. D. Derek, E. Miroshnikova. – London: MPG Books Group (Great Britain), 2013. – 414 p.
7. Durham, W.C. Facilitating Freedom of Religion or Belief: a deskbook by the Oslo Coalition on Freedom of Religion or Belief in Celebration of the 20th Anniversary of the Declaration on the Elimination of all Forms of Intolerance and of Discrimination based on Religion or Belief / W.C. Durham. – London: Leiden, 2004. – 812 p.
8. Englert, R. The establishment and structure of teacher training in Germany / R. Englert. – London: Leiden, 2011. – 127 p.
9. Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной церковью от 12 июня 2003 года. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://church.by> – Дата доступа: 24.10. 2019.
10. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 марта 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. Бакун, А. С. Конституционно-правовое регулирование обеспечения реализации свободы вероисповедания религиозными организациями в Республики Беларусь: дис. канд. юрид. наук. 12.00.02 / А. С. Бакун. – Минск, 2017. – 236 л.
12. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, принята резолюцией 32/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 нояб. 1981 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru>. – Дата доступа: 10.0.2019.
13. Корзик, С.В. Развитие конституционных основ регулирования отношений в области религии в суверенной Беларуси / С.В. Корзик // Весн. Кантытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – Минск, 2007. - № 1. – С. 122-130.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ ЖИВОТНОГО МИРА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Шингель Н.А.,

*доцент кафедры экологического и аграрного права
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
Singel.61@list.ru*

Одним из направлений устойчивого развития является рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов, понятие и общие правовые

признаки которого определены в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») [1]. В соответствии со ст. 1 указанного Закона «рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов» - пользование природными ресурсами таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к их истощению и тем самым позволяют сохранить их способность удовлетворять экономические, эстетические и иные потребности нынешнего и будущих поколений. Данное понятие, хотя и является слишком общим и не отражает особенностей всех видов природопользования, применимо ко всем видам хозяйственной и иной деятельности, имеющей природоресурсную составляющую. Природные ресурсы, использование которых в правовом отношении опосредуется различными видами права природопользования, представляют интерес для природопользователей в первую очередь как объекты экономической и иной деятельности, позволяющие удовлетворять материальные (в широком смысле) потребности природопользователей. В то же время они остаются важной составной частью окружающей среды и имеют экологические характеристики, сохранение и улучшение которых определяет ценность природных ресурсов не только для отдельных категорий природопользователей, но и для общества в целом, являясь в системе «общество-окружающая среда» важным элементом устойчивого развития.

Правовое понятие устойчивого использования объектов животного мира, предусмотренное в Законе Республики Беларусь «О животном мире» (далее – Закон «О животном мире») [2], очень близко в содержательном смысле к понятию, данному в Законе «Об охране окружающей среды». Его главной целью является сохранение биологического разнообразия, что можно рассматривать как универсальное требование ко всем видам природопользования и видам хозяйственной деятельности, в процессе которой используются ресурсы животного мира. Если определить значимость этого подхода применительно к сельскохозяйственной деятельности, то в первую очередь она выражается в необходимости экологизации сельского хозяйства [3-5], которая, как в целом процесс экологизации экономической деятельности, выступает одной из гарантий обеспечения биологического разнообразия животного мира.

Рассматривая особенности использования природных ресурсов в сельском хозяйстве в целом и ресурсов животного мира, в частности, мы выделяем две специфические характеристики данных правоотношений. Во-первых, особый объект правового регулирования, каковым являются ресурсы животного мира, определяющие во многом цели и направления использования этого компонента окружающей среды для различных видов экономической деятельности. Во-вторых, сама сельскохозяйственная деятельность, значительно усложнившаяся в последние годы, как с точки зрения ее отраслевого деления, так и в части требований к эффективному использованию материальных и природных ресурсов. Использование объектов животного мира в сельском хозяйстве имеет многообразные направления, не ограниченные только осуществлением соответствующих видов природопользования, в связи с

чем актуальной остается проблема согласования правовых норм природоресурсного и аграрного законодательства, в совокупности устанавливающих общие правила по устойчивому использованию природных ресурсов, в том числе ресурсов животного мира, в сельском хозяйстве.

Выделение сельскохозяйственного природопользования как самостоятельного вида права природопользования вызвано взаимосвязью и взаимозависимостью между сельским хозяйством и окружающей средой, что является одной из главных особенностей аграрных отношений. Сельскохозяйственное производство основывается на использовании природных ресурсов, которые являются средством производства в различных отраслях сельского хозяйства, а также природно-климатическими факторами, влияющими на размещение и специализацию сельскохозяйственного производства [6, с. 25; 7]. Окружающая среда является источником природных ресурсов, необходимых для ведения сельскохозяйственной деятельности, которая в свою очередь оказывает воздействие на окружающую среду, что формирует, в конечном счете, условия устойчивого развития сельскохозяйственной сферы.

Среди видов сельскохозяйственного природопользования, закрепленных в природоресурсном законодательстве, пользование объектами животного мира не получило достаточного развития, если не считать использования рыбных ресурсов для ведения рыбохозяйственной деятельности [8]. Тем не менее, не закрепляя специальных целей сельскохозяйственного использования ресурсов животного мира, Закон «О животном мире» позволяет выделить некоторые направления данного вида природопользования. Например, пользование полезными свойствами жизнедеятельности объектов животного мира, осуществляемое на условиях общего и специального природопользования [2, ст. 25, 26], которое имеет значение для организации эффективного сельского хозяйства, особенно в условиях его экологизации. В качестве примера осуществления данного вида пользования объектами животного мира можно привести пользование свойствами насекомых-опылителей, имеющее значение для развития такой отрасли АПК как пчеловодство или при ведении органического сельского хозяйства [9]. Мы не ограничиваем пользование ресурсами животного мира со стороны субъектов сельскохозяйственной деятельности только названным выше видом природопользования. Некоторые другие, например, пользование продуктами жизнедеятельности объектов животного мира, добыча и заготовка животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства [2, ст. 29, 32], могут быть также востребованы в сельском хозяйстве и нуждаются в правовом закреплении.

Однако в целом научная проработка проблем правового регулирования права пользования объектами животного мира в сельском хозяйстве осуществляется недостаточно. В дополнение к этому отсутствие надлежащей правовой базы правового регулирования данных отношений свидетельствует о необходимости уточнения видов и порядка осуществления перечисленных видов права сельскохозяйственного природопользования, предусмотренных в природоресурсном законодательстве Республики Беларусь. Выступающие

субъектами данных видов природопользования субъекты сельскохозяйственной деятельности имеют различный правовой статус (ими могут быть как коммерческие сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели, так и отдельные граждане, занятые не имеющей предпринимательского характера сельскохозяйственной деятельностью), соответственно которому они будут осуществлять право специального либо право общего пользования объектами животного мира. Условия такого пользования, однако, очень слабо определены законодательством. Статьи 31 и 32 Закона «О животном мире» предусматривают лишь общие требования к данным видам пользования. Они заключаются в том, что пользование полезными свойствами жизнедеятельности объектов животного мира без их изъятия и способами, названными в Законе (образование гумуса почвы, опыление растений, биологическая защита растений и животных от вредителей, болезней и т.п.), а также пользование продуктами жизнедеятельности объектов животного мира осуществляется без изъятия объектов животного мира из среды их обитания, бесплатно и без документов на право пользования объектами животного мира. Фактически в данных случаях имеет место общее природопользование, что противоречит статусу значительной части субъектов сельскохозяйственной деятельности, а также нормам Закона «О животном мире» [2, ст. 26]. Содержание данных видов пользования показывает, что основным условием их «легитимности» является соблюдение иных требований – по рациональному использованию объектов животного мира и их охране, в том числе вытекающих из принципа устойчивого использования объектов животного мира [2, ст. 7].

Наиболее активное применение норм законодательства о животном мире в сельском хозяйстве имеет место при осуществлении рыбохозяйственной деятельности, которая в организационно-экономическом смысле находится в составе агропромышленного комплекса. Рыбохозяйственная деятельность, включающая два направления: рыбоводство, то есть разведение и выращивание рыбы в искусственных водоемах, и ведение рыболовного хозяйства [8, п. 1.2], при значительном организационно-экономическом сходстве имеет существенные различия с точки зрения использования объектов животного мира. Так, в настоящее время ведение рыболовного хозяйства почти полностью охватывается нормами Указа № 580 и принятых в его развитие нормативных правовых актов, что полностью соответствует ст. 37 Закона «О животном мире». В названном Законе содержится отсылочная норма о том, что ведение рыболовного хозяйства осуществляется в порядке и на условиях, определенных правилами ведения рыболовного хозяйства и рыбоводства, то есть специальным законодательством в составе законодательства о животном мире. Отметим, что из Закона «О животном мире» в настоящее время нормы о ведении рыболовного хозяйства полностью исключены, и для их обозначения этот нормативный правовой акт не использует никакого специального термина. Рассматривая Правила ведения рыболовного хозяйства и рыбоводства как часть природоресурсной отрасли законодательства (о животном мире), следует указать на их специфическую сферу правового регулирования, лишь косвенно

связанную с сельскохозяйственной деятельностью. В основном эта связь проявляется в организационно-управленческой деятельности Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, осуществляющего государственное регулирование в сфере рыбохозяйственной деятельности. Природоресурсные аспекты ведения рыболовного хозяйства достаточно хорошо регулируются законодательством о животном мире, устанавливающим, в том числе, системные требования к непосредственной деятельности субъектов рыболовного хозяйства по использованию рыболовных угодий и добыче рыбных ресурсов. С точки зрения устойчивого развития наиболее важным требованием к ведению рыболовного хозяйства является требование по охране, воспроизводству и рациональному (устойчивому) использованию рыбных ресурсов (п. 2 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства). Это положение получило развитие в утвержденной в 2015 году Концепции развития рыболовного хозяйства в Республике Беларусь [10]. Концепция определила меры по обеспечению рационального (устойчивого) использования рыбных запасов при сохранении и восстановлении видового разнообразия рыб и других объектов животного и растительного мира, среды их обитания. В отличие от рыболовного хозяйства рыбководство как вид рыбохозяйственной деятельности практически не подпадает под действие норм законодательства о животном мире, что мы считаем существенным недостатком ныне действующего природоресурсного законодательства, а почти полностью интегрируется с аграрным законодательством, в котором постепенно выделяется такое направление правового регулирования как рыбное хозяйство. Мы полагаем, что в будущем общие подходы к закреплению устойчивого развития рыбохозяйственной сферы, увязанные с развитием «зеленой» экономики [11], должны быть отражены именно в законодательстве, касающемся рыбного хозяйства.

Список использованных источников:

1. Об охране окружающей среды : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ годы [Электронный ресурс] : в ред. Закона от 17 июля 2002 г. № 126-3 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Кацубо, С.П. О необходимости экологизации аграрного законодательства / С.П. Кацубо // Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности : сб. науч. ст. / О.А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И.П. Манкевич. – Минск : Бизнессофтсет, 2016. – С. 90-95.
4. Кузьмич, И.П. Экологизация норм аграрного законодательства как неотъемлемая гарантия сохранения благоприятной окружающей среды /И.П. Кузьмич // Теоретико-методологические и конституционные основы устойчивого развития национальной правовой системы в условиях глобальных

и региональных процессов в контексте защиты прав человека и построения правового государства: Материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной 90-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 19-20 окт. 2015 г. / редкол.: С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск ; Юридический факультет БГУ, 2015. – С. 669-672.

5. Будевич, В.А. Пути экологизации сельского хозяйства в Беларуси / В.А. Будевич, А.В. Зураев // Экология и защита окружающей среды : сб. тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19-20 марта 2014 г. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 42–45.

6. Шингель, Н.А. Аграрное право : ответы на экзаменац. вопр. / Н.А. Шингель. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 160 с.

7. Ибрагимов, К.Х. Современные проблемы правовой охраны земель сельскохозяйственного назначения / К.Х. Ибрагимов // Экологическое право. – 2009. - № 5-6. – С. 70-72.

8. О некоторых мерах по повышению эффективности рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ею [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 дек. 2005 г., № 580 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. Чиж, И.М. Отдельные аспекты правового регулирования производства и обращения органической продукции / И.М. Чиж // Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности : сб. науч. ст. / О.А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И.П. Манкевич. – Минск : Бизнессофтсет, 2016. – С. 221-230.

10. О Концепции развития рыболовного хозяйства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 июня 2015 г., № 459 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

11. Шингель, Н.А. Правовое регулирование производства органической продукции рыбного хозяйства: проблемные вопросы / Н.А. Шингель // Правовое обеспечение реализации принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь : [монография] / Е.В. Лаевская [и др.]; под ред. Е.В. Лаевской. – Минск : Четыре четверти, 2017. – С. 188-197.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Андрияшко М.В.</i> , ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ.....	3
<i>Антанович Н.А.</i> , ОЦЕНКА ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	8
<i>Анциферова Э.Ю.</i> СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....	11
<i>Валевко А.С.</i> , НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	14
<i>Василевич Г.А.</i> , ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	18
<i>Василевич С.Г.</i> , АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ.....	28
<i>Денисенко Н.В., Набатова А.Э.</i> , О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	35
<i>Ивашкевич Е.Ф.</i> , ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА.....	40
<i>Ильина Е.М.</i> , ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ИКТ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ООН В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	45
<i>Киселёва Т.М.</i> , КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	49
<i>Кондратович Н.М.</i> , РОЛЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА.....	52
<i>Кузьмич И.П.</i> , ВЛИЯНИЕ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ.....	56
<i>Макарова Т.И.</i> , ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ.....	62
<i>Маршалко Н.А.</i> , ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО.....	67
<i>Наумович Т.В.</i> , НОВЫЕ ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	72
<i>Олесько С.С.</i> , МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ.....	75
<i>Острога Г.А.</i> , ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И 13-Я ЦЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН: БОРЬБА С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯМИ.....	81

<i>Рыбключева О.З.</i> , ОЦЕНКА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	85
<i>Самусенко Л.А.</i> , ТЕРМИН «ПОЖАР»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ.....	89
<i>Синицына А.М.</i> , АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПОДЧИНЕННЫХ ЕМУ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В СФЕРЕ УТВЕРЖДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ.....	92
<i>Скобелев В.П.</i> , ВПРАВЕ ЛИ СУД НАЗНАЧАТЬ ЭКСПЕРТИЗУ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ПО СВОЕЙ ИНИЦИАТИВЕ?	97
<i>Станишевская Л.П.</i> , О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДОСОВЕТСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ.....	102
<i>Стрижак М.С.</i> , ЗАЩИТА ПРАВ НА МАТЕРИНСТВО И ОТЦОВСТВО РОДИТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СИРОТ.....	107
<i>Ткачева Д.В.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ПОГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРИНЦИПЫ И ПРИОРИТЕТЫ.....	111
<i>Хотько О.А.</i> , ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИЙ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА.....	116
<i>Шавцова А.В., Працкевич З.С.</i> , КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И БЕЛОРУСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СФЕРЕ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	121
<i>Шингель Н.А.</i> , ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ ЖИВОТНОГО МИРА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ.....	125